

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 2 2017 NO 1

К

РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2017

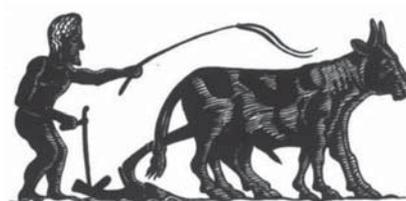
ТОМ 2 NO 1

*С***РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ** 2017 **ТОМ 2** NO 1

Издается с 2016 года
Выходит 4 раза в год
ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
В. А. Мау, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания)
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР Л. Королева; ДИЗАЙН, ВЕРСТКА: Издательский дом «Дело»,
РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Крестьяне. Обед», Э. Е. Серебрякова (1914). Холст, масло, 123 × 98 см,
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург).

© Авторы статей, 2017

© РАНХиГС, 2017

Содержание

Теория

- Никулин А. М.* Чаяновский утопизм: балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов 6
- Sobolev A., Kurakin A., Trotsuk I.* Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline 31

История

- Роднов М. И.* Крупный агробизнес Уфимской губернии (вторая половина XIX — начало XX века) 51
- Кузнецов И. А.* Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX — начале XX века 66

Современность

- Бреславский А. С.* «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) 90
- Шелуджов А. В., Рассказов С. В.* Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области 102
- Божков О. Б., Игнатова С. Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) 115

Рецензии

- Бабашкин В. В.* «Три эпохи — три социологии» 131
- Кузнецов И. А.* Рогатко С. А. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи 140
- Троцук И. В.* «...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии» 148

Научная жизнь

- Куракин А. А.* 20 лет Закону «О сельскохозяйственной кооперации» 166
- Никулина Е. С.* XIV Международная научно-практическая конференция «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв.» (15–18 августа 2016 г.) 170
- Толстов С. И., Усольцева О. В.* «Поставьте памятник деревне...» 173

Russian peasant studies

Vol. 2. 2017. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

I. A. Kuznetsov, RANEPA

A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA

M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE

I. V. Trotsuk, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University

V. V. Babashkin, RANEPA

S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)

K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)

S. Wegren, Southern Methodist University (USA)

V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics

O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)

A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences

V. A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

E. N. Krylatykh, RANEPA

V. A. Mau, RANEPA

S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)

P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)

S. Merl, University of Bielefeld (Germany)

T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences

R. M. Nureev, HSE

A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science

J. A. Pisano, New York University (USA)

J. Pallot, University of Oxford (UK)

J. C. Scott, Yale University (USA)

V. Ya. Uzun, RANEPA

O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

N. I. Shagaida, RANEPA

T. Shanin, University of Manchester (UK)

S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

Nikulin A. Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification 6
Sobolev A., Kurakin A., Trotsuk I. Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline 31

HISTORY

Rodnov M. Large agribusiness of the Ufa Province (second half of XIX — early XX century) 51
Kuznetsov I. Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late XIX — early XX centuries 66

THE PRESENT TIME

Breslavsky A. “Suburban Revolution”: The regional case (Ulan-Ude)
Sheludkov A., Rasskazov S. Mapping multistructural rural economy: Suburban and peripheral areas of the Tyumen Region. 90
Bozhkov O., Ignatova S. Regional practices of business and the authorities interaction (the Russian North-West case) 102

REVIEWS

Babashkin V. “Three epochs — three sociologies” 115
Kuznetsov I. Rogatko S. A. History of Russian Food from Ancient Times to 1917: A Historical-Economic Approach to the Agro-Industrial Development of the Russian Empire. 131
Trotsuk I. “...The search for a better world must be based on a thorough knowledge of geography” 148

SCIENTIFIC LIFE

Kurakin A. 20 years of the Law “On Agricultural Cooperation” 166
Nikulina E. XIV International Scientific-Practical Conference “Kargopol and the Russian North in the History and Culture of Russia (X–XXI)” (August 15–18, 2016) 170
Tolstov S., Usoltseva O. “Put a monument to the village...” 173

Чаяновский утопизм: балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

В данном исследовании рассматриваются особенности мировоззрения А. В. Чаянова, который в своей многогранной интеллектуальной деятельности обращался к экспериментированию и с жанром утопий. На основе анализа таких утопических произведений А. В. Чаянова, как «Опыты изучения изолированного государства» (1915–1923 гг.), «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), исследуются базисные элементы чаяновского научного и художественного мировоззрения.

В каждой своей утопии Чаянов конструировал различные оригинальные модели социального развития. Вопреки социальным кризисам первой трети XX века ученый стремился компромиссно оптимизировать противоречия между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством, крестьянством и капитализмом-государством, наукой и искусством, личностью и обществом. На стремлении достичь гармонических оптимумов развития человеческого общества фактически основывается утопическая релятивистская этика чаяновского аграризма, подвергаемая в данной статье критическому анализу.

Ключевые слова: автаркическое государство, крестьянская экономика, капитализм в земледелии, культурное многообразие, технический прогресс, релятивистская этика.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-6-30

Замечательный ученый-аграрник А. В. Чаянов моделировал оригинальные прогнозы альтернатив возможного будущего развития не только сельского хозяйства, но и всеобщих социальных процессов¹.

Иногда финал своих особо концептуальных академических статей и книг Чаянов мог завершить неким патетически эмоциональным провидением будущего. Например, мы в этом убеждаемся

1. Емкую и точную характеристику чаяновского мышления дал Т. Шанин: «Мысль Чаянова проникала сквозь дисциплинарные границы между экономикой, социологией, историей, сельским хозяйством, теорией познания и искусством. Особенно он отличался невероятной силой дисциплинированного воображения и умением выражать его в словах; он обладал выдающейся и оригинальной способностью создавать модели — соединять в своих работах научные и художественные достижения» (Шанин, 1995: 34).

на последней странице его монографии «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», опубликованной в 1927 году: «В критические моменты нашей, а также и Великой французской революции, когда государственный аппарат колебался под ударами врагов, народные вожди не раз выбрасывали лозунг „К массам!“ и бросали в борьбу стихию народных масс, своею мощью спасавшую положение... В тот час, когда окажутся бессильными все методы предпринимательства, когда экономический кризис и удары организованного заграничного капиталистического противника будут сметать наши сложные предприятия, для нас возможен единый верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, путь этот — переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа — на плечи крестьянского хозяйства... на его рабочую сопротивляемость, на его сознательность.

А для того чтобы они не уклонились от тяжести, нужно, чтобы они чувствовали, знали, сжились с тем, что дело сельскохозяйственной кооперации — их крестьянское дело! Чтобы это дело тоже было действительно мощным социальным движением, а не предприятием только!

Нужна кооперативная общественность деревни, кооперативное крестьянское общественное мнение... Без них кооперация будет всегда в опасности и всегда в состоянии неустойчивого равновесия» (Чаянов, 1991: 412–413).

Мы специально привели обширный отрывок из заключения знаменитой работы Чаянова, чтобы также обнаружить в нем фактически все основные понятия чайновской социальной теории, то есть когда среди социальных кризисов, колеблющих равновесие (устойчивое и неустойчивое), определяется треугольник взаимоотношений «государство — предпринимательство — крестьянство (кооперированное)» и поиск между ними оптимумов социально-политических решений, принимаемых вождями (элитами) в согласии с массами.

Это нахождение (и даже вычисление) оптимума теоретико-экономического и социально-политического в условиях неустойчивого, порой кризисного равновесия экономического и политического часто есть главная цель и вывод, заключительный аккорд типичного чайновского аналитического текста.

Исследователи творчества Чаянова любят подчеркивать его вклад в обоснование и развитие теории дифференциальных оптимумов сельскохозяйственных предприятий (Чаянов, 1928б), определенным образом интегрирующих фактически все его аграрно-экономические исследования. Например, И. Виноградова и В. Чаянов так суммируют сельскохозяйственную суть чайновских оптимумов: «Оптимум имеется там, где при прочих равных условиях себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая. Оптимум зависит от природно-климатических, географических

условий, биологических процессов. Все элементы себестоимости в земледелии Чайанов разделил на три группы: 1) уменьшающиеся при укрупнении хозяйств (административные расходы, издержки по использованию машин, построек); 2) увеличивающиеся при укрупнении хозяйств (транспортные издержки, потери от ухудшения контроля за качеством труда); 3) не зависящие от размеров хозяйств (стоимость семян, удобрений, погрузочно-разгрузочные работы). Оптимум сводится к нахождению точки, в которой сумма всех издержек на единицу продукции будет минимальной» (Виноградова, 2003).

Это действительно емкое и добротное определение чайановских оптимумом, в котором, впрочем, не упомянуто столь важное для Чайанова понятие динамики аграрно-экономической интенсификации, к тому же сформулированное лишь к прикладной точке зрения экономики сельского хозяйства. А ведь, подчеркнем еще раз, Чайанов был не просто аграрник-экономист, но прежде всего социальный мыслитель, который стремился определить возможные оптимумы для фундаментальных, базисных социальных процессов общественного развития в их интенсифицирующейся динамике противоречий и кризисов.

Здесь, конечно, невозможно было опереться лишь на социально-экономическую статистику, в прошлом и настоящем всегда неполную, а в будущем, естественно, отсутствующую. Вот тут-то чайановское мышление смело устремлялось через конструирование разнообразных социальных моделей альтернативного существования общества к прогнозированию возможных тенденций и вариантов эволюции человечества, тем самым фактически вступая в мир утопий.

Чаще всего исследователи творчества Чайанова анализируют его знаменитую фантастическую повесть-сказку «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Но и в ряду других, прежде всего научных произведений Чайанова, на наш взгляд, вполне можно обнаружить признаки утопического мышления, конструирующего утопию. Наше утверждение относится в первую очередь к таким абстрактно-теоретическим работам Чайанова, как «К теории некапиталистических систем хозяйства», «Опыты изучения изолированного государства». Кроме того, сам Чайанов наделял статусом утопии свою последнюю футурологическую повесть «Возможное будущее сельского хозяйства».

Необходимо отметить чрезвычайную социально-политическую интуицию Чайанова, позволившую ему одним из первых среди современников почувствовать глубинные изменения в скоротечном духе своего времени 1910–30-х годов, так точно названном британским историком Э. Хобсбаумом эпохой катастроф (Хобсбаум, 2004). Ведь и очередное обращение Чайанова к утопическому конструированию, как правило, совпадает с новыми катастрофическими шагами в эволюции общественной жизни России и мира первой трети XX века.

Так, например, через год после начала Первой мировой войны Чайнов одним из первых социальных мыслителей ставит вопрос о наступлении возможно длительного периода становления и усиления автаркического существования государств, что косвенным образом находит свое выражение в абстракциях его первой утопии «Опыты изучения изолированного государства», начатой в 1915 году и завершённой уже после революции, в 1923 году.

В разгар экономики военного коммунизма, в 1920 году, Чайнов, словно предчувствуя скорый и неминуемый кризис этой милитаристско-пролетарской химеры, создает головокружительно смелую антиутопическую противоположность в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Наконец, накануне «великого перелома», на волне роста индустриальных мечтаний первой пятилетки, в 1928 году Чайнов публикует свой технократический утопический прогноз «Возможное будущее сельского хозяйства».

Все три вышеупомянутых утопических произведения чрезвычайно различны по жанрам. Утопия 1915–1923 годов написана в жанре маргиналистско-абстрактного трактата по мотивам изолированного государства великого немецкого аграрника-экономиста И. Г. Тюнена (Тюнен, 1926). Вторая утопия представляет собой жанр художественно-фантастической повести-сказки. Третья утопия создана в жанре научно-технократического прогноза. Во всех этих жанрах Чайнов чувствует себя как рыба в воде — всем трем произведениям присущ разнообразно пластичный, но неизменно высокопрофессиональный стиль мастера.

Необходимо отметить по крайней мере еще две важные характерные черты чайновских утопических конструкций, делающих его утопии такими объемными и динамичными, что на их фоне большинство остальных известных нам утопий оказываются слишком плоскостными и статичными.

В каждой из своих утопий Чайнов особо оговаривает динамику трансформации пространства и времени! Что касается пространства, то Чайнов много внимания уделяет упоминанию и описанию региональных, локальных факторов утопических пространств, обладающих собственными структурно образующими границами, порой надежно изолирующими ту или иную страну или регион для наиболее полного воплощения возможностей их внутренних регионально-природно-культурных особенностей развития. Что касается времени, то в каждой из утопий Чайнов конструирует некий временной континуум, на хронологической шкале которого выделяет и анализирует особенности и варианты возможных социальных бифуркаций в поисках оптимумов форм общественной жизни как среди хорошо известных, так и возможно наступающих кризисов развития природы и общества. Обратимся к последовательному анализу каждой из трех утопий.

ТЕОРИЯ

Первой чаяновской утопией (весьма своеобразной) следует признать его этюды об экономике изолированного государства-острова, созданные между 1915–1922 годами и опубликованные в окончательном виде в 1923 году (Чаянов, 1923). С началом Первой мировой войны Чаянов пристально анализировал процессы дезинтеграции мирового рынка вообще и сельскохозяйственного в особенности и уже в 1914 году опубликовал соответствующий экономико-аналитический обзор (Чаянов, 1914). В 1915 году Чаянов от анализа эмпирических свидетельств автаркизации мирового и крестьянского хозяйства перешел к абстрактному моделированию взаимоотношения капиталистической и крестьянской экономик в автаркическом пространстве.

Используя мировоззренческие принципы модели И. Г. Тюнена², Чаянов строит собственную модель изолированного государства, которое для пущей изоляции называет государством-островом. (Чаянов, 1923). Цель этой абстрактно-маржиналистской работы заключается, во-первых, в рассмотрении проблемы соотношения сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности человека, а во-вторых, в сопоставлении крестьянской и капиталистической форм хозяйства в виде ряда абстрактных экономических теорем, конституирующихся в модели изолированного государства.

В чаяновской утопии две главы: глава 1. Проблема населения в изолированном государстве-острове; глава 2. Трудовое и капиталистическое хозяйство в изолированном государстве-острове. Каждая глава состоит из девяти параграфов, которые распадаются на отдельные пункты. Как и полагается, маржиналистскому произведению, к тому же применяемому к тюненовской геометрии центрально-периферийных пространств, эта небольшая по объему работа изобилует таблицами и графиками-рисунками. На ее 30 страницах уместились 30 таблиц и 7 рисунков.

Этот пространственно-маржиналистский трактат начинается с ряда абстрактно-теоретических допущений:

- существует некоторое изолированное государство-остров, в центре которого расположен город-рынок;
- площадь острова составляет 10 млн десятин плодородной земли;

2. Модель изолированного государства И. Г. Тюнена, созданная автором в середине XIX века, до сих пор остается источником вдохновения для ее дальнейшего развития и применения среди многих ученых-обществоведов самых различных профессий. Достаточно сослаться, например, на статью Б. Родмана (Родман, 1987). Применительно к аграрной экономике времен А. В. Чаянова чрезвычайно ценным является анализ, проделанный в статье (Кузнецов, 2013).

- один единственный пищевой продукт А удовлетворяет все человеческие потребности в пище в размере «400 пудов в год на работника и связанных с ним домохозяев» (Чаянов, 1923: 79);
- единственный продукт городской промышленности Т удовлетворяет все другие потребности человека и производится в количестве 10 пудов при неизменной производительности труда;
- производство продукта А происходит по законам убывающего плодородия почвы;
- транспортные издержки равны нулю;
- средства и орудия производства изготавливают сами производители;
- в стране нет частной собственности;
- в изолированном государстве-острове чрезвычайно быстро растет население;
- в конце первой главы, в параграфе 9 допускается, что эта страна может «входить в сношение с другими странами, отличающимися от нее по степени густоты населения» (Чаянов, 1923: 88).

При этом Чаянов, конечно, признает, что выдуманная им система хозяйственной жизни данной страны «до крайности упрощенная» (Чаянов, 1923: 80). Несмотря на это, он далее очень уверенно начинает оперировать предложенными собственными условиями, стремясь ответить на целый ряд вопросов, связанных с центральной проблемой исследования — изменением степени интенсивности земледелия во взаимодействии города и села в данной утопической стране. Через обширную галерею таблиц и графиков он приходит к выводу о первенстве сельского (крестьянского) хозяйства в его соревновании с городской экономикой.

Глава вторая начинается с введения в нее новых условий, в некоторой степени преодолевающих упрощения главы первой:

- признаются транспортные издержки;
- появляется частная собственность на землю;
- имеются капиталистические хозяйства;
- территория острова увеличена до 25 млн десятин;
- данная территория разделяется на пять концентрических зон;
- оговорены конкретные издержки транспорта для продуктов А и Т.

Затем опять следует каскад таблиц и графиков, варьирующих различные альтернативы взаимодействия трудовых и капиталистических хозяйств. В параграфе 17 предполагаются даже серьезные политические осложнения: «Примем, что небольшая группа граждан нашего города силою оружия или каким-то иным способом овладевает другим таким же островом, как их родина, и устанавливает на ней режим частной собственности на землю. При этом они получают возможность переселять к себе на остров из-

быточное население с первого острова, благодаря чему оно наводняет второй остров в качестве наемных рабочих, которым дают ту же заработную плату, как и на первом острове» (Чаянов, 1923: 108).

При любых разнообразно абстрактных условиях и вытекающих из них вариантах как первой, так и второй главы в своих выводах всякий раз Чаянов демонстрирует, как в его утопическом государстве-острове (и даже островах) трудовое сельскохозяйственное население возрастает, а городское население и капиталистическое хозяйство уменьшаются вопреки очевидным социально-экономическим реалиям XX века. В целом, как подчеркивает вдумчивый критик чаяновской утопии И. А. Кузнецов, «логика принятой Чайновым теории аграрного развития была однозначна: интенсификация земледелия ведет к аграризации и деиндустриализации страны. Трудовое крестьянское хозяйство эффективнее, чем капиталистическое. Однако эти выводы, особенно тот, что по мере интенсификации сельского хозяйства городское население должно сокращаться, откровенно противоречили действительности и тем самым демонстрировали абсурдность исходных предпосылок...» (Кузнецов, 2013: 403).

В следующей утопии, написанной в принципиально иной манере, не маргиналистско-тюненевского трактата, а художественно-фантастической повести, Чаянов ввел много новых и разнообразных предпосылок, но и они, как оказалось, свидетельствовали лишь в пользу новых замечательных перспектив крестьянства.

Оптимумы артистического популизма: 1984 год

Повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», пожалуй, самое знаменитое произведение Чаянова, в котором синтезированы его важнейшие социально-экономические и философско-эстетические воззрения (Чаянов, 1989). Именно эта повесть заслуженно привлекала и будет привлекать внимание специалистов различных социальных дисциплин, интерпретирующих ее самыми разнообразными способами часто с весьма противоречивыми выводами (см., например: Фигуровская, Симонов, 1988; Герасимов, 1997; Raskov, 2014). Эта повесть создавалась на пике Гражданской войны и политики военного коммунизма в революционной России, когда от имени красной и белой биполярной ортодоксии страна погрузилась в пучину Гражданской войны. Чаянов, словно отталкиваясь от ужасов окружающей его военно-революционной разрухи и кровавого ожесточения борющихся сторон, переносится с помощью своего воображения в культурную, демократическую, между прочим банально сытую и уютную сказочную Россию конца XX века, соответствующую, по-видимому, самым сокровенным чаяниям автора.

Сюжет повести таков. В своем кабинете в октябре 1921 года³ ответственный советский служащий, один из высокопоставленных деятелей большевистской партии Алексей Кремнев, размышляя о текущих событиях общественно-политической жизни, задается вопросом о возможных альтернативах развития человечества. Наедине с собой Кремнев не скрывает своего скептицизма: к 1921 году мировая революция везде победила, кажется, уже повсюду торжествует военный коммунизм со всеми его прелестями обобществления всего и вся вплоть до семейной жизни, всеобщей уравнительностью и повседневным продуктивно-продовольственным дефицитом. Размышляя, Кремнев намазывает масло на хлеб и запивает его кофе, добытыми на Сухаревском (черном) рынке. В рассеянности, пробегаая взглядом по корешкам книг своего кабинета, на которых в основном красуются фамилии знаменитых интеллектуалов-социалистов различных оттенков, Кремнев, раскрыв томик Герцена, читает его пророчество о том, что социализм не вечен и его в будущем может постигнуть судьба реакционно-консервативного учения, что на смену социализму, возможно, придет некая новая грядущая революция.

Кремнев с иронией относится к этому пророчеству, полагая, что ни социалисты, ни тем более либералы, у которых вечно туго с утопиями, не в состоянии придумать никакого принципиально нового загадочного и прекрасного мира будущего. Задолго до Френсиса Фукуямы Алексей Кремнев переживает ощущение конца истории, как вдруг теряет сознание и приходит в себя лишь в следующей главе повести — в сентябре 1984 года, в утопической Москве, в утопической России.

Итак, очнувшись от сна, из окна он видит с одной стороны так хорошо знакомые ему старинные исторические здания Москвы и Кремль, с другой стороны — бесконечные парки и сады на месте также знакомых многоэтажек конца XIX — начала XX века. Первое впечатление Кремнева: «Несомненно, это была Москва, но Москва новая, преображенная и просветленная» (Чаянов, 1989: 165–166).

Профессиональный обществовед Кремнев сразу догадывается, что странным образом попал в страну утопии и мучительно предполагает, с какого рода социальной системой будущего ему предстоит иметь дело. В поисках ответа он всматривается из окна в прохожих на улицах, признавая, что «люди живут на достаточно высокой ступени благосостояния и культуры...» (Чаянов, 1989: 166). Предметы в его комнате «... в большинстве были обычными вещами, выделявшимися только тщательностью своей отделки, какой-то под-

3. Между прочим, чаяновская повесть была опубликована в 1920 году. Следовательно, повесть уже начинается в будущем, пусть и не столь отдаленном. Уже с первых строчек мы находимся в близлежащей утопии, из которой ее главный герой через две главы повести и 63 года XX века попадает в новую утопию.

черкнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был сильно русифицированный Вавилон» (Чаянов, 1989: 166).

Роясь в книгах и газетах, судорожно читая загадочные фразы про крестьянство, эпоху городской культуры, англо-французскую изолированную систему, Кремнев оказывается в доме гостеприимного семейства интеллектуалов Мининых, которые, приняв его за ожидавшегося ими американца, с удовольствием показывают и объясняют Кремневу особенности жизни страны.

Кремнев убеждается, что Москва изменилась поразительно: снесена гостиница «Метрополь», в живописных руинах лежит Храм Христа Спасителя, фактически снесены все высотные здания эпохи модерна. Москва и Подмосковье представляют собой сплошной город-сад, где кварталы уютных и невысоких домов перемежаются обширными садами и парками. Из центра Москвы по Тверским-Ямским улицам, мимо аллей Петровского парка Кремнев на автомобиле приезжает в дом Мининых в Архангельском, знаменитое имение Юсуповых, в конце XX века преобразованное в высшую школу для воспитания юношей и девушек «Братство святого Флора и Лавра»: «Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны» (Чаянов, 1989: 176).

Между Москвой и Архангельским и далее на сотни верст в разные стороны простирались крестьянские дома и поля с тремя-четырьмя десятинными наделами, отгороженными между собой кулисами тутовых и фруктовых деревьев.

С членами семьи Мининых Алексей ведет постоянные беседы об искусстве, в особенности о живописи, о культурной и политической жизни утопической страны. Он убедился, что и в конце XX века в России семья остается семьей, где несколько поколений любят собираться дружной компанией за обеденным столом, вкушая яства домашней кухни.

Семейство путешествует дальше, отправляясь на ярмарку в Белую Колпь в окрестностях Волоколамска. Приходится продвигаться между телегами и автомобилями, набитыми веселыми крестьянскими парнями и девками, одеждой и внешним видом ничуть не отличающимися от представителей интеллектуального семейства Мининых.

Ярмарка оказывается не только средоточием торговли всякими вкусностями и сладостями, но также и местом продаж произведений искусства мирового класса. В местной торговой палатке крестьяне приобретают картины Венецианова, Кончаловского и даже «Христа отрока» Джампетрино, которого искушенный в живописи Алексей Кремнев любил в свое время рассматривать в залах

Румянцевского музея. Вообще в этой утопической стране господствуют вкусы великих искусств, здесь, кажется, нет ни поп-арта, ни поп-культуры. Некоторый элемент развлекательной культуры заключается лишь в павильоне восковых фигур — двигающихся автоматов. Зайдя в него вместе с семейством Мининых, Кремнев среди Цезаря, Наполеона, Ленина, Шалапина вдруг находит самого себя. Надпись под этим манекеном гласит: «Алексей Васильевич Кремнев, член коллегии Мирсовнархоза, душитель крестьянского движения России. По определению врачей, по всей вероятности, страдал манией преследования, дегенерация ясно выражена в асимметрии лица и строении черепа» (Чаянов, 1989: 192). Конечно, после такого сходства все окружавшие Алексея поразились, смутились, а кто-то почувствовал что-то неладное.

Тем не менее путешествие и познание утопической страны еще некоторое время продолжалось для Кремнева, пока вдруг не пришло известие о внезапном нападении Германии на Россию, почти тут же совпавшее с арестом Кремнева, заподозренного в шпионаже. В утопической стране тюрьмы оказались такими же комфортабельными, как и остальные социальные учреждения. Вызванный из тюрьмы на допрос Кремнев чистосердечно рассказал, кем он является на самом деле. Специальная комиссия, состоявшая не только из следователей, но и ученых историков, внимательно расспросив Алексея, пришла к выводу, «что он, несомненно, начитан в революционной литературе, в нем видно знакомство с архивами, но что он совершенно не представляет собою духа эпохи и чудовищно по непониманию толкует исторические события, а потому ни в коем случае не может быть признан их современником» (Чаянов, 1989: 206). Опустошенный Алексей был отпущен на все четыре стороны, а тут как раз и война для России победоносно завершилась. Так заканчивается повесть А. В. Чаянова.

Центральными главами утопии являются беседы Алексея Кремнева с Миниными старшим и младшим, которые доброжелательно и старательно на нескольких страницах книги излагают историю, культурное и социально-политическое устройство своей страны. Дополнительной информацией Алексей постоянно подпитывается, читая местные газеты, журналы, книги и созерцая окружающую его действительность.

В результате перед Алексеем последовательно раскрывается картина исторической эволюции России и мира, в которой, несмотря на победу мировой революции, консолидация социалистических сил оказалась хрупкой по ряду причин, одной из которых являлся банальный национализм. Германия вновь объявила войну Франции: «Постройка мирового единства рухнула, и началась новая кровопролитная война...» (Чаянов, 1989: 180). В итоге к концу XX века мир распался на *пять замкнутых народно-хозяйственных систем* (выделено мною. — А. Н.) — англо-французскую, немецкую, американо-австралийскую, японо-китайскую и русскую:

А. М. Никулин
Чаяновский
утопизм:
балансируя среди
кризисов интенсификации
оптимумов

«Каждая изолированная система получила различные куски территории во всех климатах, достаточные для законченного построения народнохозяйственной жизни, и в дальнейшем, сохраняя культурное общение, зажила весьма различной по укладу политической и хозяйственной жизнью» (Чаянов, 1989: 180).

В Англо-Франции и Америко-Австралии произошла реставрация капитализма. Японо-Китай стал монархией, сохраняя своеобразные формы социалистического народного хозяйства. Германия стремилась сохранить строй ортодоксально плановой социалистической экономики.

В России была своя собственная история социально-политической эволюции. Здесь в начале 1930-х годов крестьянство получает большинство во всех органах власти. В 1934 году, кажется, крестьянская партия окончательно приходит к власти, и на съезде Советов проводится декрет об уничтожении городов. Восстание городов в 1937 году под руководством некоего Варварина было подавлено, и после этого развернулись еще более кардинальные работы по трансформации сельско-городской местности России, связанной с разрушением городов, насаждением сплошь «сельско-мало-городской-крестьянско-культурно-парковой системы расселения». В результате ко времени посещения Алексеем утопической Москвы на сотни верст от нее и во всех обитаемых российских пространствах возник своеобразный сельско-городской континуум-симбиоз народно-хозяйственной жизни. Например, чисто городское население Москвы не превышало 100 тыс. человек, при этом на территории Москвы имелось гостиниц на 4 млн человек, необходимых для повсеместно мобильного населения, использующего великолепные пути сообщения будущего. Менее крупные, чем Москва, так называемые городища на месте бывших больших и малых городов представляли собой фактически большие или меньшие узлы социальных связей страны, включающих в себя, конечно, не только гостиницы, но и школы, библиотеки, театры, клубы. Разнообразные и разветвленные формы транспортного сообщения способствовали территориальному расселению, то более сгущенному, то более разреженному, по типу фактически единых сельско-городских поселений.

Экономика этой страны носит многоукладно рыночный характер, объединяет в себе государственные, кооперативные, муниципальные и даже капиталистические формы хозяйства. Последние в стране крестьянской утопии подвергаются особо тщательному контролю и повышенному налогообложению, тем не менее такой прирученный капитализм сохраняется в качестве стимула индивидуальной предприимчивости и всеобщей народно-хозяйственной конкуренции. Государство в экономике этой страны обладает монополией на основные природные ресурсы. Муниципальный сектор достаточно самостоятелен и развит как в политико-культурном, так и в социально-экономическом смысле. Но в сердцеви-

не этого народно-хозяйственного строя, по словам Алексея Минина, «так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство... В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» (Чаянов, 1989: 183).

Именно крестьянское хозяйство, конечно, через различные формы кооперации, связанные со всеми экономическими и культурными укладами, считается совершеннейшей организацией в утопической России.

В политическом плане эта страна представляет собой федерацию, где в ведении преимущественно центральной власти находятся суд, государственный контроль и некоторые учреждения путей сообщения. Во всех остальных сферах, а также уровнях политической организации допускается значительное разнообразие и самоуправление. Например, Алексей Минин рассказывает: «В Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели „удельного князя“, правда, ограниченного властью местного совдепа, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит „генерал-губернатор“ центральной власти» (Чаянов, 1989: 197).

Герои Чаянова не оперируют понятиями и категориями гражданского общества, но фактически его они и описывают, заявляя: «Мы считаем государство одним из устарелых приемов организации социальной жизни. ¼ нашей работы производится методами общественными, именно они характерны для нашего режима: различные общества, кооперативы, съезды, лиги, газеты, другие органы общественного мнения, академии и, наконец, клубы — вот та социальная ткань, из которой слагается жизнь нашего народа как такового» (Чаянов, 1989).

Тем не менее упомянуто, что, «несмотря на политико-культурный плюрализм этой крестьянской державы, где в отличие от большевиков не разбивали и не разбивают морду любому инакомыслящему, в случае реальной угрозы политическому строю пулеметы здешней крестьянской власти работают не хуже большевистских» (Чаянов, 1989).

Более всего Алексея Кремнева интересовали идеология и внутренняя организация властных элит страны крестьянской утопии. Один из колоритнейших представителей этой элиты Алексей Минин подчеркнул, что для нее в XX веке вопросы культурного влияния и развития были не менее, а пожалуй, более важны, чем вопросы экономические.

Именно поэтому крестьянские идеологи и вожди в предшествующие десятилетия своего правления стремились свершить культурную революцию в деревне — вырвать ее из естественного закисания и опрощения традиционной сельской жизни. Они пробуждали социальную энергию масс, направляя в глубинку все элементы куль-

туры, которыми располагали «уездный и волостной театр, уездный музей с волостными филиалами, народные университеты, спорт всех видов и форм, хоровые общества, все вплоть до церкви и политики было брошено в деревни для поднятия ее культуры» (Чаянов, 1989: 198).

Параллельно крестьянские элиты, конечно, стремились выработать научные основы управления обществом. В утопии неоднократно встречаются ссылки на фундаментальные общественно-политические труды крестьяноведов-теоретиков, например книгу некоего А. Великанова «Развитие крестьянского общественного мнения в XX веке» или на труды классика местной социологии А. Брагина «Скорость социальных процессов и методы их измерения», «Теория создания, поддержания и разрушения репутаций», «Теория политического и общественного влияния» (Чаянов, 1989: 215).

Таким образом, всяческая поддержка развития местной инициативы и самоорганизации сопровождалась одновременно индивидуальным поощрением и подбором творческих натур во всех областях человеческой деятельности — от политики и техники до науки и искусства.

Когда Алексей Кремнев обвинил своего собеседника Алексея Минина в том, что описываемый им порядок управления, в сущности, есть утонченная олигархия двух десятков честолюбцев, напоминающих ему каких-то антропософов и франкмасонов, Минин непоследовательно и неубедительно возражал его упрекам. При этом с фанатизмом воодушевления лишь уточнил, что он и его команда есть прежде всего «люди искусства» (Чаянов, 1989: 201).

В целом чаяновское «Путешествие моего брата Алексея...» представляет собой какой-то консервативно-традиционалистский «арт-поп» — артистический популизм, провидчески стремящийся противостоять грядущему культурному перевороту, который во второй половине XX века совершат поп-арт и постмодерн.

В этой утопической повести есть много сбывшихся и несбывшихся пророчеств. Из сбывшихся, пожалуй, особо сильное впечатление производит и сама избранная дата утопии — 1984, которая окажется впоследствии излюбленным числом для многих утопистов и футурологов XX века. Конечно, надо отметить предсказание исчезновения Храма Христа Спасителя и появление диктатора Варварина в 1937 году. Также, безусловно, заслуживает внимание фактически сбывшееся предсказание Чаянова о постоянном воспроизводстве многополярного международного мира, в котором социально-экономический кризис постигает именно те страны, которые в идеологической ортодоксии не меняют основ своей моноукладной государственной политики, как совхозная Германия, в результате терпящая поражение.

Из несбывшегося пророчества кажется, что чаяновской сельско-утопической Москве противостоит по всем статьям нынешняя реальная урбанистическая Москва конца XX — начала XXI века.

Впрочем, на наш взгляд, как раз именно в этой гиперурбанистической Москве можно обнаружить и латентно мощные гиперсельские черты, которые явно проступали, например, в кризис 1990-х годов в экспансии подмосковного дачестроения, а в 2000-е годы — в экспансии коттеджной субурбии, а также сохраняющимся мощным московским сельхозпроизводством⁴.

Все же главным политическим пророческим провидением этой утопии, на наш взгляд, является утверждение чрезвычайно важного значения политической модели экономико-культурного давления избранной утопической идеологии, осуществляемого сплоченной (именно сплоченной) командой олигархов (честолюбцев и эстетов по Чаянову)⁵. По прошествии XX века и сегодня мы убеждаемся, что по крайней мере в России сплоченная олигархия, придерживающаяся идеалов симбиоза экономики и культуры, не только на словах, но и на деле может добиваться некоторых результатов. Впрочем, Чаянов, в случае кризиса утопической Англо-Франции, упоминая об «олигархическом вырождении» ее политической системы, кажется, не рассматривал этот негативно кризисный случай применительно к России.

Оптимумы рационально-эстетского аграризма и постаграрного будущего

Третья утопия А. В. Чаянова, опубликованная в сборнике статей «Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии», появилась накануне коллективизации, а значит, ее автор уже был вынужден избегать конкретных социальных прогнозов, предпочитая концентрироваться на прогнозах научно-технических⁶.

Год появления этой утопии (1928) ознаменовался печально известным кризисом хлебозаготовок, повлекшим разрыв нэповской смычки города и деревни, который большевистское руководство стремилось, с одной стороны, преодолеть через внеэкономическое принуждение крестьян к сдаче хлеба, а с другой — форсировать амбициозные планы индустриального развития первой пятилетки.

Возможно, именно в предчувствии надвигающихся «великого перелома» коллективизации и «большого скачка» индустриализации во введении к последней утопии Чаянов постулирует в начале не только определенное отличие аграрной отрасли от индустриальной — он обещает показать в финале своей утопии, как в конце концов агрикультурное развитие закончится «окончатель-

4. О значении сельскости в современной Москве см.: Никулин, Никулина, 2015.

5. О значении олигархизма в советский период см., например: Кронрод, 1992.

6. Например, во всей этой утопии почти ни разу не встречаются слова «крестьянство», «крестьянский».

ной катастрофой и отменой земледелия», после которого в сельском хозяйстве лишь ненадолго останутся «декоративное садоводство, превращающее в парки поверхность нашей планеты, да, пожалуй, изготовление некоторых фруктов и вин, тонкая ароматность и вкусовые качества которых все-таки еще долго не смогут быть заменены продуктами массового производства» (Чаянов, 1928а: 335).

Временной горизонт последней чаяновской утопии составляет, по словам самого автора, 50–100 лет. Это чаяновское уточнение важно для нас: прибавив к 1928 году лет 50, мы, как уже теперь знаем, попадаем в разгар «зеленой революции» конца 1970-х годов, а прибавив еще лет 50 (то есть оказавшись лет на 10–12 впереди нашего времени), мы можем вообразить апогей современной биотехнологической революции.

Структурно хронологически эта научно-техническая повесть также двухтактная. Первому историческому полувековому такту посвящен первый раздел «Основная проблема сельского хозяйства и методы ее разрешения», а более отдаленным перспективам сельскохозяйственного развития — часть вторая «На путях к сельскохозяйственной утопии». Вместо заключения здесь есть даже третья, финально апогейная часть, чрезвычайно краткая, с характерным названием «Отмена земледелия».

Итак, в начале утопии утверждается, что основная проблема земледелия заключена не в тайне самой почвы, ее соков и ее плодородия — в старинно-поэтическом восприятии сельского хозяйства, но в современно-научном понимании процессов взаимодействия воздуха и солнечного света, для которых «следует подразумевать не столько землю как таковую, сколько поверхность, на которую падают солнечные лучи; вот эта-то поверхность, заливая солнечной энергией и соприкасающаяся с воздухом, и есть, в сущности говоря, основа земледельческого производства» (Чаянов, 1928а: 337).

Чаянов отмечает, что как такое качество земли не проблема для сельского хозяйства, ведь умудряются же французы и даже финны выращивать виноград на голом камне, а китайцы на плотках, дрейфующих по рекам Хуанхэ и Янцзы, организовывать интенсивное земледелие, озаряемое южным солнцем.

С точки зрения такого трезво рационального взгляда современное Чаянову сельское хозяйство представляется далеко не совершенным⁷. Главная проблема усовершенствования земледелия фак-

7. Несоввершенным сельское хозяйство начала XX века представлялось, конечно, не только Чаянову, но и многим ученым-интеллектуалам его времени. Как отмечал в переписке со мной по поводу обсуждения данной статьи И. А. Кузнецов, «идея о том, что производительность сельского хозяйства лимитируется количеством солнечного света на единицу поверхности, развивалась немцем А. Майером с 1870 года, в России была подхвачена А. П. Людоговским, далее многими. К. А. Тимирязев, иссле-

тически заключается в поиске оптимума взаимодействия кривых: потока воздуха и луча солнечной освещенности на плоскости земной поверхности. В связи с этим, сетует неоднократно Чайанов, мы повсюду наблюдаем низкие коэффициенты усвоения солнечной энергии сельскохозяйственными культурами. Например, в средних урожаях зерновых овес дает 0,23%, а рожь — 0,32%, свекла — 0,25%, картофель — 0,52%, сахарная свекла — 0,62% коэффициента усвоения энергии солнечных лучей. В целом сельское хозяйство не превышает в своем использовании солнечной энергии 0,5% от всего ее количества, попадающего на вегетационную площадь. То есть главная задача сельского хозяйства — «всемерное повышение указанного коэффициента использования солнечных лучей с наименьшей при этом затратой средств и труда» (Чаянов, 1928а: 338).

Поэтому с точки зрения будущего рационального районирования сельского хозяйства будет происходить его продвижение в сторону интенсификации и повышения коэффициента усвояемости солнечной энергии на соответствующую сельскохозяйственную площадь.

Чаянов сообщает, что над этой стратегической агрикультурной проблемой работают опытные сельскохозяйственные станции, более всего распространенные в США, Германии и СССР, имеющие уже 16 опытных полей и исследовательских учреждений, расположенных в различных регионах страны.

Чаянов предлагает к рассмотрению специальную региональную карту распределения систем земледелия в европейской части СССР. Далее он фактически комментирует, какие преобразования предстоят в основных сельских пространствах, обозначенных на карте⁸. Агрικультура этих пространств к концу 1920-х годов еще очень далека от рационального научного использования.

На севере территории страны располагаются огромные пространства заболоченных лесов, которые, предполагает Чайанов, в ближайшие десятилетия под воздействием мелиорации, выведения и использования новых сельскохозяйственных культур, устойчивых к холоду, применения специальных северных севооборотов трансформируются в районы выращивания льна, картофеля, ого-

дую фотосинтез, по существу приходил к выводу, что свет важнее почвы. Идея об искусственном производстве пищи в будущем также не нова для 1928 года, С. Булгаков писал об этом мельком еще в 1900 году как о конечном решении мальтузианской проблемы, и наверняка она и до этого широко бродила в мозгах и витала в воздухе».

8. Между прочим, на основе последних историко-экономических аграрных исследований можно утверждать, что данная карта основывается отнюдь не на чистой фантазии Чайанова, но на разработках представителями организационно-производственной школы Чайанова планов сельскохозяйственного развития различных регионов СССР на ближайшие 25 лет. Некоторые из этих региональных планов недавно проанализированы в соответствующих публикациях. См., например: Ильных, 2011; Бусько, 2000.

родных культур, а также молочного животноводства, распространившихся на много миллионов гектаров, при этом «... бесспорно, борьба человека с болотами и лесами заполнит собой многие годы из ближайших десятилетий» (Чаянов, 1928а: 344).

На юге страны, наоборот, предполагается проведение массивных работ по ирригации земель в зонах засушливого климата, а также применение специальных засухоустойчивых систем земледелия, использующих засухоустойчивые сорта растений. В результате юг страны превратится в территорию выращивания твердых пшениц, кукурузы, бахчеводства, рационализованного скотоводства и овцеводства. Непосредственно в Средней Азии предполагается победить пустыню: там, «где мощные реки могут послужить исходным пунктом орошения, мы сможем создать из сжигаемой солнцем пустыни роскошные оазисы, напоминающие собой тропические формы земледелия. Быть может, для этого потребуются погубить Аральское море путем израсходования на орошение всех вод питающих его рек и поставить крест на аральском рыболовстве, но национальный доход, который эти воды могут дать в форме земледельческих культур, во много десятков раз будет выше, чем временное рыболовство Арала» (Чаянов, 1928а: 345).

При этом, например, дельте Волги и Ахтубы Чаянов предостерегает превращение во вторую долину Нила, где благодаря акклиматизации новых агрикультурных сортов будут между собой перемещаться острова-оазисы полей риса и хлопчатника.

Наконец, в центре европейской части страны, где природные условия для ведения сельского хозяйства не столь экстремальны, как на юге и севере, Чаянов упоминает главную социальную проблему — аграрное перенаселение, которое в ближайшие десятилетия непосредственно в сельском хозяйстве предстоит преодолевать и через рациональное районирование.

На основе предлагаемой карты сельскохозяйственного районирования Чаянов описывает картины устойчивой региональной специализации ближайших советских сельских десятилетий. Например, для Московской и Ленинградской областей будущее составит «три кита» — молоко, картофель, лен. Здесь полностью прекратится производство зерновых культур, но зато будут выращиваться три головы продуктивного крупнорогатого скота на месте одной нэповской тощей коровки (Чаянов, 1928а: 347).

Белоруссия станет эпицентром экспортно ориентированного бабконного свиноводства СССР.

Северные, тульские, тамбовские, орловские черноземы удвоят свои урожаи благодаря применению фосфатных удобрений, а их зерновое хозяйство будет специализироваться в селекционном семеноводстве для всего Советского Союза.

На южных черноземах Воронежа и Украины будет происходить переход от зерновых к специальным техническим культурам с особым распространением сахарной свеклы и подсолнечника.

Регионы самарских, саратовских и ростовских степей будут специализироваться на твердых сортах пшеницы, перемежающихся посевами люцерны, кукурузы и бахчей с кормовыми арбузами. Относительно этого района Чайанов специально подчеркивает особую роль высокомеханизированных чисто американских форм хозяйства (Чаянов, 1928а: 348).

В Сибири предстоит скачок от экстенсивно-залежных форм земледелия к интенсивной форме паротравопольного хозяйства.

А самые плодородные земли страны, расположенные в Северно-Кавказском регионе и в особенности на Кубани, будут представлять собой процветающие области экспортного зернового хозяйства, ячменя, кукурузы, арахиса. Таково стратегическое видение Чайановым основ регионального развития СССР на ближайшие 25 лет.

В более отдаленной перспективе на 50 лет будут усиливаться радикально технократические черты аграрного развития, предсказанные Чайановым в следующем разделе его статьи, озаглавленном «На путях к сельскохозяйственной утопии» (Чаянов, 1928а: 349).

Здесь по девяти техническим характеристикам своего изложения Чайанов фактически предсказывает возможные направления грядущей «зеленой революции» 1960–80-х годов.

Первые два пункта посвящены кардинальному улучшению свойств хлорофильного зерна. Третий пункт подчеркивает значение роста урожайности под воздействием массового применения искусственных удобрений. В четвертом пункте содержатся важные предположения о революции в хранении и транспортировке как семенного материала, так и сельскохозяйственных плодов. Например, Чайанов с большим энтузиазмом упоминает, что в Америке некоторые плоды и овощи, в особенности помидоры, срываемые еще незрелыми и обрабатываемые этиленом, становятся спелыми через два-три дня при световом освещении.

В пятом пункте Чайанов предсказывает распространение биотоплива, правда, он не пишет о бразильском сахарном тростнике, из которого в наше время в широких масштабах изготавливается горючее для автотранспорта, но полагает, что подобного рода топливо в российских условиях, возможно, будет добываться в больших масштабах из соломы и льняной кострики.

Пункты шестой и седьмой посвящены успехам будущей селекции растений и животных. Чайанов предсказывает наступление революции в кормлении животных как благодаря улучшению самих кормовых культур, так и возможному появлению биодобавок. В результате будущая корова по удою молока будет равняться шести европейским коровам и пятнадцати советским коровам.

Последние девятый и десятый пункты посвящены излюбленным со времен «Путешествия брата Алексея в страну крестьянской утопии» вопросам предсказания и главное — регулирования климата земного шара.

А. М. Никулин

Чаяновский

утопизм:

балансируя среди

кризисов интенсификации

оптимумов

Чаянов предполагает, что на первом этапе человечество научится достаточно точно предсказывать как кратковременные, так и долговременные колебания погоды по конкретным регионам. Например, он считал, что уже использование математической формулы Обухова позволяло достаточно точно предсказать урожайность хлебов на северо-западе России на ближайший сельскохозяйственный сезон. Чаянов предполагал, что подобного рода успешные прогнозы вскоре будут возможны и для юго-восточных засушливых регионов России. Кроме того, он полагал, что возможно обосновать динамику длительных 11–35-летних погодных циклов для некоторых районов с прогнозированием в них особо неурожайных лет.

Впрочем, главная научно-метеорологическая революция произойдет позже, когда человечество, открыв законы движения образования волн холода и волн тепла, сможет не только наблюдать за ними, но и станет ими управлять, создав для этого специальное сверхмощное оборудование.

В итоге, по Чаянову, «все сельское хозяйство превратится тогда в размеренную, точно установленную систему производства, какой является наша обрабатывающая промышленность... Каждый миллиметр солнечных лучей, падающих на землю, встретит на своем пути вегетационную поверхность, которая с невиданным до сих пор процентом возьмет приносимую солнечную энергию, и ни одна капля в нашем оросительном балансе не пропадет, не оказав содействия этому процессу усвоения энергии солнца» (Чаянов, 1928а: 358).

Но именно в этот момент торжества управляемого оптимума кривых солнечных лучей и водяных струй, балансирующих в максимальной усвояемости растений агрикультуры будущего, свершится третий заключительный акт драмы технократической утопии Чаянова — произойдет «отмена земледелия» под воздействием колоссальных успехов промышленности, которые обеспечат в будущем массовое производство питательных веществ и пищевых продуктов, а также предметов повседневного обихода, как то одежда и мебель, изготавливавшихся традиционно из разнообразного сельскохозяйственного сырья. Химическая промышленность будущего, проникнув в тайны протоплазмы и белка, сможет синтезировать почти все питательные (и не только питательные) вещества, получаемые из продуктов традиционного сельского хозяйства.

Что же тогда будет с традиционными регионами сельского хозяйства и их продукцией, задается вопросом Чаянов. Не превратятся ли тогда сельские просторы СССР, США, Канады, Аргентины, Китая в «заросшие бурьяном пространства мирового пустыря, может быть, их покроют собой ковыльные степи... вековые леса...» (Чаянов, 1928а: 361), а человечество лишь сгрудится в оазисы, расположенные в подходящих климатических условиях? При этом Чаянов высказывает предположение, что через сто лет численность человечества возрастет раз в десять.

Впрочем, во-первых, по Чаянову, этому огромному числу народа потребуются, с одной стороны, громадные энергетические ресурсы для удовлетворения своих многообразных потребностей. А успехи энергетики будущего Чаянов связывает, кажется, исключительно с широкомасштабным применением солнечных батарей, которые занимают гигантские площади прежде всего в таких солнечных пустынях, как Сахара и Гоби, и оттуда беспроводными методами передают электричество в остальные регионы земного шара. Таким образом, для поддержания этого пространственно разветвленного энергетического хозяйства потребуется сохранять значительные поверхности земли от естественного природного запустения.

Во-вторых, и это главное, человечеству скорее всего надоест жить слишком скученно и, предполагая успехи развития разнообразных коммуникаций, Чаянов на последней странице своей последней утопии превращает планету в «сплошные города-сады, прерываемые обширными, в несколько десятков километров, полянами цветов и растений, преследующих цель быть освежителями атмосферы или же плодовыми садами, приносящими те фрукты, ароматность и вкус которых, по всем вероятностям, никогда не смогут быть воссозданы химическим способом производства; *эстетические же соображения* (выделено мною. — А. Н.) заставят покрыть всю площадь нашей земли садами, где место теперешних полей, злаков, культур льна и подсолнуха займут роскошные клумбы фиалок, роз и невиданных нами до сих пор, но совершенно изумительных цветов будущего. Можно сказать, что из всех наших культурных растений наилучшей будущностью и вечностью обладает, несомненно, красная роза с ее одуряющим, свежим, сладостным запахом — ей, и именно ей, должны будут уступить свое место все теперешние наши культурные растения, вытесняемые стальной машиной, изготовляющей из воздуха хлеб и ткани будущего» (Чаянов 1928а: 362).

Эта третья чаяновская утопия, по форме представляющая собой, кажется, песнь триумфа индустриализации сельского хозяйства, по внутреннему содержанию все-таки является в значительной степени и критикой аграрного индустриализма. В целом Чаянов собственно технократической стороне аграрного развития уделяет не много места в своей утопии. Например, он упоминает, что корова будущего будет в несколько раз больше давать молока по сравнению с нэповской буренкой, но он забывает вообще что-то сказать о тракторах, комбайнах, которые станут в десятки раз производительней «Фордзонов» 1920-х годов. Вообще Чаянов как утопист-технократ несилён. За исключением развития солнечной энергетики он вообще не пишет о перспективах других источников энергии, например атомных, хотя ряд его современников уже обращали внимание на будущее значение термоядерной энергетики, например Александр Богданов (Гловели, 2004: 71).

Надо также отметить своеобразную экологическую беспечность Чаянова, который в своих прогнозах аграрного развития

XX века предвидел и планировал решительное наступление человека на природу, через, например, вырубку лесов, проведение широкомасштабных ирригаций и мелиораций, не придавая значения возможным отрицательным экологическим последствиям. Впрочем, здесь Чаянов лишь разделял оптимистические иллюзии большинства своих современников с их лозунгом относиться к природе как к мастерской, а не храму.

Безусловно, последняя технократическая утопия Чаянова, кажется, кардинально отрицает все его предшествующие мировоззренческие доминанты. В ней последовательно теряют свой смысл и исчезают дорогие Чаянову изолированные границы отдельных социальных форм, между которыми он так мастерски определял и вычислял свои оптимумы. В последней чаяновской утопии рациональная сельскохозяйственная регионалистика Чаянова, достигнув своего совершенства, вдруг становится бесполезной из-за триумфа промышленного производства почти всех бывших продуктов сельского хозяйства. В процессе этого технократического переворота теряет свой смысл и исчезает как мелкое, так и крупное аграрное производство со всеми их знаменитыми противоречиями. Правда, и здесь Чаянов не отрекается от самого себя. Его чаяновско-галилеевское «А все-таки она вертится!» воплощается в безусловной эстетической тайне ценности цветка розы⁹.

Главный финальный вывод чаяновской утопии, между прочим, заключается именно в том, что индустриализм уберется из сельских территорий, ограничившись производством питания химическим способом в городской среде, а сельские пространства, обработывавшиеся индустриальным способом, в целом превратятся в футуристические рекреационные просторы для будущего многочисленного человечества¹⁰.

Утопический релятивизм чаяновских оптимумов

Противопоставляя в своих утопиях фундаментальные социальные, экономические, культурные, политические черты человеческих об-

9. Образ розы как символ тайны альтернативных возможностей человеческого существования периодически со времен Средневековья всякий раз с новой силой воплощается в фантазийных произведениях всемирной литературы. Достаточно сослаться на роман Умберто Эко «Имя Розы» и науковедческие комментарии к этому произведению. В 1920–30-е годы кроме чаяновского обращения к символике розы можно, например, упомянуть поля роз в фантастической повести Андрея Платонова «Эфирный тракт» и планету розы в фантастической сказке «Маленький принц» Сент-Экзюпери.

10. С конца XX века в развитых странах неуклонно нарастает тенденция как забрасывания и одичания сельхозугодий, так и их перевода в зоны туристической рекреации, при этом бывшие фермеры-агропроизводители превращаются в хозяев сельских гостиниц и парков сельских развлечений.

ществ, Чаянов стремился найти в этих противоречивых противопоставлениях оптимумы наиболее приемлемых решений и результатов — компромиссов, способствующих росту гармонизации окружающего мира.

Противоречия между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством, крестьянским и капиталистическим хозяйством, государством и его гражданами, наконец, между личностью и обществом с большей или меньшей полнотой находят свое отражение в рассмотренных нами утопиях.

Мы знаем, что, как правило, утопии создаются для формирования некоего социально-нравственного идеала в условиях не только политэкономического, но и культурного кризиса. Большинству наиболее известных и замечательных утопий свойственна попытка обоснования новой нравственности, новой этики, предполагаемого совершенного будущего. Именно в этом — изначальном нравственном аксиоматическом тезисе всякого настоящего утопизма — заключается удивительная особенность утопизма чаяновского. Чаянов в своих утопиях демонстративно, подчеркнуто не любит рассуждать о нравственности.

Пожалуй, единственный раз этический вопрос вдруг неожиданно ставится ребром в «Путешествии брата Алексея...», когда представитель утопической элиты «крестьянская Москва 1984» Алексей Минин заявляет: «По-нашему, если хотите, осознанная этика безнравственна» (Чаянов, 1989: 200).

Кажется, по чаяновскому утопизму выходит то же самое. Впрочем, это не значит, что утопист Чаянов безнравствен. Все выглядит так, что, по Чаянову, эволюция, совершенствование нравственности заключаются лишь в увеличении многообразия различных сторон бытия, ищущих себе выход в преимущественно мирном сосуществовании компромиссных оптимумов. В этом смысле чаяновская этика чрезвычайно релятивистична. В его утопиях не существует абсолютной нравственности — нравственность в них всегда относительна. В смысле постановки детского вопроса, что такое хорошо и что такое плохо, из чаяновских утопий следует ответ: там, где больше условий для признаков многообразия мира, стремящихся гармонично сосуществовать между собой, там и лучше, там и хорошо; а единообразие это хуже — это плохо.

Впрочем, здесь мы должны подчеркнуть, что Чаянов отнюдь не нейтрален в своих личностных социально-экономических и историко-культурных предпочтениях. Он аксиоматически убежден, что сельский мир крестьянских хозяйств является базой, фундаментом эволюции всемирного разнообразия человеческого общества. Здесь Чаянов — яркий представитель идеологии аграризма, противопоставляющий свои утопии другим идеологиям и другим утопиям: прогрессизму и урбанизму, капитализму и коммунизму¹¹.

11. Подробнее об идеологии аграризма см.: Бруиш, 2012.

А. М. Никулин

Чаяновский

утопизм:

балансируя среди
кризисов интен-
сификации
оптимумов

Чаяновский аграрный утопизм великодушен, в будущем он побеждает, но отнюдь не уничтожает, например, своих основных противников, а лишь приручает, контролирует их. Государство и рынок, индустрия и город, капитализм и социализм имеют право на существование в стране крестьянской утопии, подчиненные власти оптимумов всеобщего кооперативизма, укорененного в мудрости сельской гармонии.

Увы, противник чаяновского аграризма — бюрократический утопизм сталинизма был, напротив, жесток и вероломен. Он беспощадно обрывал и выкорчевывал поиски оптимизации многообразия форм социального развития. Одной из первых жертв сталинизма явилось интеллектуальное направление Чаянова, этюды утопической оптимизации кризисов которого оказались незавершенными, запрещенными, надолго забытыми. Лишь сейчас мы предпринимаем новую попытку переосмысления чаяновского наследия в условиях нарастающих рисков и кризисов нашего времени.

Библиография

- Бруиш К. (2012). Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. М.: Дело. С. 142–158.
- Бусько В. Н. (2000). Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы). Минск: Право и экономика.
- Виноградова И. Н. (2003). Социальные аспекты учения А. В. Чаянова // Материалы III Чаяновских чтений. М.
- Герасимов И. (1997). Душа человека переходного времени: случай Александра Чаянова. Казань: АННА.
- Гловели Г. Д. (2004). «Красная звезда» и красная роза: из истории русской утопии // Вестник международного института Александра Богданова. № 3.
- Ильиных В. А. (2011). Чаяновская альтернатива в Сибири (Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г.) // Крестьяноведение: теория, история, современность. Вып. 6. М. С. 176–191.
- Кронрод Я. А. (1992). Социализм как псевдосоциализм XX века // Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука. С. 192–233.
- Кузнецов И. А. (2013). Российская аграрно-экономическая мысль в тюненовской перспективе (1875–1925) // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 6 / под ред. И. П. Смирнова. М. С. 376–411.
- Никулин А. М., Никулина Е. С. (2015). Сельско-городская Москва: из большой деревни в мега-село // Островские чтения. № 1. С. 425–428.
- Родман Б. Б. (1987). Модель Тюнена и теоретическая география // Вестник географии МГУ. № 4. С. 35–40.
- Тюнен И. Г. (1926). Изолированное государство. М.
- Фигуровская Н. К., Симонов В. В. (1988). Вопросы А. В. Чаянова // Социокультурные утопии XX века. Вып. 6.
- Хобсбаум Э. (2004). Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая газета». С. 102–304.
- Чаянов А. В. (1928а). Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.; Л.
- Чаянов А. В. (1914). Война и крестьянское хозяйство. М.

- Чаянов А. В. (1923). Опыты изучения изолированного государства // Очерки по экономике сельского хозяйства. М. С. 117–144.
- Чаянов А. В. (1928). Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М.
- Чаянов А. В. (1989). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник.
- Чаянов А. В. (1991). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.
- Шанин Т. (1995). Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. № 1.
- Raskov D. (2014) Socialist Agrarian Utopia in the 1920s: Chayanov // *Oeconomia* № 4. P. 123–146.

А. М. Никулин
Чаяновский
утопизм:
балансируя среди
кризисов интенсификации
оптимумов

Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

The article considers the features of A. V. Chayanov worldview, who in his multifaceted intellectual activities used to experiment with the genre of utopia. Based on the analysis of such utopian works of Chayanov as “Few Studies of the Isolated State” (1915–1923), “My Brother Alexey’s Journey to the Land of Peasant Utopia” (1920), and “On the Possible Future of the Peasant Economy” (1928) the author identifies basic elements of Chayanov’s scientific and creative worldview. All three Chayanov’s utopias vary greatly in style and genre, thus indicating his amazing fantasy and plastic ingenuity. For instance, the first utopia is predominantly a marginal-mathematical treatise on the competitive coexistence of capitalist and peasant economies in agriculture. The second utopia is a kind of fantastic-political tale of the ineradicable variety of political and social-economic structures of the world. The third utopia represents the genre of typical scientific and technological utopia with atypical existential-aesthetic end. In each utopia, Chayanov creates an original model of social development that despite the social crises of the first third of the XX century seeks a compromise between town and village, industry and agriculture, peasantry and state capitalism, science and art, individual and society. The article critically considers the utopian relativistic ethics of Chayanovian agrarianism based on the idea of achieving the harmonic optima of social development.

Keywords: autarchic state, peasant economy, capitalism in agriculture, cultural diversity, technological progress, relativistic ethics.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-6-30

References

- Bruisch K. (2012) *Krest'yanskaya ideologiya dlya krest'yanskoj Rossii: agrarizm v Rossii nachala XX veka* [Peasant ideology for peasant Russia: Agrarianism in Russia in the early XX century] *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. Vyp. 7. Moscow. p. 142–158.
- Bus'ko V.N. (2000) *Ehkonomiceskaya mysl' Belarusi v period NEPA (20-e gody)* [Economic Thought of Belorussia under the NEP (1920's)]. Minsk: Pravo i ehkonomika.
- Vinogradova I. N. (2003) *Sotsial'nye aspekty ucheniya A. V. Chayanova* [Social aspects of A. V. Chayanov's theory] *Materialy III Cchayanovskikh chtenij*. Moscow
- Gerasimov I. (1997) *Dusha cheloveka perekhodnogo vremeni: sluchaj Aleksandra Chayanova* [The Soul of the Man of the Transitional Period: The Case of Alexander Chayanov]. Kazan'. ANNA.

- Gloveli G. D. (2004) «Krasnaya zvezda» i krasnaya roza: iz istorii russkoj utopii ["Red Star" and the red rose: From the history of Russian utopia]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta Aleksandra Bogdanova*, no. 3.
- Il'inykh V. A. (2011) Chayanovskaya al'ternativa v Sibiri (Perspektivnyj plan razvitiya sel'skogo khozyajstva Sibirskogo kraja 1926 g.) [Chayanov's alternative in Siberia (Perspective plan of agricultural development of the Siberian region in 1926)]. *Krest'yanovedenie: teoriya, istoriya, sovremennost'*. Vyp. 6. Moscow, p. 176–191.
- Kronrod YA. A. (1992) Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist oligarchism as a pseudo-socialism of the XX century] *Ocherki sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya KHKH veka*. Moscow, Nauka, p. 192–233.
- Kuznetsov I. A. (2013) Rossijskaya agrarno-ehkonomicheskaya mysl' v tyunenovskoj perspektive (1875–1925) [Russian agrarian-economic thought in the Thünen perspective] *Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya traditsiya*. Vyp. 6 / Pod red. I. P. Smirnova. Moscow, p. 376–411.
- Nikulina A. M., Nikulina E. S. (2015) Sel'sko-gorodskaya Moskva: iz bol'shoj derevni v mega-selo [Rural-urban Moscow: From large to mega village]. *Ostrovskie chteniya* [], no. 1, p. 425–428.
- Rodoman B. B. (1987) Model' Tyunena i teoreticheskaya geografija [Thünen model and theoretical geography] *Vestnik geografii MGU*, no 4, p. 35–40.
- Thünen J. H. (1926) *Izolirovannoe gosudarstvo* [Isolated State]. Moscow.
- Figurovskaya N. K., Simonov V. V. (1988) Voprosy A. V. Chayanova [Chayanov's questions]. *Sotsiokul'turnye utopii XX veka*. Vyp. 6.
- Hobsbawm E. (2004) *Ehpokha krajnostej. Korotkij dvadtsatij vek (1914–1991)* [Age Of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991] Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta, p. 102–304.
- Chayanov A. V. (1928a) Vozmozhnoe budushhee sel'skogo khozyajstva [On the possible future of peasant economy]. *Zhizn' i tekhnika budushhego: sotsial'nye i nauchno-tekhnicheskie utopii*. Moscow; Leningrad.
- Chayanov A. V. (1914) *Vojna i krest'yanskoe khozyajstvo* [War and Peasant Economy]. Moscow.
- Chayanov A. V. (1923) Opyty izucheniya izolirovannogo gosudarstva [Few Studies of the Isolated State] Chayanov A. V. *Ocherki po ehkonomike sel'skogo khozyajstva*. Moscow, p. 117–144.
- Chayanov A. V. (1928b) *Optimal'nye razmery sel'skokhozyajstvennykh predpriyatij* [Optimal Sizes of Agricultural Enterprises]. Moscow.
- Chayanov A. V. (1989) Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoj utopii [My brother Alexey's Journey to the Land of Peasant Utopia] Chayanov A. V. *Venetsianskoe zerkalo: Povesti*. Moscow, Sovremennik.
- Chayanov A. V. (1991) *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii* [Basic Forms of Agricultural Cooperation Organization]. Moscow, Nauka.
- Shanin T. (1995) Tri smerti Aleksandra Chayanova [Three deaths of Alexander Chayanov] *Sotsiologicheskij zhurnal*, no. 1.
- Raskov D. (2014) Socialist Agrarian Utopia in the 1920s: Chayanov. *Oeconomia*, no. 4, p. 123–146.

Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline

A. Sobolev, A. Kurakin, I. Trotsuk

Sobolev Alexander, DSc (Economics), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82; professor The Russian University of Cooperation (RUC). E-mail: sobolev-alekc@mail.ru

Trotsuk Irina, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Kurakin Alexander, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, National Research University Higher School of Economics. 101000, Moscow, Myasnitskaya, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

The article focuses on the theoretical and methodological problems encountered by the Russian scholars of cooperative organizations. The authors identify four basic methodological approaches to the cooperation phenomenon in the Russian academic tradition: (1) socio-reformist (or socio-ideological), (2) descriptive-monographic, and (3) economic-theoretical, with the first two being dominant. After a short discussion of the prospects and limitations of the theoretical studies of cooperatives as business organizations by Russian scholars, some of the distinguishing features of Russian cooperation thought are mentioned. Considering the features of the Russian cooperative thought, the authors found it useful to name the most prominent Russian researchers of cooperation who can be included in the ICA list of the world cooperative heritage. The authors pay special attention to the myth of the first Russian cooperative and the Decembrists as the first Russian cooperators. Unfortunately, this myth was officially recognized and determines the birthday of the cooperative movement in Russia. The article briefly discusses the contribution to cooperative thought made by Antsiferov, Bilimovich, Tugan-Baranovsky, Chayanov, and Totomianz. Special attention is paid to the scientific contribution of Emelianoff, almost unknown in modern Russia, and the fate of his ideas. Finally, the authors emphasize the particular importance of describing the transformations and the most important achievements of the Russian and foreign cooperative thought in the curriculum of the discipline “Theory and practice of cooperation”.

Keywords: Russian cooperative thought, the history of Russian cooperation, the birth of Russian cooperative movement, economic theory of cooperation, Emelianoff, cooperation as an academic discipline.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-31-50

Introduction

Cooperation seems to be the focus of interest for many contemporary Russian researchers, although most of the works devoted to different aspects of cooperation lack reliable methodological foundations. How-

ever, only a correctly chosen and properly grounded methodological approach can provide answers to such questions as what a cooperative is and what the specific features of cooperation are. These questions are not solely scientific for they have to get precise answers and provide reliable and objective data on the nature and essence of cooperatives, their role and meaning in the social and economic development, the potential of cooperation and its chances for future success. That is why we focus on the theoretical and methodological problems encountered by the Russian scholars of cooperative organizations. Considering the features of the Russian cooperative thought, the authors found it useful to name the most prominent Russian researchers of cooperation who can be included in the ICA list of the world cooperative heritage. Finally, the authors emphasize the particular importance of describing the transformations and the most important achievements of the Russian and foreign cooperative thought in the curriculum of the discipline “Theory and practice of cooperation”.

Basic methodological approaches to the cooperation phenomenon

There are three main methodological approaches to the study of cooperation: (1) socio-reformist (or socio-ideological), (2) descriptive-monographic, and (3) economic-theoretical, with the first two being dominant. The socio-ideological approach is presented by publications whose authors discuss ‘moral mission of cooperation’, ‘models of cooperative economics’, ‘models of social and cooperative society’, etc. in a quiet propagandistic manner. The basic ideas of this approach are rooted in the Russian and European literature on cooperation of the XIX century which argues that the cooperative movement embodied ideas of utopian socialism; that cooperation aimed to destroy the existing economic system and replace it with a new ‘moral world’. Cooperation was perceived as the weapon in the struggle against capitalism for it destroyed profits and, therefore, the very exploitation of man by man. The authors believe that the cooperative movement as a struggle against the capitalist economic system should be developed by working social groups, that is why only labor collectives can form true cooperative organizations; and that cooperative movement possessed every potential to change spiritual and labor aspects of social life, therefore, fundamentally transforming the very nature of economic relations. These rather vague and controversial ideas largely predetermine the contemporary interpretations of cooperation and the ways of its implementation in the real life together with the still prevailing ideological stamps and primitive views on cooperation (such as ‘cooperation—the child of poverty’, ‘cooperation makes sense only for the poor’, etc.). Thus, the adherents of the socio-reformist approach today lack scientific objectivity in their social utopian studies (Krivoshei, Tkach, Chukin 2012; Ermakov, Seroshtan, Solovyh 2006; Valigursky 2014). Western

scholars rejected such a simplified interpretation long time ago and, certainly, there are no prospects for this archaic ideology in Russia too.

The descriptive-monographic approach to the study of cooperatives is presented in numerous publications that are too often unproductive and dependent on the social and political situation in the country (Salova 2011; Fridman 2010). Most of such works address the questions of how to increase effectiveness and improve management in the organizations called cooperatives, but usually lack analytical grounds and strong theoretical framework for the researchers focus on various problems of the specific cooperative organization trying to offer solutions for them. Moreover, representatives of the descriptive-monographic approach consider such an association as a priori ‘consumer’, ‘cooperative’ and ‘non-profit’ and do not explain the common structural and functional characteristics of all cooperative forms. Thus, the descriptive-monographic approach considers only external and ‘surface’ features of cooperative organizations and, therefore, does not provide methodological grounds to reveal the economic nature of cooperation and explain the cooperative behavior.

If we face the empirical diversity of organizations and at the same time lack a scientific criterion to identify cooperatives, we cannot conduct a scientific analysis of all the existing economic forms and have to solve tactical tasks in the situation when the cooperative organizational structures and fields of activity are changing, and new associations and influencing factors are emerging. Such a situation explains the simplistic classification of cooperatives within the descriptive-monographic approach that does not correspond to the reality where even very specific features of cooperatives can easily change to the diametrically opposite. For instance, can an organization still be named a cooperative by its form or essence if under the crisis conditions its general meeting decides to scale up its business cooperation with non-members for a year? Is the fundamental principle of cooperation (‘one person—one vote’) absolutely immutable and unshakable or there can be another voting principle—proportional to the share of business. Thus, descriptive methods are obviously important, although today they provide more the growth of the number of publications, but not of their scientific quality.

The economic-theoretical approach emphasizes the importance of methodological foundations as determining the scientific development in the cooperation studies, but the very grounds to study cooperation here are extremely weak and simplistic. The theoretical basis of cooperation researches in nowadays Russia is contradictory: very few studies attempt to develop an economic theory of cooperation and then to use its concepts and assumptions (Deshkovskaya, 2010). Most researchers do not conduct theoretical analysis from an economic point of view preferring ideological, political, sociological, organizational, legal, historical, ethical or other position, therefore rejecting the theoretical approach—the only one in the interpretation of coop-

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and “Theory and
practice of coopera-
tion” as an
academic discipline

erative organizations that can produce a coherent theory of cooperation. We attribute the current confusion and problems in the study of cooperation to the wrong methodology and failure to understand that the economic theory of cooperation aims to explain the specifics of cooperative association. That is why we rarely find references to the economic theory of cooperation in recent publications and dissertations nominally devoted to ‘the theory and methodology of cooperation studies’. Methodological problems and misconceptions mentioned above affect the understanding of the discipline “Theory and practice of cooperation” that determines the image of the cooperative universities, but lacks a logically complete and clear structure, scientific methodological grounds, comprehensible theoretical positions and clear practical guidelines.

Prospects and limitations of the theoretical studies of cooperatives as business organizations

We must admit that the very nature of cooperation complicates its theoretical study for cooperatives do not really need a ‘high theory’ and focus on conducting economic activity rather than trying to figure out why and how the cooperative business model works. The poor knowledge of theoretical and methodological conceptions is largely determined by the Soviet past that retains its influence and narrows the choice of research topics to the problems of Soviet collective farms and consumer cooperatives. It is quite an alarming fact that in recent years the number of competent and well-grounded cooperative studies declines as evidenced by the decreasing number of publications devoted to cooperation. For instance, the first issues (2004) of the journal “Fundamental and Applied Studies of the Cooperative Sector of the Economy” (“Fundamental’nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki”) published by the Russian University of Cooperation devoted more than 70% of articles to cooperation topics; in 2006 their share fell to 46%, in 2010—to 21%, in 2014—to 13%. The situation is even more sad in the journal “Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law” (“Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava”).

Many Russian economic studies have a weak theoretical basis and ignore the contemporary western cooperative thought. We do not know scientific publications that reflect the current state of the world and European theory of cooperation especially in terms of its application to the Russian reality. For example, Russian researchers of cooperation practically do not refer to the institutional approach or principles of the institutional economics theory, that provide a complete picture of organizational phenomena (game theory, collective behavior theory, etc.), being incompetent in the essence and goals of economic theories (models).

It is necessary to distinguish the ideological interpretation of cooperation from its theory: the latter aims to develop models that help to understand how cooperatives do or potentially can work. Another problem in revealing the true nature of cooperation is the tendency to mix the theory and doctrine and not to see differences between them. The cooperation doctrine is still quite popular (e.g. the cooperation model of V. I. Lenin or cooperation theory of A. V. Chayanov), while the theory of cooperation is weakly developed although recognized as fundamental. The doctrines may offer institutional changes to improve and plan the future, but the theory must strive to explain specific features of cooperative organizational forms and the ways cooperative associations work. Thus, the theory and doctrine differ in their objectives and functions, offer different approaches, explanations and reasons for the development of scientific knowledge, but at the same time they are closely interrelated: the theory explains the reality created by people; the doctrine assesses and makes judgments about this reality.

It is obvious that cooperative organizations cannot be regarded as the simplest phenomena: there are many difficulties associated with their scientific interpretation due to the constant variability of cooperative forms, their diversity, and controversial approaches to the definition of cooperatives. The problems researchers face in the study of cooperative organizations in Russia can be combined into three groups. First, the cooperative forms of economic activity are relatively young and have not yet developed completely in the post-Soviet market economy. Second, the branch of the economics devoted to the study of cooperative forms has yet to be formed too. These are two main reasons for the insufficient knowledge of cooperation and the uncertainty of many conceptions and terms describing it together with the fact that many common interpretations of cooperatives are based on a mixture of social and economic categories. Another common methodological mistake is that cooperation is regarded as a part of economic policy rather than of economic theory (such normative approach evaluates cooperation in terms of its usefulness, some ideal future economic system, obligatory elements, etc.). Third, the cooperative movement incorporates various social strata and attracts attention as a means of social and political struggle and propaganda.

Another problem is the still existing confusion in the basic interpretations of cooperation: in the broadest sense, cooperation is ubiquitous—according to the founder of the famous doctrine K. Marx, it is ‘a form of labor organization’, and for the anarchist P. A. Kropotkin it generally applies to all living things on earth including poultry flocks and ants. In a more narrow sense, the word ‘cooperation’ refers only to the cooperative organization, therefore the most general indicators of a cooperative are as follows: (1) a group of people helping each other to meet their specific needs; (2) group members’ activities being carried out on the cooperative principles; (3) group members

assisting each other by providing goods and services; (4) a cooperative enterprise. Thus, a true cooperative is a business organization whose members use its services, own a joint property and control it by distributing residual income among themselves according to the services used; the organization helps its members to conduct business in the interests of all members of the cooperative and for their benefit. This type of cooperation is called 'market cooperative organization'.

However, until now, many experts do not fully understand the importance of three conceptual positions that identify the specifics of cooperatives and motives of its members—owners and customers (in the production cooperative the latter are also employees); as a rule, members-owners-clients (workers) combine different functions. The cooperatives answer in specific ways a triad of major economic questions for every society—what to produce, how and for whom. The key questions for every cooperative and its members are how to carry on business and in whose interests. Unlike business organizations that dominate in the market economy and aim at maximizing profits and interest-rent incomes, cooperatives focus on the specific needs of particular people trying at the same time to 'optimize' the results of the economic activities for their members and guarantee them access to goods and services justly and without exploitation. As an alternative to private entrepreneurship, cooperatives have to be competitive and provide benefits to its members while realizing their economic interests. The economic efficiency is an essential goal of every cooperative trying to solve social and economic problems of its members. This is the strength and attractiveness of cooperation.

Basic features of the Russian cooperative thought

It is impossible to imagine cooperative movement without the fundamental principles that contributed to the development of cooperative organizations, which could be established only under the market economy in the XIX century as an alternative and competitor to private business. There are no cooperative associations in the early traditional and command economies for they lack the attributes and institutions of the market system: economic resources (labor, land, capital) in the command economy are not factors of production or objects of sale, and entrepreneurship does not correspond to its ideology and spirit. Otherwise, we should have regarded biblical characters, unions of prostitutes, organized crime groups, monasteries, icon-painting workshops, and other *artel* joint undertakings nothing other than cooperatives.

Subsequently, due to the principles first tested in the English cooperative established in Rochdale in 1844, cooperatives gradually developed into a special socio-economic phenomenon, enriched by the principles of F. H. Schulze-Delitzsch and F. W. Raiffeisen, growing in

number and increasing its success through practical approbation of cooperation principles, and turning into a widespread and sustainable cooperative movement. In Russia, first cooperative organizations based on the western models began to emerge since 1865 right after the abolition of serfdom (1861). At that time, in England, there were about 800 cooperatives, in Germany—200. The main reasons that launched the ubiquitous cooperative movement are well known: capitalization of the economy and emergence of the market system, political reforms and democratization of society, dissemination of cooperation ideas, and social groups willing and ready to use cooperative principles to solve their problems. Therefore, one should not think that cooperatives in Russia were implanted under the European influence, although there was an obvious impact of the western cooperation ideas for European cooperators possessed qualitative advantages and superiority and provided their Russian followers with inspirational ideas and proven principles, attractive examples and successful models, impressive practical experience and properly constituted organizational and legal forms.

In October 1915, the Russian cooperative movement celebrated its 50th anniversary: Russia became the first in the world in the number of people and organizations (mainly credit and consumer associations) involved in the cooperative movement, which was a good basis for the development of co-operative thought in the following lines.

1. Some researchers considered cooperation a partial solution of economic and social problems and cooperatives—a special type of enterprise. This line of the cooperative thought is represented by F. H. Schulze-Delitzsch and F. W. Raiffeisen who offered some original ideas and put them into practice (the so-called Raiffeisen cooperatives were particularly prevalent in different countries including Russia). There were many Russian followers of this line; some of them developed cooperative ideas as inspired by Christianity. For example, A. N. Antsiferov formulated his organizational principles of cooperatives with an emphasis on ethical and moral aspects of cooperation.

2. Russian scientists and the public perceived and interpreted cooperation quite ambiguously: on the one hand, it was 'discovered' as a routine phenomenon in Russian *artel* and even *obshchina*; on the other hand, cooperatives were regarded as an imposed European model. In other words, Russian authors claimed that there were two sources of cooperation—everyday routine and ideology. As a result, cooperation was proclaimed a kind of compromise between two national movements—Slavophiles and Westernizers.

3. The most important feature of the Russian thought was predetermined by the fact that cooperative ideas came to Russia from the West within the framework of socialist doctrines—at first barely visible, and the end of the XIX century widely and openly. Therefore, for some authors cooperation coincided with socialism, some researchers identified cooperation with the existing economic system, others in-

terpreted it as a special economic system different from both socialism and capitalism.

4. Another characteristic feature of the Russian thought was the idea of the variety of cooperatives and ways of their economic organization. Russian researchers mentioned internal differences in a wide range of cooperatives not only in different countries, but also in various regions of one national economy. Thus, along with the openly demonstrated relativism, the Russian cooperative thought postulated the priority of the economic whole over its parts, i. e. the organic nature of cooperation.

5. Still another important feature of the pre-Soviet literature on co-operation was that nobody disputed the fact that the cooperative movement contributed to the dynamic state development, however the nature and type of this state caused endless debates, such as the question of who and on what legal basis should have the authority. Everyone wanted Russia to be strong and united, but the question was whether the country should be a nation of fellow citizens or an empire of loyal subjects, and the cooperative movement rather simply reflected than answered this question (Kotsonis, 2006).

6. Some authors considered cooperation a factor of a particular socialist system based on the supremacy of the consumer. This social philosophy of 'customer excellence' was written in German, has a British origin (John Mitchell and Beatrix Potter-Webb), but was expressed with the greatest clarity and brilliance in France, by Charles Gide and his followers. The Nîmes School in France and Hamburg School in Germany proposed a cooperativism model that was adopted by many authors, including Russian, such as V. F. Totomianz.

7. Some researchers perceived cooperation as an important factor in other socialist systems. The proponents of the socialist thought did not always agree in the interpretation of cooperative ideas, but always highly evaluated them. K. Marx and F. Engels attributed special importance and great hopes to the production cooperatives. Later, the Socialists had to acknowledge the value of consumer cooperation and independence of the cooperative movement.

Before October 1917, V. I. Lenin, like K. Marx, adhered to the in general unchanging ideas about the prospects of cooperation. However, in the country completely transformed by the dictatorship on behalf of the proletariat the cooperative movement could not develop independently. The Bolshevik Party sought to control completely all fields of national economy including cooperatives. The Bolsheviks joined the board of Centrosoyuz (Central Union) and constituted the majority in the governing body of the central organization of Russian cooperatives. Since then, the cooperative movement became totally dependent on the decisions of the Soviet state. Therefore, it is impossible to separate Lenin's cooperative ideas from the Russian social experiment as a whole; in the absence of any political democracy, the cooperative democracy had little sense.

In 1923, after a series of experiments that aimed at governmentalization and deformed cooperative ideas and movement, the head of the Soviet state V. I. Lenin in his article “On Cooperation” acknowledged the fundamental change in the Bolsheviks’ interpretation of the socialism and cooperation previously disparaged and perceived without any sympathy by the Soviet government. The article declared cooperation to be socialist because the Bolsheviks held power and the state owned basic means of production; therefore, it was possible to build a socialist system with the help of ‘cooperation’. Lenin expresses his ideal in the following words: “A number of economic, financial and banking privileges must be granted to the cooperatives—this is the way our socialist state must promote the new principle on which the population must be organized. But this is only the general outline of the task; it does not define and depict in detail the entire content of the practical task, i. e. we must find what form of ‘bonus’ to give for joining the cooperatives (and the terms on which we should give it), the form of bonus by which we shall assist the cooperative sufficiently, the form of bonus that will produce the civilized cooperator. And given social ownership of the means of production, given the class victory of the proletariat over the bourgeoisie, the system of civilized cooperators is the system of socialism” (Lenin, 1970: 373).

Referring to the Socialist Revolutionary Party ideas on the nature of cooperation, the head of the Soviet state regarded cooperation as a means to reconcile private interests of the small enterprise with the public interests, which would help the state to monitor and control private interests strictly from the class and party positions: “At present we have to realize that the cooperatives system is a social system we must now give more than ordinary assistance, and we must actually give that assistance. But it must be assistance in the real sense of the word, i. e. it will not be enough to interpret it to mean assistance for any kind of cooperative trade; by assistance we must mean aid to cooperative trade in which *really large masses of the population actually take part*. It is certainly a correct form of assistance to give a bonus to peasants who take part in cooperative trade; but the whole point is to verify the nature of this participation, to verify the awareness behind it, and to verify its quality” (ibid).

At the same time, the founder of the Soviet state definitely and consistently insisted on rather compulsory than voluntary membership in cooperatives—this idea was being implemented until his death. Lenin believed that after subordinating cooperation to the general requirements of the state the Soviet people will take cooperation, will get used to the new conditions of life, and such a compulsory organization would make them accept the new power and changed living conditions. Lenin argued that if the Soviet government could raise the level of culture in the country, provide financial and economic benefits for cooperatives and strongly support the new principle of social and economic organization, then after one or two decades these measures would

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and “Theory and
practice of coopera-
tion” as an
academic discipline

create a group of civilized cooperators, i. e. the system of socialism. All these ideas laid the foundation for the myth of Lenin's cooperative plan as a rationale and justification for the collectivization policy. In Soviet literature, this plan was proclaimed 'the crown of Lenin's theory of cooperation'—scientifically sound and suitable for all countries of the socialist block. Undoubtedly, today no one would seriously follow 'Lenin's cooperative plan' either in theory or in practice.

The myth of the first Russian cooperative and the Decembrists as the first Russian cooperators

Recently, the last great myth of cooperation was created quite easily: at the end of the 1990s, someone 'from above' made an arbitrary decision to announce (!) the so-called 'Big Artel' established in Siberia by the Decembrists (state criminals exiled for the armed rebellion) the first consumer society in Russia. In other words, without broad and open discussion of experts from the scientific community someone 'from above' 'made' an amazing historical discovery that cooperation in Russia emerged among the exiles and convicts much earlier than anywhere else in the generally recognized western forms.

Meanwhile, the date of the beginning of the cooperative movement in Russia is well known: on October 22, 1865 the charter of "Rozhdestvensky (Christmas) credit union" (Kostroma Province) was approved (this credit cooperative was founded by brothers Svyatoslav and Vladimir Luginin). On October 23, 1865 "First Riga consumer society" established by the Germans living in Riga was registered. The charters of these cooperatives were mainly based on the theoretical principles and practical experience of F. H. Schulze-Delitzsch—the father of the cooperative movement in Germany. This fact largely explains why the first consumer societies in 1865–1866 were founded by Germans in Riga, Reval (Tallinn), Dorpat (Tartu), and Saint Petersburg. Since 1866, first Russian consumer societies were established by members of intelligentsia and gave rise to many imitations. Only in the next decade, sporadically emerging cooperatives gave way to the true consumer cooperative movement spreading all over the country and preferring the world-known Rochdale principles (Sobolev, 2000a).

Certainly, there are no scientific grounds to start the history of Russian consumer cooperatives with the prison artel of Decembrists exiled to Siberia, who were receiving tremendous financial and other resources from their relatives. Well, this cooperation could be regarded as a form of labor organization rather conventionally, but by no means as a business organization based on the well-known cooperative principles. That is why it could not and did not provide an example to follow for either Russian or western cooperative movements, therefore, they are in no way connected with the Decembrists. They were receiving considerable sums of money from their relatives (some

exiles received about 40–60 thousand rubles while the salaries of soldiers from the invalid command guarding them was only 3 rubles), but were spending the money on their own needs (many hundreds of thousands of ruble banknotes a year), and these easy money were of a dubious benefit to local communities and employees. In 1831, imprisoned Decembrists founded an association called ‘Big Artel’ with the written charter and the only purpose—to guarantee to all an additional mutual assistance ensured by the agreements. The reason was that the state provided prisoners only with the daily necessities; some of them often needed money, while others received from their relatives huge sums of money significantly exceeding the legally permitted. Prisoners in dire need of money could not earn it working, so they had to ask their more wealthy fellow-prisoners for help (Sobolev, 2000b).

The Decembrists found the solution in collecting a guaranteed amount of money later distributed between members of the association in a certain proportion. Such a decision guaranteed all members of the artel the necessary financial support and independence from uneven flows of money, and freed the poorest from the humiliating necessity to ask for money from those who received and had more money—that was the essence of the ‘Big Artel’ cooperative activity. The Decembrists clearly and unambiguously defined the purpose of their contractual relations in the charter of the artel (§ 1): “The several years of experience has convinced us of the necessity to always have in stock a certain amount of money that could serve both to ensure the social costs and to meet the needs of each person. The positive purpose of the sum allocated for the coming year is as follows: first, its owner gets an opportunity to dispose of it, and to make annual and urgent purchases with great benefit to the artel; second, this sum can in some way save a person and the whole artel from getting into a difficult situation if there is a delay in receiving money from relatives” (op. cit. Sobolev, 2000a: 127–135).

Unlike the Decembrists’ ‘cooperation’, a true cooperative satisfies the specific needs of its members; if it is possible, cooperative payments are allocated and fairly distributed between all members and invested in the development of the joint enterprise and cooperative as a whole. Thus, we see the self-development of cooperatives that help their members to improve well-being, and, on the other hand, contribute to the strengthening of the market economy through competition at the markets of specific products and services. We believe that the myth of the Decembrists as the first cooperators and their prison artel as the first Russian consumer society would not spread so widely, if there were sufficient scientific debates, concern and adherence to the scientific principles among researchers and in the public opinion. It is the genesis of Russian cooperation that reflected some current common interpretations of cooperative organization in the Russian society: this myth indicates how little people know about cooperatives, principles of cooperation and economic mechanisms of such organizations.

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and “Theory and
practice of coopera-
tion” as an
academic discipline

ТЕОРИЯ

It must be recognized that the Russian cooperation does not need any mythmaking at all. The Russian cooperative thought possesses a remarkable scientific heritage to be proud of, although, due to the historical destiny of Russia and cooperation researchers not everyone knows the outstanding representatives of the Russian emigrant thought. We believe that their works should be included in the ICA list of world cooperative heritage together with the works of A. V. Chayanov, M. I. Tugan-Baranovsky and some other prominent scientists whose contribution to the cooperation theory cannot be overestimated and is impossible to ignore. Therefore, if we assess objectively the scientific heritage of Russian authors on the background of the world cooperative thought, then half a dozen outstanding Russian scientists will line up in the following sequence according to their contribution to the theory of cooperation.

1. Emelianoff Ivan Vasilyevich (1880, village Zavodouspenskoe, Tobolsk province—1945, Washington)—the founder of the economic theory of cooperation (Emelianoff, 1942, 1923, 1924a, 1924b, 1925, 1926, 1927, 1929).
2. Antsiferov Alexei Nikolaevich (1867, Voronezh—1943, Paris)—a representative of the comparative cooperative studies and a proponent of the conception of the moral nature of cooperation (Antsiferov, 1930, 1922, 1926, 1929a, 1929b).
3. Chayanov Alexander Vasilyevich (1888, Moscow—1937,?)—the founder of the theory of agricultural cooperative as a form of vertical integration (Chayanov, 1919, 1925).
4. Bilimovich Alexander Dmitrievich (1876, Zhytomyr—1963, Monterey)—an author of the economic history of Russian cooperation (Bilimovich, 1955, 1956).
5. Tugan-Baranovsky Mikhail Ivanovich (1865, Kharkov province—1919, Odessa)—a representative of the economic sociology of cooperation (Tugan-Baranovsky, 1916).
6. Totomianz Vagan Fomich (1875, Astrakhan—1964, Cormeilles-en-Parisis)—an author of the history of cooperative movement, a member of the ICA, a so-called ‘Russian Owen’ as a brightest and tireless promoter of cooperation (Totomianz, 1921, 1922a, 1922b, 1923a, 1923b, 1923c, 1960, 1961).

Very few people know that cooperative ideas of the Russian emigrant thought in the 1920s developed in the form of a scientific and educational school; in particular, we refer to the Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague. It was a true center of the higher cooperative education in Europe; it attracted students not only from Russia, but also from Slavic countries of Eastern Europe; it developed a unique (for the annals of cooperative science) practice of oral impact

on the students' minds. After the Prague center of the cooperative science was closed the key representatives of the Russian cooperative thought scattered in different countries and continued until the end of their lives to seek ways to develop Russia primarily with the help of cooperative movement. We managed to find archival documents and publications in Russian and Eastern European languages proving that the brightest representatives of the Russian scientific and educational school of cooperation (A. N. Antsiferov, I. V. Emelianoff and V. F. Totomianz) in the interwar period had a great influence (through publications, students and personally) on the development of the cooperative science in the Czech Republic, Slovakia, Bulgaria and other countries (Sobolev, 2011). Furthermore, these scientists definitely had an important influence on the western thought too: very few other Russian or Soviet authors had an equally strong impact on the cooperative thought—integrating the Russian and western experience of the cooperative development, affecting the world cooperative thought, revealing the essence of the Russian cooperative organizations transformations. Thus, they developed a number of ideas that integrated and deposited in the bank of the European and world cooperative thought.

One of the outstanding achievements of the Russian emigrant thought was that they predicted the possible transformations of cooperation in the future given that the social conditions in the country change in the way they expected. Moreover, their forecasts of the development of cooperation in the country took into account its traditions and peculiarities; they hoped their analysis would be understandable and demanded by the descendants. We believe that today it is very important to refer not only to the ideas of western schools, but also to the heritage of the Russian scientific emigration that conducted such a thorough and comprehensive analysis of the social and economic life in Russia (Sobolev, 2012). For instance, you can find the following modifications of the definitions of happiness in the scientific journal published by the Russian researchers of cooperation in Prague: unity in the important—freedom in the disputed—benevolence in all and always. This philosophical motto actually contains a whole list of contemporary international cooperative principles recognized by the ICA: democratic control and economic participation of all members express the idea of equality (i. e. unity in the important); open and voluntary membership, autonomy and independence—the ideal of freedom (i. e. freedom in the disputed); education, training, information, cooperation among cooperatives, and concern for the welfare of society—the idea of brotherhood, the very spirit of cooperation (i. e. benevolence in all and always). Outstanding Russian scientists knew all these principles perfectly and always adhered to such a cooperative philosophy (Sobolev, 2006).

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and “Theory and
practice of coopera-
tion” as an
academic discipline

Very few experts know the scientific works of the Russian professor I. V. Emelianoff—the founder of the economic theory of cooperation. Almost no one knows that he developed methodological foundations of his theory in the Russian Institute of Agricultural Cooperation in 1920s in Prague, but published his famous monograph much later—in the United States in 1942 (the book was reprinted in 1948 and 1995). Emelianoff's ideas are constantly cited so far, but his book was never published in Europe. Recently in Russia, there were two attempts to publish his “Economic Theory of Cooperation”, but both failed due to the difficulties of translating the text from English into Russian. In 2015, we once again will publish “Economic Theory of Cooperation” in Russian with the biography of Emelianoff.

I. V. Emelianoff made an important contribution to the development of the conception of cooperatives as forms of vertical integration. He argued that the process of economic socialization takes place in three ways, and one of them is vertical integration that allows to safe family farm as the primary unit of production, therefore vertical integration is the basic way of concentration in the agricultural sector. Unfortunately, the Soviet government chose another way—to establish giant collective farms without providing storage, transportation, processing and marketing of products, but with a high level of manufacturing and transactional costs and unacceptably high losses of production. Emelianoff proved that the very character and nature of cooperatives help farmers to remain independent and increase their freedom through the development of effective collective marketing strategies. Another alternative is an accelerated formation of vertically integrated industrial corporate structures characterized by a unitary ownership and unified management of the agricultural raw materials and food production. These forms turn independent agricultural producers into ‘employees’ working on a contract or into a unit of industrial production. Thus, there is an urgent need to preserve cooperative policy and institutional structures that allow farmers to remain independent and to use cooperatives as a means to maintain the market growth (Deshkovskaya, 2009).

All the above proves the critical scientific importance of Emelianoff's contribution to the development of concepts showing the distinctive features common to all cooperatives without exception. Even if you do not agree with some of his ideas, you must admit that he was an innovator in the economic theory of cooperation; he outlined important directions for further research, and formulated some key questions of the cooperation theory better than anyone else before. Thus, Emelianoff's scientific contribution is undisputable, and his study of the economic nature of cooperatives gives some researchers every reason to believe he was actually the first to analyze cooperatives from the economic point of view as forms of vertical integration and to lay the foundations

for the interpretation of cooperatives as pure agencies with participants (principals) as members-leaders.

Certainly, the methodology of neoclassical analysis has vulnerabilities, and the standard neoclassical model does not imply a particular institutional structure. Ivan Emelianoff and his followers R. Phillips and F. Robotka believed that not the cooperative but its members, individual producers, make business decisions and privately allocate their own resources between private and cooperative farms according to their actions and goals. One may disagree with Emelianoff in the degree of independence of the cooperative from its units—individual members. However, this disagreement is not fundamental and concerns rather the degree of dependence than differences in the nature of cooperation. We admit that Emelianoff somewhat exaggerated the degree of members' independence for some types of cooperatives; moreover, he did not consider production cooperatives viable and able to survive in the future; he was not interested in studying internal and external relationships within complex cooperative structures, and did not pay attention to the discrepancies between the objectives pursued by the cooperative and the units that created it.

In other words, the neoclassical approach of Emelianoff has significant limitations in explaining cooperative behavior and internal structure of the cooperative organization that can be overcome by the institutional approach consisting of game theory, principal-agent relationships theory, transactional costs analysis and other theoretical models. Nevertheless, today the works of Emelianoff form the basis of the economic analysis of cooperation, and his theoretical and methodological approaches can be applied to the main fields of the economic theory of cooperation represented by both the traditional microeconomic theory of cooperative organizations and alternative approaches (new institutionalism, social economics, evolutionary economics, behavioral economics, etc.).

Is Ivan Emelianoff a so-called 'at home among strangers, a stranger among his own'? He is a significant figure in the history of the cooperative thought and became its classic because of his creativity and constructive ideas; European cooperators did not publish his works and quoted his ideas from the book "Economic Theory of Cooperation" reprinted in the United States, while American researchers were not aware of the scientific heritage of his European period of life. The fate of Emelianoff's ideas in his historic homeland is paradoxical—they were not recognized and were unjustly forgotten. The fact that he spent the last years of his life in Washington, where his fundamental work was published in English, cannot be considered a sufficient ground to proclaim him a 'representative of the American school of cooperation'. His works are of international importance, but, as we have shown, Russia has every reason to lay claim to him. We hope that scientists and compatriots of Emelianoff will understand and appreciate his scientific contribution, and express gratitude to this Russian researcher of cooperation.

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and "Theory and
practice of coopera-
tion" as an
academic discipline

ТЕОРИЯ

Recently, foreign scholars and practitioners have conducted a number of studies (for example, within the institutional approach) that helped them better understand the nature of cooperatives and their role in the social economy. However, they regard cooperatives as the world third force and an alternative balancing the power of both the business (large and other) and the strong state. Despite the fact that there is still no consensus in interpretation and positioning cooperatives among the forms of economic organization, some Russian scientists do work on the theoretical foundations for the development of cooperation in the country. Nowadays an interest in the theory of cooperation has revived due to the recognition that the existing theories failed to solve many of the current problems cooperatives face. In order to understand clearly the nature, evolution and positions of cooperation in the market economy, as well as the challenges cooperatives encounter in the contemporary society we need an adequate educational system no less than research. Some authors suggest as an effective form of teaching the basic ways of organizing and conducting cooperative business the specialized courses on the “Theory and practice of cooperation” summarizing the main content of cooperative problems.

For example, there is an educational system in the Russian University of Cooperation with the discipline “Theory and practice of cooperation”. In order to keep it from turning into a motley picture entitled ‘cooperation’ and not amenable to the economic analysis we need a theoretical criterion clarifying the nature and essence of cooperation, and identifying the key characteristics of the cooperative organization. Furthermore, this discipline should provide an exact answer to the main question: what makes an association a cooperative, what forces it to become a cooperative, to acquire specific cooperative features and traits? However, this is not enough: the discipline consists of too few hours; there are very few professionals capable of explaining cooperative issues; and most importantly, this discipline is not particularly demanded by employers and students. Therefore, in the numerous agricultural universities there is no such discipline in the curriculum.

The discipline “Theory and practice of cooperation” should analyze cooperation in the developed market economies should to reveal the differences of cooperatives from other forms of business activities, and the ways cooperation emerges, develops, etc.; should describe various approaches to defining the place of cooperative organizations and ownership in the nowadays business system; should pay special attention to the identification of the competitive potential of cooperative organizations in the Russian economy, and acquire a clear practical orientation seeking to answer questions about how to organize and conduct business in the cooperative. This discipline should re-

flect the transformations of scientific studies, and the most important achievements of the Russian and foreign university economic thought crucially important for the complete training of specialists for both top and middle management positions. This discipline should primarily help students to develop skills of the practical application of the neoclassical and institutional theories' tools in decision-making in cooperative organizations. The study of this discipline will help to understand goals of the cooperative organization in the decision-making process, and eventually to predict the behavior of cooperatives in different market situations. Moreover, the study of the "Theory and practice of cooperation" is essential for the development of an economically justified state cooperative policy.

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and "Theory and
practice of coopera-
tion" as an
academic discipline

Conclusion

Russian scientists studying cooperative organizations rely mainly on the descriptive-monographic approach, which results in the quantitative growth of publications but not in the high-quality scientific development in the field not equipped with a solid theoretical and methodological foundation. The interpretation of cooperation from an economic point of view (called 'theory of cooperation') does not prove 'cooperativity', but obscures the true understanding of the nature of cooperatives. As a result, we encounter difficulties in the development of the scientifically grounded theory of cooperation, in pursuing an effective state cooperative policy and introduction of an adequate cooperative legislation. Such an interpretation does not allow most Russian cooperative organizations, unlike foreign companies, to become truly socially and economically attractive, to create an influential cooperative movement, and to form a single cooperative sector of the economy.

Methodological problems and misconceptions affect the interpretation of the discipline "Theory and practice of cooperation" that is supposed to determine the image of cooperative universities and to be an essential part of agricultural universities curricula. Even if there is such a discipline in the curriculum, it lacks a logically complete and clear structure, fundamental methodological grounds, correct theoretical positions, and practical orientation. Therefore, there is an urgent need for Russian scientists to take serious steps towards integration with the western cooperative thought, and to seek and adapt new approaches of the cooperation theory to the contemporary Russian social and economic conditions. Only the integration of theory and practice can create an effective cooperative model with the potential of successful practical implementation.

We believe that the ICA list of world cooperative heritage should include outstanding Russian researchers of cooperation of different nationalities—Russian, Ukrainian, Belarusian, Armenian, Jewish,

etc., which once again confirms that true cooperation, as both science and education, is supranational. Some of the Russian scientists' ideas have already been integrated with the western thought and deposited in the bank of European and global cooperative theories. Even now, almost a hundred years later, these ideas often predetermine the ways the theory and practice of cooperation develop, for instance in Russia, where the time for ideas of I. V. Emelianoff has come. We hope the cooperation models of Emelianoff will become the real force, and will give an impetus to the development of both theory and practice of cooperation in his historic homeland.

References

- Antsiferov A. N. (1929b) Effect of the War upon Co-operative Credit and Agricultural Cooperation in Russia. *The Cooperative Movement in Russia during the War*, New Haven, London.
- Antsiferov A. N. (1922) *Kooperativnyi kredit i kooperativnye banki* [Cooperative Credit and Co-operative Banks], Prague.
- Antsiferov A. N. (1930) *Kurs kooperatsii* [Course on Cooperation], Paris.
- Antsiferov A. N. (1926) O prirode i suschnosti kooperatsii (etud) [On the Nature and Essence of Cooperation (an essay)]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 4.
- Antsiferov A. N. (1929a) O prirode i suschnosti kooperatsii (etud) [On the Nature and Essence of Cooperation (an essay)]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 6.
- Bilimovich A. D. (1955) *Kooperatsya v Rossii do, vo vremya i posle bolshevikov* [Cooperation in Russia before, under and after the Bolsheviks]. Frankfurt.
- Bilimovich A. D. (1956) *Sovetskaya kooperatsya posle vtoroi mirovoi voyny* [Soviet Cooperation after the World War II]. Munich.
- Chayanov A. V. (1925) *Kratkii kurs kooperatsii* [A Short Course on Cooperation]. Moscow.
- Chayanov A. V. (1919) *Osnovnye idei i formi organizatsii krestjanskogo hozjajstva* [The Basic Ideas and Forms of Organization of the Peasant Economy]. Moscow.
- Deshkovskaya N. S. (2009) *Evolyuetsiya kooperativnykh form organizatsii agrobiznessa v sovremennoy ekonomike* [Evolution of Cooperative Forms of Agribusiness in the Contemporary Economy]. Tomsk.
- Emelianoff, I. V. (1942) *Economic Theory of Cooperation. Economic Structure of Cooperative Organizations*. Washington [1948, 1995].
- Emelianoff I. V. (1924b) Kooperativnaya organizatsiya kak ob'edineniye hozjajstv' [Cooperative organization as an association of households]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 2.
- Emelianoff I. V. (1923) *Kooperativne organizatsii sredi zemledeltsev* [Cooperative Organizations among Farmers]. Prague.
- Emelianoff I. V. (1926) Kooperativnoe ob'edineniye i kartel [Cooperative association and cartel]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 4.
- Emelianoff I. V. (1925) Kooperativnoe ob'edineniye kak predpriyatie [Cooperative association as an enterprise]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 3.
- Emelianoff I. V. (1924a) O prirode kooperativnogo dvizheniya sredi zemledeltsev [On the nature of the cooperative movement among farmers]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 1.

- Emelianoff I. V. (1929) Teoreticheskaya postanovka kooperativnoi problemi [Theoretical formulation of the cooperative problem (the theory of cooperation)]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 6.
- Emelianoff I. V. (1927) Zakonomernosti v geograficheskom raspredelenii zemledelcheskogo kooperativnogo dvizheniya [Regularities in the geographical distribution of the agricultural cooperative movement]. *Cooperation and Agriculture. Notes of the Russian Institute for Agricultural Cooperation in Prague*, vol. 5.
- Ermakov V. F., Seroschtan M. V., Solovyh N. N. (2006) *Sotsialnaya myssiya potrebitelskoi kooperatsii: teoriya i praktika* [Social Mission of Consumer Cooperatives: Theory and Practice]. Moscow.
- Fridman A.M. (2010) Modely razvitiya potrebitelskoi kooperatsii v Rossiyskoi Federatsii [Models of consumer cooperation development in the Russian Federation]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki* [Fundamental and Applied Studies of the Co-operative Sector of the Economy], no. 5.
- Kotsonis Y. (2006) *Kak krestjan delali otstalymi. Selskohozyastvennie kooperativi i agrarnyi vopros v Rossii* [Making Peasants Backward. Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914]. Moscow.
- Krivoshei V. A., Tkach A. V., Chukin N. I. (2012) Evolutsiya razvitiya kooperativnoy ideologii [Co-operative Ideology Evolution]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki* [Journal of Fundamental and Applied Studies of the Co-operative Sector of the Economy], no. 1.
- Lenin V. I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], vol. 45, p. 373.
- Salova M. S. (2011) *Razvitiye system i modeley v agropromyshlennom komplekse* [Development of Systems and Models of Cooperation in the Agro-Industrial Complex]. Moscow.
- Sobolev A. V. (2000) K voprosu o nachale kooperativnogo dvizheniya v Rossii [On the question of the beginning of the cooperative movement in Russia]. *Voprosy Istorii* [Questions of History], no. 11–12.
- Sobolev A. V. (2012) *Kooperatsiya: Ekonomicheskie issledovaniya v russkom zarubezh'e* [Cooperation: Economic Studies of the Russian Emigrant Thought]. Moscow.
- Sobolev A. V. (2006) *Osnovnie shkoly evropeyskoy kooperatsii: Obzor kooperativnykh idey (XIX—pervaya polovina XX vekov)* [Major Schools of the European Cooperation Thought: A Review of the Co-operative Ideas (XIX—the first half of the XX century)]. Moscow.
- Sobolev A. V. (2011) *Razvitie teorii kooperatsii v issledovaniyah uchjonih russkogo zarubezhja* [Development of the Theory of Cooperation in the Russian Emigrant Thought]. Thesis for the degree of Doctor of Economic Sciences. Moscow.
- Sobolev A. V. (2000) *Velmozhnaya katorga i ejo artelnoje hozyaistvo* [The noble hard labor and its artel economy]. *Voprosy Istorii* [Questions of History], no. 2.
- Totomianz V. F. (1922a) *Kooperatsiya v Rossii* [Cooperation in Russia]. Prague.
- Totomianz V. F. (1961) *Kooperatsiya (istoriya, printsipi, formi, znachenie)*. [Cooperation (History, Principles, Forms, and Meaning)]. Frankfurt.
- Totomianz V. F. (1923a) *Osnovi kooperatsii* [Basis of Cooperation]. Berlin.
- Totomianz V. F. (1921) *Teorii kooperatsii* [Theories of Cooperation]. Prague.
- Totomianz V. F. (1922b) *Antologie des Genossenschaftswesens*. Berlin.
- Totomianz V. F. (1923b) *Die Grundlagen des Genossenschaftswesens*. Iena.
- Totomianz V. F. (1923c) *La Cooperation Mondiale*. Paris.
- Totomianz V. F. (1960) *La Cooperazione*. Roma.
- Tugan-Baranovsky M. I. (1916) *Sotsialnie osnovi kooperatsii* [Social Basis of Cooperation]. Moscow.
- Valigursky D. I. (2014) *Sotsialno-rynochnaya model kooperativnogo razvitiya* [Social-market model of the cooperative development]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki* [Fundamental and Applied Studies of the Co-operative Sector of the Economy], no. 4.

A. Sobolev,
A. Kurakin, I. Trotsuk
Methodological
approaches to
the study of Rus-
sian cooperation
and “Theory and
practice of coopera-
tion” as an
academic discipline

Методологические подходы к исследованию российской кооперации и «Теория и практика кооперации» как учебная дисциплина

Соболев Александр Валерьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Российского университета кооперации, старший научный сотрудник ЦАИ РАНХиГС. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: sobolev-alekc@mail.ru.

Троцук Ирина Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, доцент кафедры социологии РУДН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Куракин Александр Александрович, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru.

Статья посвящена теоретическим и методологическим проблемам, с которыми сталкиваются российские исследователи кооперативных организаций. Авторы выделяют три основных методологических подхода к феномену кооперации в российской академической традиции: (1) социально-реформистский (или социально-идеологический), (2) описательно-монографический и (3) экономико-теоретический. Причем первые два подхода являются доминирующими. После краткого обсуждения перспектив и ограничений в исследованиях кооперативов как бизнес-организаций российскими учеными были выделены некоторые отличительные черты российской кооперативной мысли. Рассматривая особенности российской кооперативной мысли, авторы упоминают наиболее известных российских исследователей кооперации, которые заслуживают того, чтобы их включили в список кооперативного наследия МКА. Отдельное внимание авторы уделяют мифу о первом русском кооперативе и декабристах как первых кооператорах. К сожалению, этот миф стал общепризнанным и определяет теперь официальную дату рождения российской кооперации. Показательно, что именно в вопросе генезиса российской кооперации отразилось современное представление определенной части общества о том, что такое кооператив и как трактовать кооперативную организацию. Кратко обсуждается вклад в кооперативную мысль, сделанный А. Н. Анцыферовым, А. Д. Билимовичем, М. И. Туган-Барановским, А. В. Чаяновым и В. Ф. Тотомианцем. Особое внимание уделено значению научного вклада И. В. Емельянова, почти забытого в современной России, и судьбе его идей. Наконец, авторы подчеркивают особое значение учебных программ «Теория и практика кооперации», позволяющих описать трансформации наиболее важных достижений российской и зарубежной кооперативной мысли.

Ключевые слова: российская кооперативная мысль, история российской кооперации, рождение кооперативного движения в России, экономическая теория кооперации, Емельянов, кооперация как учебная дисциплина.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-31-50

Крупный агробизнес Уфимской губернии (вторая половина XIX — начало XX века)

М. И. Роднов

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр-т Октября, 71. E-mail: mrodnov@ufanet.ru.

Во второй половине XIX — начале XX века в Уфимской губернии существовал (как часть многоукладной региональной экономики) крупный агробизнес, представленный сначала только дворянскими латифундиями. Затем стали активно нарастать инвестиции в сельскохозяйственное производство со стороны купцов (городских предпринимателей), хотя вплоть до конца империи купеческие аграрные предприятия так и не превзошли по своим масштабам аграрные предприятия дворян. Одновременно бурно формировалось крестьянское фермерство, среди сельских предпринимателей складывались крупные хозяйства. В статье приводятся как в целом статистические сведения по помещичьим, купеческим и крупным крестьянским, фактически фермерским хозяйствам американского типа, так и анализируются отдельные примеры наиболее выдающихся аграрных предприятий помещиков, купцов и крестьян. Отмечается, что после отмены крепостного права наряду с разоряющимися помещичьими хозяйствами происходила вполне успешная интеграция ряда крупных помещичьих хозяйств в капиталистическое аграрное производство, при этом еще более впечатляющим был рост купеческих и крупных крестьянских капиталистических аграрных хозяйств. Все это свидетельствует о существенном потенциале развития крупных капиталистических аграрных предприятий в сельском хозяйстве пореформенной России на примере Уфимской губернии, привлекая внимание к переосмыслению потенциала перспектив крупного аграрного производства в российской истории.

Ключевые слова: сельское хозяйство, крупный агробизнес, помещичье хозяйство, многоукладная экономика, аграрное предпринимательство, Южный Урал, вторая половина XIX — начало XX века.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-51-65

В современной отечественной историографии в изучении аграрного строя Российской империи по-прежнему сильна народническая доминанта. Акцент делается на общинное хозяйство, многие авторы упорно разыскивают кооперативную альтернативу, которая якобы могла спасти бедняцко-средняцкую массу от раскрестьянивания. В массовом сознании утвердился миф о мелком семейном фермерском хозяйстве, которое вкупе с личным подсобным есть будто бы магистральный путь развития.

Однако в историографии рубежа XIX–XX веков немало исследователей обращали внимание на преимущества и перспекти-

вы крупного агробизнеса (А. И. Скворцов, Г. А. Студенский и др.) (Кузнецов, 2014). Современные исследователи также выделяют впечатляющие достижения агрохолдингов (Фадеева, 2015). Но и в Российской империи крупные сельскохозяйственные предприятия успешно существовали и играли важную роль в экономическом развитии страны.

Рассмотрим в качестве образца зерновой район — Уфимскую губернию (до 1865 года — Оренбургская губерния). Так как в Российской империи официальный статус определялся сословной принадлежностью, разделим крупные хозяйства на три группы: дворянские, купеческие (вообще городские предприниматели) и крестьянские.

Крупный дворянский агробизнес

Хотя служилое дворянство получало земельные владения вокруг Уфы с момента ее возникновения в 1586 году, долгое время здесь господствовало мелкопоместное дворянство. Из-за полувоенной обстановки фронта (набеги кочевников, бунты башкир) освоение плодородных черноземов к югу от Уфы было затруднено. Лишь в последней трети XVIII века, после подавления восстания под предводительством Пугачева, началась массовая покупка земли — сюда переводились крепостные из поволжских губерний и создавались дворянские латифундии.

При подготовке Великой реформы 1861 года были собраны сведения о крупных помещичьих хозяйствах с числом крепостных свыше 100 ревизских душ (вместе с дворовыми). Хотя сравнение с другими источниками показывает, что часть имений была пропущена, можно выделить наиболее значимые поместья (Приложения к трудам, 1860: 2–17).

Несмотря на непрерывно происходившее в XIX века на Южном Урале размежевание земли между башкирами-вотчинниками и припущенниками-арендаторами, а также другими группами владельцев, качество землеустройства было достаточно высоким. Сведения, полученные при отмене крепостного права, по отдельным поместьям почти точно совпадают с последующими измерениями (Абсалямов и др., 2013: 28–29).

В Оренбургской губернии преобладало барщинное хозяйство с крупными господскими запашками. Помещики выращивали большое количество товарного зерна, продававшегося с речных пристаней или на вывоз гужевым путем. Но при подготовке отмены крепостного права собирали подробную информацию только о количестве земли у крестьян, отдельно выделяя земли, не состоящие в пользовании крестьян (удобные и неудобные, в том числе кустарник и лес). Размеры собственно господского посевного хозяйства можно установить приблизительно. Например, у дворяни-

на А. Ф. Нагаткина в сельце Осоргино Уфимского уезда у крестьян имелось 400 дес. пашни, а не состоящей в пользовании крестьян — 1441,11 дес. удобной земли (включая 481,12 дес. леса); хозяйство велось трехпольное без удобрения; пригодной для сельского хозяйства земли у барина имелось 960 дес.

Всего же на 1860 год в Уфимском уезде насчитывалось 33 крупных дворянских имения (43 селения), в Белебеевском уезде — 21 (28), Бирском — 12 (14), Мензелинском — 29 (36), Оренбургском — 20 (32), Стерлитамакском — 24 (32), Троицком уезде — 2 (4) поместья. Итого в Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права существовало 141 крупное барщинное зерновое хозяйство, в которых трудились крепостные крестьяне из 189 селений.

Пореформенный период привел к массовому разорению в первую очередь мелкопоместного дворянства в нечерноземной и предгорной зонах, крупные хозяйства оказались более устойчивыми, но и они порой не выдерживали конкуренции. В Уфимской губернии держались очень низкие цены на землю, которой имелось более чем в избытке, и заставить вчерашних крепостных работать за отработки не удавалось. В выигрыше оказались только помещики, начавшие перестройку хозяйства на предпринимательских началах.

Выдающиеся уфимские земские статистики (Роднов, 2012а) организовали несколько исследований частновладельческих хозяйств, общее количество которых составляло около тысячи. Выделим самые крупные дворянские хозяйства по переписи 1912–1913 годов, в которых засевали (собственный посев, без арендаторов) не менее 500 дес. (сословие точно установлено, неясные случаи исключены)¹.

В Белебеевском уезде таких дворянских хозяйств было семь. Поскольку кроме земледелия здесь было масштабное животноводство, наряду с площадью посева приводится численность всего скота. Это имения С. М. Буниной (768 дес. посева, 321 голова скота), Б. В. Ляхова (592,5 дес., 271 голова), А. М. Волконского (1206,5 дес., 2602 головы), А. П. Вороновой (936 дес., 830 голов), Б. В. Пальчикова (702 дес., 236 голов), наследников Н. А. Пестрово (1635 дес., 3485 голов), С. С. Джантюрина (1085 дес., 2165 голов).

В остальных уездах также имелись крупные дворянские экономии. Стерлитамакский уезд: Пашковы (1008,75, 485 и 352,5 дес. в трех соседних имениях) и Н. Д. Дурасов (807,5 дес.); Уфимский уезд: Н. Ф. Ляуданский (849 и 1550 дес.), Е. К. Харитонова (1249 дес.), А. А. Кугушев (1281,75 дес.), А. Н. Ралль (946 дес.), Г. Р. Давлеткильдеева (579,25 дес.), А. П. Толстой (867,5 дес.), Н. П. Языков (561 дес.), Н. В. Ляхов (688 дес.), Н. А. Пестрово (528 дес.); Мензелинский уезд: А. В. Пальчиков (771 дес.), В. М. Высоцкая (535 дес.), Н. В. Кобзарь (519 дес.), Л. В. Хитрова (639 дес.), наследники Н. и А. Пальчиковых (511,25 дес.), Мельгу-

1. Подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии (1915). Уфа.

новы и Платонова (1003 дес.), В. В. Молоствов (867,5 дес.), наследница Н. В. Молостова (810 дес.), наследники И. И. Мазуревского (650,62 дес.); Бирский уезд: П. Г. Мамыкин, губернский секретарь (551 дес.). В земледельческой зоне Златоустовского уезда дворянских поместий никогда не было.

Итого в Уфимской губернии в 1912 году насчитывалось 29 крупнейших дворянских хозяйств (посевщиков) (имения Пашковых и Ляуданского учтем как одно), где засеивалось 25 535,62 дес. из общей площади частновладельческого (по этой переписи) посева 104 773,3 дес., или 24,4%. Небольшое количество крупных дворянских «агروفирм» занимало существенную долю рынка сельхозпроизводителей — индивидуальных частных собственников. При этом присутствовали обе формы организации бизнеса — личное управление хозяйством или управление через наемных менеджеров.

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года по Уфимскому уезду позволяют увидеть внутреннюю структуру крупных дворянских экономий². Это были старинные аграрные поместья с налаженным производством и сбытом, например в Языковской экономии графа А. П. Толстого трехполье велось аж с 1761 года, в 1900 году здесь ввели посева трав.

Вкратце рассмотрим поместье дворян Елены Константиновны и Константина Петровича Харитоновых, представлявшее собой два отдельных хутора (Еленинский и Константиновский) в 47 верстах к югу от Уфы. Это была многопрофильная агрофирма, включавшая помимо полеводства мукомольную мельницу и просяную рушку, три племенных завода (лошадей, крупного рогатого скота и овец), сыроваренный и маслодельный заводы.

На каждом хуторе стояла обширная усадьба, видимо, на Константиновском хуторе проживал управляющий имением, специалист, окончивший Казанское среднее земледельческое училище. При полном содержании он получал 1 тыс. руб. годового жалованья и 3% с чистого дохода. Владельцы в основном пребывали на Еленинском хуторе, служившем летней дачей, откуда они контролировали ведение дел.

Это было чисто предпринимательское хозяйство со своим инвентарем, которое (как добавляли в бланке переписи 1917 года), «крестьянским рабочим скотом не пользуется». Подесятинная аренда появилась только весной 1917 года, когда начитавшиеся пропагандистских агиток общинники-коллективисты заставили хозяев сдать им часть земли, заодно вытравив луга. Лес, который тщательно берегли, пока не тронули.

Основной отраслью было зерновое производство по трехпольному севообороту. В 1910 году посеяли 580 дес. ржи, 400 дес. овса и 30 дес. гречи, в 1917 году — 580 дес. ржи, 481 дес. овса и 37,5 дес. гре-

2. Хозяйство ряда крупных дворянских поместий изучено. См.: Усманов, 1981; Амирова, 1989.

чи. Удобрляли 80 дес. по 2400 пудов навоза на десятину, из-за нехватки рабочих рук в войну сократили до 25 дес.

Обширные сенокосы (почти 400 дес.) обеспечивали кормами многочисленное стадо (укос в 1916 году — 60 пудов с десятины), которое из-за наступавшего революционного хаоса начали распродавать и забивать. Тем не менее в 1917 году в хозяйстве Харитоновых имелось 198 лошадей (включая 38 рысистых и арденнских жеребцов, 88 маток, 72 рабочие лошади, из них 42 арденнской породы), 249 голов крупного рогатого скота (в том числе 80 дойных коров швицкой породы), 77 оксфордширских овец, 97 йоркширских свиней, а также 250 кур породы плимутрок, 80 гусей, 200 пекинских уток и 20 индеек. Почти весь скот выращивался в экономии (ежегодно до 76 телят).

Продукция сбывалась либо на месте (зерно), либо в Уфе, куда отправлялись молочные товары. Не дожидаясь прихода большевиков, Харитоновы в 1917 году в Уфе успели продать 34 пуда молока, 57 пудов масла, 400 пудов сыра, 2 пуда 8 фунтов сметаны, о которой жители нашего города забудут на следующие десятилетия.

В агрофирме имелся мощный парк техники: трактор (25 л. с. на два плуга, за 10 часов два работника вспахивали 7 дес.)³, 11 одноконных, 11 двухконных и 11 многоконных плугов, 18 железных, две дисковые и 53 деревянные бороны, 8 рядовых, дисковая и 5 разбросных сеялок, 2 жнейки, 4 косилки, 10 сноповязалок, имелись также локомотив мощностью 12 л. с., элеватор, паровая молотилка мощностью 12 л. с., 8 ручных веялок и много прочего инвентаря общей стоимостью 56 332 руб. Множество построек застраховали на 85 090 руб.

В штате «агрохолдинга» Харитоновых трудились 4 приказчика, эконо, конторщик, садовник, 4 плотника, 4 кузнеца, сыровар и пр. Всем полагалось 3% с чистого дохода. Помимо зарплаты служащим и многочисленным нанятым на полевые работы «в имени всем выплачивался паек» и явно не колхозный: взрослому — 2 пуда ржаной муки, 1 пуд 20 фунтов картофеля, 15 фунтов капусты, 3 фунта масла, 15 фунтов мяса, 15 фунтов пшенной крупы, 1 пуд 20 фунтов молока, 1/8 фунта чая и полфунта сахара, подросткам полагалась половинная норма. (Наверняка, в «счастливые» коллективные времена трудящиеся вспоминали харитоновский паек!)

Гордостью дворян-предпринимателей были сыроварня и маслодельня. Сыроварением занимались с 1 марта по 1 декабря, перерабатывалось до 4 тыс. пудов молока — исключительно свое. В год

3. По воспоминаниям жителей соседней башкирской деревни, они все сбегались весной смотреть на работу трактора, но в народной памяти осталась не машина, а хозяйский ребенок с няней, с изумлением смотревший на непрезентабельных крестьян и спрашивавший: кто это такие? Башкиры понимали русский язык и запомнили разговор малыша с няней. Трактор был уже привычным для окрестных жителей задолго до ленинских планов.

в Уфу отправляли 400 пудов сыра двух сортов. На выработку 57 пудов сливочного масла шло 912 пудов молока. Трудились двое мужчин и восемь женщин.

Имение было заложено в Самарском отделении Дворянского банка за 108 300 руб., годовой платеж с погашением процентов к 1 января 1917 года составлял 5100 руб. Около 5 тыс. руб. с поместья составляли земские, государственные и сословные налоги⁴. Судя по документам, Харитоновы летом 1917 года налоги платить не спешили, поскольку газеты читали.

Крупный купеческий агробизнес

Если дворянские латифундии изучаются давно, то судьбы купеческих «агрохолдингов» еще слабо привлекают внимание историков. Купцы здесь — это городские предприниматели, вложившие капиталы в сельскохозяйственное производство. В пореформенный период принадлежность к гильдейскому купечеству стала не обязательной, а с другой стороны, ряд успешных предпринимателей попадали в дворянское сословие, оставаясь по сути все теми же бизнесменами. Таковыми являлись представители одной из богатейших фамилий России, откупщики и золотопромышленники, приобретавшие особняки в Санкт-Петербурге, — дворяне Базилевские.

Вообще они происходили из семьи священника, протоиерея Стерлитамакского собора, заслужившего дворянство при жизни⁵. Его сын Иван Федорович Базилевский (1791–1878) вошел в число богатейших людей империи. Уже с конца 1840-х годов И. Ф. Базилевский свои капиталы начал вкладывать в покупку дворянских поместий в основном вокруг Уфы. В результате к 1861 году он стал одним из крупнейших душевладельцев Оренбургской губернии, с которым могли соперничать только горнозаводчики.

Сразу семь поместий И. Ф. Базилевского вошли в список крупнейших дворянских хозяйств. В подгородной Миловке была жилая усадьба, куда семья наезжала в летние месяцы, в остальных имениях существовали только мощные хозяйственные комплексы. Общая площадь под зерновыми составляла несколько тысяч десятин.

Ни в одном поместье Базилевского не было оброчных крестьян, все крепостные числились на барщине. Крупномасштабное производство хлеба требовало множества рабочих рук, никого не отпускали на вольные заработки. Деньги от крепостных Базилевскому были не нужны — ему требовался товарный хлеб. Успешный предприниматель эффективно использовал механизм крепостного пра-

4. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580. Б. п.

5. О нем см.: Черников-Анучин, 2015.

ва, полностью отсутствовал свободный рыночный труд, не заметно присутствие каких-либо инноваций, агротехнологий. Проверенные управляющие крепко держали в руках дела, они же согласовывали выкуп крепостных на волю в 1860-е годы.

В пореформенную эпоху И. Ф. Базилевский участвовал в многочисленных предпринимательских проектах в Европейской России, на Урале и в Сибири, но свой аграрный «актив» не забрасывал: землю не продавал, массовое производство хлеба процветало.

Его сын и наследник Федор Иванович Базилевский (1834–1895) продолжил политику отца. Прикупив еще ряд поместий, на 1881 год вместе с матерью он являлся владельцем 31,5 тыс. дес. земли в Уфимской губернии (Абсалямов и др., 2013: 194). В отличие от большинства купцов, приобретающих лесные угодья, ему принадлежали только сельскохозяйственные земли.

В год смерти Ф. И. Базилевского (1895) в Уфимской губернии прошла перепись, по данным которой ему принадлежало почти 37 тыс. дес. земли. Еще ряд владений находилось у родственников⁶. Унаследовавший «империю» брат Виктор Иванович Базилевский (1840–1929) сразу начал распродавать весь уфимский «актив», предварительно закладывая имения в банках. Это позволяет нам оценить состояние этой предпринимательской агрофирмы.

Например, в имении при селе Никольское (Моисеево), купленном еще в 1854 году, на 1903 год стояли господский дом стоимостью 3 тыс. руб., два двухэтажных дома, дом и четыре флигеля, лавка с помещением для приказчика, две казармы, избы, бани, конюшни, погреба, мастерская, кузница, амбары, сарай и пр. Рядом имелись молочная ферма, две мельницы и два хутора. Всего только в одном поместье насчитывалось 69 построек, оцененных Крестьянским банком в 29,3 тыс. руб.⁷

Все поместья Базилевских в начале 1900-х годов были распроданы, но сам факт полувекового существования в Уфимской губернии крупного предпринимательского «агрохолдинга», приносившего стабильный доход и не продававшегося владельцами даже в условиях наплыва переселенцев и роста цен на землю, показывает интерес городского купечества к вложениям в аграрный бизнес.

На берегу Камы в небольшом городе Елабуге началась история выдающейся купеческой династии Стахеевых. О них много написано (Китанина, 1969, 1978, 2011; Предпринимательские династии, 2008). Наиболее активную роль Стахеевы играли в хлебной торговле Уфимской губернии (Роднов, Дегтярев, 2008; Роднов, 2012б).

От скупки зерна и муки они перешли к созданию вертикально-интегрированного бизнеса, объединявшего производство хлеба в своих поместьях, переработку на собственных мельницах, достав-

6. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, 1901.

7. НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2878. Л. 40–42.

Таблица 1

ИСТОРИЯ	Собственники	Волость	Всего земли, дес.	Посевы, дес.
	Стахеевы, Глафира и др.	Афонасовская	665	207,88
	ТД И. Г. Стахеева н-ки	Там же	90,5	34,5
	ТД И. Г. Стахеева н-ки	Там же	582,33	72
	Стахеев И. И.	Заинская	611,57	291,75
	Стахеев А. И.	Там же	127,01	15,25
	Стахеевы, Ольга, Иван и др.	Там же	1635,3	39
	Стахеева А. И.	Мысово-Челнинская	943,5	483,52
	Стахеева В. Г. н-ки	Старо-Кашировская	7271	2764
	Стахеев Н. И.	Там же	1111,49	627,37
	Стахеев Г. И.	Сухаревская	1194,6	955,27
	Стахеева И. Г. н-ки	Там же	1635,5	708
	Стахеевы, Падурова М. И. и Чикина А. И. (Чикин — зять И. Г. Стахеева)	Там же	2790,8	1070
	Стахеева А. И.	Токмакская	1463,69	410,75
	Стахеевы Федор, Василий, Григорий, Петр и Глафира Вас.	Языковская	4334,9	1486,5
	ВСЕГО у Стахеевых		24 457,19	9166,26

Источник: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии, 1915 г.

ку на своих же баржах и своими буксирами. Уже в конце XIX века Стахеевы начали активно покупать поместья разорявшихся дворян Мензелинского уезда, который лежал на другом берегу Камы почти напротив их фамильной вотчины — города Елабуги. Их собственность в Мензелинском уезде по переписи 1912–1913 годов показана в табл. 1.

Разным представителям этого клана и семейным фирмам (у Стахеевых было сложное переплетение паев и акций) принадлежало в Мензелинском уезде Уфимской губернии 24,5 тыс. дес. земли и 9,2 тыс. дес. посевов. Для сравнения: на 1917 год в руках дворянства находилось 59,8 тыс. дес. земли, купцы и мещане владели 39,6 тыс. дес., а площадь всех частновладельческих посевов (помещичьих) по переписи 1912–1913 годов составляла 31,7 тыс. дес.⁸ Семье Стахеевых принадлежала почти треть (29%) помещичьих посевов уезда, больше половины всех купеческих земель, так что никто из местного дворянства не мог сравниться с ними размером

8. Подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии, 1915; Роднов, 2002: 86.

своих владений. Во многих стахеевских имениях велось крупное высокотоварное производство зерна, действовали мукомольные мельницы (поместья № 4, 9, 12, 13), а в крупнейшем Старо-Кашировском владении (№ 8) работали целых 4 мельницы. Стахеевым также принадлежали два винокуренных завода (поместья № 8 и 11), использовались обширные леса, было развито животноводство и т. д.

Аналогичные процессы происходили на юге Уфимской губернии, где богатейшие самарские купцы — хлеботорговцы и мукомолы активно скупали бывшие дворянские поместья и башкирские земли.

Выделим недворянские владения с посевом не менее 500 дес. по переписи 1912–1913 годов (см. табл. 2).

Различные предприниматели скупали земли в Уфимской губернии и создавали процветающие агрофирмы. Тут и знаменитые самарские купеческие фамилии Курлиных, Бородиных, Шихобаловых (Самарское купечество, 2006), саратовские предприниматели Борели, уфимские «пивные короли» Видинеевы, казанское купечество в Мензелинском уезде, ринувшееся туда вслед за Стахеевыми. Многие держали промышленные предприятия, на юге создавали пшеничные «фабрики», на севере выращивали традиционную рожь. Некоторые увлекались травосеянием, другие овцеводством, во многих купеческих имениях держали крупное поголовье овец, что не типично для Уфимской губернии. Что было выгодно, тем и занимались.

Купеческий (городской) агробизнес отличался, как и сейчас, прагматичным подходом к организации хозяйства, хотя некоторые и строили шикарные виллы (Святой Ключ Стахеевых на Каме), но большинство приезжало строго по делам.

Сложно определить удельный вес крупного (некрестьянского) агробизнеса во всем зерновом производстве Уфимской губернии: нет общепризнанных критериев для определения нижней границы, много хозяев имели по 200, 300, 400 дес. посева. Но если суммировать приведенные здесь данные: 25 535,62 дес. (посевная площадь в крупных дворянских хозяйствах), 9166,26 дес. стахеевских и 12 274,77 дес. в остальных ведущих купеческих «агрофирмах» — получается 46 976,65 дес., или 44,8%, из всей площади частновладельческого посева по переписи 1912–1913 годов 104 773,3 дес.

Небольшое количество хозяйств крупного агробизнеса Уфимской губернии сконцентрировало почти половину всего помещичьего зернового производства. Несмотря на все успехи, купечество все же не догнало благородное сословие. Пройдя сквозь жестокие пореформенные испытания, дворянство сумело выдвинуть из своих рядов успешных предпринимателей в традиционной для них аграрной сфере.

М. И. Роднов
Крупный агро-
бизнес Уфимской
губернии
(вторая половина
XIX — начало
XX века)

Таблица 2

ИСТОРИЯ

Собственники	Посевы	Скот	Прочее
Белебеевский уезд			
Коншин П.И.	572 (240 дес. ржи, 44 дес. пшеницы, 150 дес. овса)	249 (45 раб. лошадей, 100 овец)	Кумысоле-челбница
Курлина Е.А.	2183,33 (375 дес. ржи, 941,67 дес. пшеницы, 33,33 дес. овса, 833,33 дес. кормовых трав)	418 (71 раб. лошадь, вол)	
Бородин Е.И.	1000 (166,67 дес. ржи, 83,33 дес. овса, 666,67 дес. пшеницы)	2211 (59 раб. лошадей, 100 волов, 2000 овец)	
Шихобалов П.И.	1650 (408,33 дес. ржи, 75 дес. овса, 583,33 дес. пшеницы, 200 дес. трав)	355 (69 раб. лошадей, 100 волов)	
Чернова А.М. ⁹	652 (50 дес. овса, 500 дес. пшеницы)	187 (58 раб. лошадей, 18 волов)	
Стерлитамакский уезд			
Кузнецова А.И.	502,7 (106,67 дес. ржи, 73,25 дес. овса, 270,55 дес. пшеницы, 6,67 дес. трав)	423 (51 раб. лошадь, 82 вола)	Водяная турбинная мельница
Борель Э.И.	1404 (448 дес. ржи, 222,67 дес. овса, 230,66 дес. пшеницы, 5,34 дес. трав)	1254 (159 раб. лошадей, 271 овца, 216 волов)	Паровая вальцовая мельница
Сурошникова Е.С.	529 (521 дес. пшеницы)	594 (64 раб. лошади, 94 вола)	Водяная мельница
Уфимский уезд			
Наследники В. И. Видинеева	598,5 (150 дес. ржи, 172 дес. овса, 1 дес. пшеницы, 58 дес. трав)	252 (154 раб. лошади)	
Мензелинский уезд (без Стахеевых)			
Наследники Ф. Ф. Постникова	564,75 (280,5 дес. ржи, 189,75 дес. овса, 6,75 дес. пшеницы)	148 (52 раб. лошади)	
Маланьичев В.Ф.	1263,62 (537,75 дес. ржи, 562,37 дес. овса, 78,75 дес. пшеницы)	1533 (163 раб. лошади, 53 вола, 1140 овец)	Мукомольная мельница
Чукашевы, Казанкина и Мейснер	1354,87 (645 дес. ржи, 607,5 дес. овса, 9 дес. пшеницы)	614 (128 раб. лошадей)	

Источник: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии (1915). Уфа.

9. Сословие не установлено. Хозяйство велось в значительной степени на арендованной земле (своей было 508,75 дес., арендовалось 498 дес.).

Сохранившиеся в уфимском государственном республиканском архиве подворные карточки переписи 1917 года по Уфимской губернии (кроме Мензелинского уезда) позволили поименно выявить все крупные и крупнейшие крестьянские (по посеву) хозяйства и опубликовать ряд исследований (Роднов, 2006а: гл. 5, § 2, 2006б, 2007), кроме того, подготовлена отдельная работа по крупно-крестьянским хозяйствам Стерлитамакского уезда (272 хозяйства с посевом не менее 50 дес.) (Роднов, 1997)¹⁰.

Итак, в Уфимской губернии в двух регионах (юг и северо-восток) в начале XX века самым активным образом складывалось фермерство, в котором выделялись крупные хозяйства: например, в Белебеевском уезде по переписи 1917 года выявлено 385 хозяйств с посевом более 50 дес., и это во время войны, в условиях экономического кризиса и сокращения посевных площадей.

В этих крупно-крестьянских хозяйствах была достигнута максимально возможная степень механизации на конской тяге, по всем показателям они являлись аналогом североамериканского фермерства с его высоким уровнем товарности. Приведем первые пять самых крупных по размеру посевной площади хозяйств, чьи владельцы по сословию относились к различным разрядам крестьян (без Златоустовского уезда, где есть пропуски). Но так как в Уфимской губернии проживали немцы-колонисты, составим два списка (Роднов, 2002: 304–306).

I. Обычные крестьяне

1. Султанов Нурдавет (башкир, Белебеевский уезд) — 589,36 дес.
2. Тимирбаев Зинатулла (мишар, Уфимский уезд) — 538 дес.
3. Кашаев Зинатулла (татарин, Белебеевский уезд) — 309 дес.
4. Музафаров Агз. Рам. (тептяр, Белебеевский уезд) — 285,6 дес.
5. Михайловы Ф. и И.С. (мордва, Уфимский уезд) — 254 дес.

II. Немцы-колонисты (часть колонистов учитывались среди частных владельцев)

1. Гисбрехт Аарон Абрамович (Бирский уезд) — 371 дес.
2. Гоосен Петр Яковлевич (Бирский уезд) — 282 дес.
3. Фаст Яков Корнилиусович (Бирский уезд) — 252,5 дес.
4. Дик Генрих Иоганович (Бирский уезд) — 214 дес.
5. Зиберт Иоганн Иоганнович (Белебеевский уезд) — 210,5 дес.

Таким образом, в начале XX века в многоукладной экономике Уфимской губернии самым активным образом развивался крупный агробизнес как среди дворянских латифундий, так и среди купеческих и крестьянских хозяйств. Крупный бизнес являлся неотъ-

10. Подробный анализ внутреннего строя фермерских хозяйств дается здесь.

емлемой частью экономического ландшафта, здесь была сосредоточена лучшая сельскохозяйственная техника, он в первую очередь воспринимал инновации. Крупный бизнес выступал проводником механизации в аграрной сфере, здесь начиналась тракторизация (Роднов, 2014, 2015).

Определить удельный вес крупного агробизнеса во всем зерновом производстве Уфимской губернии сложно, поскольку не ясны критерии, на основании которых можно выделить удельный вес крупно-крестьянских хозяйств. Выбранный мною критерий в 50 дес. посева взят по чисто техническим основаниям — ферма с таким размером хозяйства вряд ли может быть отнесена к крупному агробизнесу. Очевидно, что в хлебопроизводящей Уфимской губернии, где по данным переписи 1912–1913 годов общая площадь крестьянских посевов составляла 2 703 299,99 дес., роль крупного агробизнеса была далеко не решающей.

Примерно в 1927 году советские статистики определили долю в товарном (внедеревенском) хлебе помещиков в размере 6,9%, мелких капиталистических хозяйств (кулаков) — 39,8%, прочих крестьянских хозяйств — 53,3%¹¹. По подсчетам земских статистиков, после обильного урожая 1913 года в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии с посевом 2–4 дес. имелся избыток зерна 4 996,5 тыс. пуд., у сеявших по 4–10 дес. — 28 931 тыс., в предпринимательских зажиточных семьях с посевом свыше 10 дес. излишки хлеба составили 50 195,4 тыс. пуд (Хозяйственно-статистический обзор, 2015: 122–123). Таким образом, в Уфимской губернии к осени 1913 года имелось 84 122,9 тыс. пудов хлебных избытков, из которых свыше половины поставляли многопосевные двory местных фермеров-кулаков.

В многоукладной экономике Уфимской губернии в начале XX века наряду с полунатуральным и мелкотоварным укладами успешно существовал и развивался крупный агробизнес — далекий предшественник современных агрохолдингов и корпораций.

Библиография

- Абсалямов Ю. М., Азаматова Г. Б., Гайнуллина А. В., Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. (2013). Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа.
- Амирова Н. Ф. (1989). Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.). Диссертация ... канд. ист. наук. Куйбышев.
- Китанина Т. М. (1969). Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л.
- Китанина Т. М. (1978). Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л.
- Китанина Т. М. (2011). Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.

11. НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 24.

- Кузнецов И. А. (2014). Г. А. Студенский и судьба идей организационно-производственной школы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. Вып. 9; под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.
- Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. (2008) / отв. ред. Н. П. Лигенко. Ижевск.
- Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях (1860). Т. II. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния.
- Роднов М. И. (2014). Автомобиль на Южном Урале — к вопросу об уровне модернизации российского общества в начале XX в. // История, университет, историк / отв. ред. В. Л. Пянкевич, В. В. Морозан. СПб. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 19).
- Роднов М. И. (2012а). Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. № 5.
- Роднов М. И. (2002). Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа.
- Роднов М. И. (1997). Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа.
- Роднов М. И. (2006а). Начало модернизации аграрного строя // История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века. Т. I. Уфа.
- Роднов М. И. (2012б). Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа.
- Роднов М. И. (2006б). Сельское предпринимательство во второй половине XIX — начале XX веков // Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Кн. 1 / гл. ред. А. Н. Дегтярёв. Уфа.
- Роднов М. И. (2015). Структура рынка сельскохозяйственной техники Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 21 / под ред. В. Н. Никулина. Калининград.
- Роднов М. И., Дегтярёв А. Н. (2008). Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа.
- Роднов М. И. (2007). Заволжская «Аргентина» (из истории российского фермера начала XX в.) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии / гл. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург. Самарское купечество: веки истории (2006) / под ред. Е. П. Бариновой. Самара.
- Сборник статистических сведений по Уфимской губернии (1901). Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Ч. II. Список земельных владений губернии. Уфа.
- Усманов Х. Ф. (1981). Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период, 60–90-е годы XIX в. М.
- Фадеева О. П. (2015). «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10; под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.
- Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год (1915). Уфа.
- Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии (1915). Уфа.
- Черников-Анучин А. В. (2015). Протоиерей Фёдор Иванович Базилевский // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX — начале XX вв. / сост. М. И. Роднов. Уфа.

М. И. Роднов
Крупный агро-
бизнес Уфимской
губернии
(вторая половина
XIX — начало
XX века)

Large agribusiness of the Ufa Province (the second half of XIX—early XX century)

Rodnov Mikhail, DSc (History), Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, October prosp., 71. E-mail: mrodnov@ufanet.ru.

In the second half of XIX—early XX century in the Ufa Province there already was (as part of the mixed regional economy) large agribusiness, at first only in the form of nobles' latifundia. Later merchants (urban entrepreneurs) started active investments in the agricultural production, although until the end of the empire the merchants' agricultural enterprises had not surpassed in scale those of the nobles. At the same time, both peasant farms and large enterprises of rural entrepreneurs developed rapidly. The article considers the general statistical information on landlord, merchant and large peasant (virtually farmers) enterprises of American type, and presents some examples of the most outstanding agricultural enterprises of landlords, merchants and peasants. The author believes that after the abolition of serfdom there were two obvious tendencies in rural Russia—on the one hand, the collapsing landlord economy, on the other hand, quite successful integration of a number of large landed estates into capitalist agricultural production together with even more impressive growth of merchant and large peasant capitalist agricultural enterprises. All this indicates a significant potential for the development of large capitalist agricultural enterprises in post-reform Russia, which the author considers on the example of the Ufa Province to re-evaluate the prospects of the large agricultural production in the Russian history.

Keywords: agriculture, large agribusiness, landlord economy, mixed economy, agricultural enterprise, the Southern Urals, the second half of XIX—early XX centuries.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-51-65

References

- Absalyamov Yu. M., Azamatova G. B., Gajnullina A. V., Rodnov M. I., Tagirova L. F. (2013) *Ufimskie pomeshhiki: tipy istochnikov, vidy dokumentatsii* [Ufa Landlords: Types of Sources and Documentation]. Ufa.
- Amirova N. F. (1989) *Pomeshhich'e khozyajstvo Yugo-Vostoka Evropejskoj Rossii v period imperializma (1900–1917 gg.)* [Landlord Economy of the Southeastern European Russia under the Imperialism (1900–1917)]. Dissertatsiya ... kand. ist. nauk. Kujbyshev.
- Kitanina T. M. (1969) *Voенно-инфляционные контсерны в России 1914–1917 гг. Контсерны Путилова—Стакхеева—Батолына* [Military-Inflationary Corporations of Russia in 1914–1917. Putilov-Stakheev-Batolin Enterprise]. Leningrad.
- Kitanina T. M. (1978) *Khlebnaya torgovlya Rossii v 1875–1914 gg. (Ocherki pravitel'stvennoj politiki)* [Grain Trade of Russia in 1875–1914 (Essays on Government Policy)]. Leningrad.
- Kitanina T. M. (2011) *Khlebnaya torgovlya Rossii v kontse XIX—nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika* [Grain Trade of Russia in the late XIX—early XX century. Survival Strategy, Modernization Processes, Government Policies]. Sankt-Peterburg.
- Kuznetsov I. A. (2014) *G. A. Studenskij i sud'ba idej organizatsionno-proizvodstvennoj shkoly* [G. A. Studensky and the fate of the organization-production school ideas]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremen-nost'*. Uchenye zapiski. pod red. A. M. Nikulina, M. G. Pugachevoj, T. Shanina Vol. 9. Moscow.
- Predprinimatel'skie dinastii Kamsko-Vyatskogo regiona. XVIII–XX vv. (2008)* [Entrepreneurial Dynasties of the Kama-Vyatka Region. XVIII–XX] / otv. red. N. P. Ligenko. Izhevsk.
- Prilozheniya k trudam Redaktsionnykh komissij dlya sostavleniya polozhenij o krest'yanakh, vykhodyashhikh iz krepostnoj zavisimosti. Svedeniya o pomeshhich'ikh imeniyakh (1860) [Annexes to the works of the editorial commissions for preparing provisions for peasants withdrawing from serfdom. Information on the landed estates (1860)]. T. II. *Izvecheniya iz opisanij imenij, po velikorossijskim guberniyam. SPb. Izvlechenie iz opisanij*

- pomeshhich'ikh imenij v 100 dush i svyshe* [Excerpts from the Descriptions of the Estates in the Great Russian Provinces. SPb. Extract from the Descriptions of the Landed Estates of 100 and More Souls]. Orenburgskaya guberniya.
- Rodnov M. I. (2014) *Avtomobil' na Yuzhnom Urale—k voprosu ob urovne modernizatsii rossijskogo obshhestva v nachale XX v.* [The car in the Southern Urals—on the question of the level of modernization of the Russian society in the beginning of XX century] *Istoriya, universitet, istorik* /otv. red. V. L. Pyankevich, V. V. Morozan. Sankt-Peterburg. (Trudy istoricheskogo fakul'teta SpbGU. T. 19).
- Rodnov M. I. (2012a) *Zemstvo Ufimskoj gubernii i agrarnaya statistika* [Zemstvo of the Ufa Province and Agricultural Statistics]. *Rossijskaya istoriya*, no 5.
- Rodnov M. I. (2002) *Krest'yanstvo Ufimskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [Peasantry of the Ufa Province in the Early XX Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations]. Ufa.
- Rodnov M. I. (1997) *Krupno-krest'yanskoe khozyajstvo Sterlitamaskogo uezda po perepisi 1917 goda* [Large Peasant Farms of Sterlitamak District According to 1917 Census]. Ufa.
- Rodnov M. I. (2006a) *Nachalo modernizatsii agrarnogo stroya* [The beginning of agrarian system modernization]. *Istoriya Bashkortostana vo vtoroj polovine XIX—nachale XX veka* [History of Bashkortostan in the Second Half of XIX—Early XX Century]. Vol. I. Ufa.
- Rodnov M. I. (2012b) *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufimskaya guberniya v kontse XIX—nachale XX vv.)* [The Grain Market Space (the Ufa Province in the Late XIX—Early XX Century)]. Ufa.
- Rodnov M. I. (2006b) *Sel'skoe predprinimatel'stvo vo vtoroj polovine XIX—nachale XX vekov* [Rural entrepreneurship in the second half of XIX—early XX century] *Ehntsiopediya predprinimatel'stva Bashkortostana (istoriya i lichnosti)*. [Encyclopedia of Bashkortostan Entrepreneurship (History and Personalities)] Kn. 1 /gl. red. A. N. Degtyaryov. Ufa.
- Rodnov M. I. (2015) *Struktura rynka sel'skokhozyajstvennoj tekhniki Ufimskoj gubernii v kontse XIX—nachale XX veka* [Structure of the agricultural machinery market of the Ufa Province in the late XIX—early XX century]. *Severo-zapad v agrarnoj istorii Rossii*. Iss. 21 /pod red. V. N. Nikulina. Kaliningrad.
- Rodnov M. I., Degtyaryov A. N. (2008) *Khlebnij rynek Ufimskoj gubernii v kontse XIX—nachale XX veka* [Grain Market of the Ufa Province in the late XIX—early XX century]. Ufa.
- Rodnov M. I. (2007) *Zavolzhsкая «Argentina» (iz istorii rossijskogo fermer-a nachala XX v.)* [“Argentina” on the Volga river (from the history of the Russian farmer at the beginning of XX century)] *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaya politika Rossii v XVIII—XX vekakh: problemy istochnikov i istoriografii* [Agrarian Development and Food Policy of Russia in XVIII—XX: The Problem of Sources and Historiography] /gl. red. G. E. Kornilov. Orenburg.
- Samarskoe kupechestvo: vekhi istorii* (2006) [Merchants of Samara: Milestones of History] /pod red. E. P. Barinovej. Samara.
- Sbornik statisticheskikh svedenij po Ufimskoj gubernii* [Collection of statistical data on the Ufa Province] (1901). Vol. VII. *Svod ekonomicheskikh dannykh po gubernii* [Collection of Economic Data on the Province]. Ch. II. Spisok zemel'nykh vladenij gubernii. Ufa.
- Usmanov KH.F. (1981) *Razvitie kapitalizma v sel'skom khozyajstve Bashkirii v poreformennyj period. 60–90-e gody XIX v.* [The Development of Capitalism in Agriculture of Bashkiria in the Post-Reform Period. 1860–1890s] Moscow.
- Fadeeva O. P. (2015) “Delo bylo v Pen'kovo”: kak agrokholdingi zavoeyva-yut sel'skie rajony Sibiri [“It happened in Pen'kovo”: How agrohholdings conquer the rural areas of Siberia]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. *Uchenye zapiski*. Vol. 10; pod red. A. M. Nikulina, M. G. Pugachevoj, T. Shanina. Moscow.
- Khozyajstvenno-statisticheskij obzor Ufimskoj gubernii za 1913 god (1915)* [Economic-Statistical Data on the Ufa Province in 1913]. Ufa.
- Cyastnovadel'cheskoe khozyajstvo Ufimskoj gubernii (1915)* [Private Farms of the Ufa Province (1915)]. Ufa.
- Chernikov-Anuchin A. V. (2015) *Protoierej Fyodor Ivanovich Bazilevskij* [Archpriest Fyodor Bazilevskij] “Novye” imena: istoriko-literaturnye i kraevedcheskie issledovaniya na Yuzhnom Urale v XIX—nachale XX vv. /sost. M. I. Rodnov. Ufa.

М. И. Роднов
Крупный агро-
бизнес Уфимской
губернии
(вторая половина
XIX — начало
XX века)

Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX — начале XX века

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

Статья посвящена анализу биографии и работ российского сельскохозяйственного экономиста и статистика А. Ф. Фортунатова (1856–1925). В центре внимания — парадоксальная двойственность в оценках этого ученого современниками как эмпирика и одновременно яркого мыслителя. Прослеживается его влияние на формирование идеологии и теории «общественной агрономии», его вклад в теорию некапиталистического хозяйства, применявшиеся им новые формы и методы преподавания «сельскохозяйственной экономики» и статистики, которые в совокупности создавали интеллектуальные предпосылки для появления «организационно-производственного направления». По архивным материалам устанавливается авторство А. Ф. Фортунатова по отношению к термину «биологическая технология». Отмечается уникальная идеологическая позиция А. Ф. Фортунатова, прекрасно разбиравшегося в теоретических и эмпирических оттенках марксизма, либерализма и народничества в аграрной сфере, придерживавшегося народнического мировоззрения и тем не менее фактически никогда не высказывавшего своей персональной критики или одобрения бурным общественно-политическим событиям и преобразованиям в России начала XX века. Проанализированы основные вехи научной и преподавательской карьеры профессора Фортунатова. Охарактеризован многообразный энциклопедизм его интересов и публикаций, впрочем порой носивших слишком пропедевтически-популяризаторский характер. Отмечен выдающийся вклад А. Ф. Фортунатова как плодovitого педагога высшей школы России, благодарными учениками которого стали не только несколько знаменитых профессоров организационно-производственной школы, но и сотни, тысячи воспитанных им российских аграрников, известных и безызвестных, внесших значительный вклад в модернизацию и развитие сельской России первой половины XX века.

Основное значение работ А. Ф. Фортунатова видится в переосмыслении предмета российской аграрно-экономической науки, ее переориентации с проблем организации крупного частного хозяйства на изучение и организацию крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: история аграрно-экономической мысли, теория крестьянского хозяйства, общественная агрономия, организационно-производственная школа, А. Ф. Фортунатов, Петровская академия.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-66-89

Парадокс Фортунатова

Студенты А. Ф. Фортунатова вспоминали, как он любил будить интерес аудитории к своему скучноватому предмету — аграрной статистике — при помощи найденных им неожиданных сопоставлений и статистических парадоксов; их называли парадоксами Фортунатова. При обращении к наследию этого ученого мы сталкиваемся

с парадоксом иного рода. Наша историко-экономическая литература знает его в качестве учителя основателей «организационно-производственного направления», однако из литературы совершенно невозможно понять, чему именно он их учил и чему они у него научились. В самом деле, какие идеи А. Ф. Фортунатова унаследовали учившиеся у него А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Б. Д. Бруцкус, А. Н. Минин и др.?

Чтение основных фортунатовских работ не добавляет ясности. В них видны сухой эмпиризм, обилие прекрасно систематизированного фактического материала при скудости выводов и явственном стремлении автора уклониться от сколько-нибудь широких обобщений. То же видели и его читатели из числа коллег и учеников. А. А. Кауфман называл Фортунатова «индуктивистом до мозга костей», в работах которого «сжатость изложения переходит в лаконизм», иногда чрезмерный (Кауфман, 1910: 70). А. О. Фабрикант сетовал, что трудно излагать содержание его статей, так как «они представляют собой всегда экстракт передуманного и пережитого столь скупого на слова автора. Эти статьи можно переписать, но не изложить» (Фабрикант, 1916: 4). А. Н. Челинцев прямо отказывал Фортунатову в теоретической значимости его работ: «Все литературные работы Алексея Федоровича выделяются точным и четким языком, фактичным, сжатым, всегда строго датированным изложением. Эмпирик от начала до конца, он следовал правилу „однократных выводов из множественных наблюдений“, добродушно-язвительно относясь к обыкновению „множественных выводов из однократных наблюдений“. Эта позиция не дала А. Ф. создать какие-либо широкие социологические или хотя бы статистико-экономические концепции. Фактическая эрудиция эмпирика подавляла в нем теоретика-конструктора...» (Челинцев, 1925: 60). В одной из работ сам А. Ф. Фортунатов емко выразил свое кредо: «Статистика по мере возможности стремится заменять вопрос „как“ вопросом „сколько“» (Фортунатов, 1892: XII). Полноту картине придает поразительная (для ученого) фраза Фортунатова о самом себе, которую передал И. В. Якушкин: «Писать не люблю, с большой охотой стал бы переводить, или даже переписывать» (Якушкин, 1927: 111).

Такой стиль и подход к работе можно было бы считать признаком творческого бесплодия Фортунатова, если бы не многочисленные свидетельства тех его коллег и учеников, которым он запомнился прежде всего как творческая личность, «живой ум с постоянным фейерверком мыслей» (Челинцев, 1925: 39). Тот же Якушкин вспоминал: «С неподражаемым искусством Фортунатов пронизывает свою лекцию вопросами, которыми бесповоротно изгоняются из аудитории даже следы апатии. Кто подсчитает — сколько мыслей зародилось в стенах актовой академической залы под влиянием этих вопросов, тонких, остроумных» (Фортунатов, 1924: 14). Он же наградил своего учителя прекрасным эпитетом: «Статистик и экономист, творивший философию агрономии...» (Фортунатов, 1924: 12).

И. А. Кузнецов
Алексей Федорович
Фортунатов
и становление
крестьянских
исследований
в России в конце
XIX — начале
XX века

Каким же образом в Фортунатове сочетались эмпиризм и индуктивизм до мозга костей с ни много ни мало «философией агрономии»? И какова была эта философия? Для ответа необходимо пристальнее взглянуть в биографию и труды ученого.

Формирование идеалов

Алексей Фортунатов родился в Петрозаводске 7 августа 1856 года в интеллигентной дворянской семье, которая затем переехала в Москву (Фортунатов, Фортунатов, 1957). Его отец и дед трудились на ниве народного образования, старшие братья стали профессорами Московского университета, Степан — историком, Филипп — филологом, академиком. Алексей в юности долго искал свое призвание, не раз меняя направление поиска. С золотой медалью гимназии он сначала, по стопам братьев, пришел на историко-филологический факультет университета, где увлекся одновременно римской историей и политэкономией. Он посещал лекции только что начавшего преподавать А. И. Чупрова, присутствовал на его магистерской защите (1875) и, как все умные студенты того времени, штудировал «Капитал» Маркса. Однако в 1876 году бросил университет, историю, Москву и поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Там он стал одним из любимых студентов фанатичного профессора анатомии П. Ф. Лесгафта. Помимо естественнонаучных идеалов передовой (нигилистически народнической) молодежи того времени его вел личный мотив: на Владимирских медицинских курсах училась его возлюбленная¹. На почве политики в столице он сошелся с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, В. Н. и М. Н. Игнатовыми — будущими «чернопередельцами» и марксистами, вместе с которыми участвовал в знаменитой демонстрации на площади Казанского собора 6 декабря 1876 года. Впрочем, это была кульминация его революционной карьеры. Наездами бывая в Москве, Фортунатов познакомился со статистиками московского земства В. И. Орловым и М. П. Боголеповым и увлекся статистикой. Если учесть, что родоначальник научной статистики А. Кетле называл ее социальной анатомией, то новый поворот во взглядах Фортунатова не кажется столь уж радикальным.

В 1879 году он оставил Медико-хирургическую академию, вернулся в Москву и был принят на третий курс Петровской земледельческой академии, а параллельно — на медицинский факультет Московского университета. В академии он примкнул к оппозиционно настроенным студентам, которые организовали подпольную кассу взаимопомощи и подпольную библиотеку. Из профессоров сильное идейное влияние на него оказывали «естественники», среди

¹ Александра Александровна Данилович (1853–1923) — с 1879 года жена А. Ф. Фортунатова, у них было пять сыновей и дочь.

которых выделялся К. А. Тимирязев, тогда как профессора экономических дисциплин И. И. Ивановюков и А. Н. Шишкин ему не были близки. В это время им двигали мотивы, типичные для народнической молодежи: после получения дипломов он рассчитывал поселиться на Кубани и вступить в сельскохозяйственную артель-колонию, которая состояла из интеллигентов, решивших «осесть на землю». Свое тогдашнее кредо он формулировал так: «Изучая русских крестьян, учить их тому, что им нужно в первую очередь, а вместе с тем самому учиться у них» (Фортуна-тов, 1957: 7). То есть в сельскохозяйственную академию его привел не интерес к сельскому хозяйству, а определенный социальный идеал и поиск средств для его реализации.

В 1882 году он окончил Петровку со степенью кандидата сельскохозяйственных наук², защитив дипломную работу экономико-статистического профиля «Земля и земледельческая работа в Соединенных Штатах Северной Америки» (Фортуна-тов, 1882–1883). Вскоре он получил и диплом лекаря в университете. Однако артель на Кубани его не дождалась: решением Совета Петровской академии он был оставлен стипендиатом при кафедре сельскохозяйственной экономики. Таким образом, его народническое мировоззрение и задатки объективного исследователя нашли свое удачное воплощение в занятиях статистикой и педагогикой. С этого пути он уже не сходил.

Воспоминаниям об учителях Фортуна-тов позднее посвятил большую статью (Фортуна-тов, 1917). Своими наставниками он называл восемь человек — ученых разного профиля: А. И. Чупрова, В. И. Герье (Московский университет); П. Ф. Лесгафта, С. П. Боткина (Медико-хирургическая академия); К. А. Тимирязева, И. А. Стебута, К. Э. Линдемана и Г. Г. Густавсона (Петровская академия). В этом списке помимо сугубо личных впечатлений о людях отразились принципиальное убеждение Фортуна-това в единстве научного знания, присущий ему менталитет ученого-энциклопедиста.

Собственно сельским хозяйством он никогда не занимался, не был он и землевладельцем. В конце жизни он с иронией вспоминал свой практический опыт, состоявшийся в 1885 году на даче В. И. Орлова: «Совместно с М. Е. Шатерниковым я изучал практически огородничество под руководством покойной жены моей Александры Александровны, которая к концу лета признала, что из Мих. Евг. Шатерникова может выйти толк, а мне посоветовала „вернуться к книжкам“» (Фортуна-тов, 1925: 238–239).

² Звание кандидата получали выпускники университетов и Петровской академии, имевшие дипломы с отличием, то есть высшие баллы на экзаменах, и защитившие дипломную работу (кандидатскую диссертацию). Выпускники с более низкими баллами не писали выпускных работ и получали в Петровской академии звания агрономов, на медицинских факультетах университетов — лекарей.

ИСТОРИЯ

За годы студенчества Фортунатов, по его собственному признанию, прочитал «Капитал» трижды. Одной из первых его публикаций стал некролог К. Маркса, вышедший без подписи в газете «Московский телеграф»³. Статья проникнута глубоким почитанием Маркса, которого молодой автор характеризовал как «самого даровитого и самого глубокого из современных экономистов», который «как ученый имел мало себе равных». В особую заслугу ему ставилась сила теории: «обладая громадную эрудицией, Маркс не расплывался, однако ж, в массе накопленного им сырого материала (как расплывается, например, Рошер), но всегда являлся царем этого материала и освещал его гениальными мыслями». Вслед за краткой биографией лаконично излагалась суть учения первого тома «Капитала» без каких-либо оценок. Аграрная концепция Маркса трактовалась Фортунатовым следующим образом: «В сфере земледелия крупная промышленность уничтожает опору старого общинного строя — крестьянина и заменяет его наемным рабочим, батраком. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве утеснения работника, но, в то же время, и в искусстве грабежа почвы» (Фортунатов, 1883).

Однако марксистом Фортунатов не стал. Он искал альтернативы капиталистическому развитию, но находил их не в марксистской политэкономии, и чем дальше, тем больше он становился оппонентом тех, кто называл себя марксистами.

Спустя 22 года, издавая посмертно книгу своего друга Н. А. Карышева, он счел необходимым дать свой комментарий к приведенной там той самой цитате из Маркса о капитализме, якобы грабящем почву: так можно было говорить во времена Либиха, замечал Фортунатов, однако «закон возврата» отвергнут наукой, и на самом деле «производство рыночных продуктов не требует со стороны крупного хозяина неперемennого одностороннего истощения почвы» (Фортунатов, 1905: 238).

Соотношение исследовательского и преподавательского компонентов в научном наследии Фортунатова

Особенности научной работы Фортунатова трудно понять без учета того, что в ней превалировало педагогическое, преподавательское начало, то есть он был прежде всего ученым говорящим, а не пишущим.

Его преподавательская деятельность началась внезапно, когда совет академии поручил ему провести курс сельскохозяйственной

³ Авторство статьи устанавливается по библиографии: Фортунатов, Фортунатов, 1957.

экономии вместо заболевшего профессора Шишкина. Спустя 40 лет он так вспоминал свою первую лекцию: «Когда (17 января 1884 г.) я взошел на кафедру физической аудитории и когда сел на стул, то с ужасом заметил, какой я недомерок: ноги не достигали пола аудитории» (Фортунатов, 1924: 25). Сохранившиеся в архиве черновики конспекта той вводной лекции позволяют узнать, о чем именно в тот день он говорил студентам. Здесь нас поджидает маленькая сенсация. Объясняя сущность сельского хозяйства, Фортунатов сформулировал оригинальное определение: сельское хозяйство есть «биологическая технология»⁴. Считается, что термин «биотехнология» появился лишь в XX веке, теперь можно утверждать, что это не так. Однако Фортунатов не развил эту мысль, и в его опубликованных работах такое определение не встречается. Позднее он развивал представление о сельском хозяйстве как об общественной деятельности человека, а не технологии. Но на этом примере видно, что опубликованное составляет лишь часть научного наследия Фортунатова. Можно предполагать, что многое, о чем он говорил студентам на лекциях и семинарах, не нашло отражения в его лаконичных книгах и статьях.

В качестве другого примера можно взять его отношение к крестьянской общине. Фортунатов был убежденным сторонником этого института, и общиннофильство было важной частью его мировоззрения, но, читая его научные труды, не просто найти этому подтверждение. Об этом, конечно, свидетельствует его предисловие в известной книге В. П. Воронцова «Крестьянская община». Но по содержанию это предисловие — сугубо эмпирическая статья «Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства», которая обобщала сведения по истории становления земских исследований до 1892 года и в тексте которой нет авторской позиции по общине. В приветствии Московскому областному съезду местных агрономов в 1911 году Фортунатов недвусмысленно высказался в пользу «коллективного мирского владения» земель, но это, кажется, единственный случай, причем не в научной работе, а в стенограмме выступления (Труды, 1911: 41). В других случаях он лишь выражал мнение, что община не препятствует техническому прогрессу.

Однозначно увидеть его позицию можно в личной переписке, в частности из письма Кауфману 27 декабря 1897 года: «А я вот до сих пор не поделился с Вами впечатлением от Вашей „Крестьянской общины“, которую я с наслаждением штудировал в январе и которую сделал предметом особого сообщения на статистическом семинаре. Всю осень с сентября по декабрь мой экземпляр Вашей „Общины“ ходил по студенческим рукам. В курсе нынешнего года я читал 3 лекции об общине и опять рекомендовал Вашу

4 Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы, ОХД). Ф. 642. Оп. 1. Д. 245. Л. 6, 9.

книгу. Последняя моя лекция имела боевой характер (для самого меня неприятный) вследствие объявившейся атаки заядлых неомарксистов на поземельную общину»⁵. Из этого письма ясно видна не только идейная позиция Фортунатова, его конфликт с марксизмом, но и характер его работы со студентами, которая строилась на активном обсуждении в аудитории актуальных проблем. Между тем ни в одном его опубликованном учебном пособии нет ничего подобного.

Очевидно, в печатных работах Фортунатов целенаправленно отсекал свою мировоззренческую позицию от систематического изложения материала, ограничиваясь лишь последним. В тех его работах, где встречается разбор какой-нибудь теоретической проблемы, обычно давалась лишь добротная сводка мнений других авторов в лучшем случае с указанием о согласии или несогласии с той или иной позицией. Вот почему только по его печатным трудам сложно составить полное представление о широте его интересов, о его действительной позиции по тому или иному вопросу, о его реальном вкладе в научную мысль. Его мысль жила в аудитории и лишь в какой-то мере осталась на страницах книг.

Фортунатовские аудитории

Основные вехи преподавательской карьеры Фортунатова таковы. 10 лет, с января 1884 по январь 1894 года, он преподавал в Петровской академии. Первый год замещал отсутствовавшего А. Н. Шишкина. Программа первого курса сельскохозяйственной экономии Фортунатова сохранилась⁶, и из нее видно, что он построил его не по схеме Шишкина, а по модели университетского курса прикладной политэкономии А. И. Чупрова, то есть его основным содержанием была не организация частного имения, а характеристика сельского хозяйства России как отрасли экономики. Это придавало лекциям Фортунатова статистический характер, ведь в университетах XIX века статистикой называлось описание количественных параметров государства, общества, народного хозяйства и его отраслей. Недаром, по его признанию, помощь в подготовке лекций ему оказывал В. И. Орлов, глава московского земского статистического бюро (Фортунатов, 1925: 241). В принципе статистику в Петровской академии, как и во всех университетах, преподавали вместе с политической экономией, это были предметы одной кафедры, но на деле профессору И. И. Ивановову обычно не хватало времени на эту часть предмета. (Как вспоминал бывший студент, «лекции по общей статистике Иван Иванович читал... в очень не-

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5101. Оп. 1. Д. 197. Л. 6. Благодарю Катю Бруиш за указание на этот источник.

⁶ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 245.

большом количестве, далеко не заканчивая курса»⁷.) Возможно, поэтому с 1885 года в академии было решено ввести фортуновский курс под названием «Сельскохозяйственная статистика» как новый, отдельный предмет при кафедре сельскохозяйственной экономики.

В течение нескольких следующих лет профессор Шишкин повторял свой основной курс и почти ничего не писал, тогда как Фортунатов, состоявший сверхштатным (1884–1886), затем штатным доцентом его кафедры, интенсивно прогрессировал: писал статьи, собирал материалы для диссертации и главное — налаживал связи с набиравшим силу земско-статистическим движением. Лично он участвовал в земских обследованиях совсем немного: в 1881 году описывал под руководством К. А. Вернера частновладельческие хозяйства Можайского и Звенигородского уездов Московской губернии и в 1883 году начинал работать в статистическом отделении московского земства (Фортунатов, 1925: 238, 240–241). Но будучи преподавателем сельскохозяйственной статистики главного аграрного вуза, он стал одним из центров кристаллизации земско-статистического движения. Кроме того, с 1882 по 1888 год он состоял секретарем Статистического отделения Московского юридического общества (председатель — А. И. Чупров). Он регулярно выступал с обзорами работ и совещаний земских статистиков. Сохранившаяся его переписка с главами губернских статистических бюро — В. И. Орловым, Н. А. Каблуковым, В. Н. Григорьевым, К. А. и И. А. Вернерами и др. — свидетельствует о его глубокой вовлеченности в их работу. К нему обращались с просьбами подыскать или рекомендовать сотрудников из числа бывших студентов, спрашивали методических советов, просили помочь с написанием текстов, искали источники. Характерный штрих: глава московских статистиков Н. А. Каблуков переадресовал просьбу некоего исследователя найти редкий том земско-статистических сборников по Новозыбковскому уезду за 1889 год: «Я решил, что единственное лицо, у которого эта книга есть, — это Вы; если же и у Вас ее нет, то достать нигде нельзя»⁸.

В этот период выработался и фортуновский лаконичный стиль. Слушавший его ранний курс В. Г. Бажаев вспоминал: «Лекции Алексея Федоровича имели строго законченный вид: богатое содержание прекрасно гармонировало с сжатой и чеканной формой изложения. Ни одного слова нельзя было ни убавить, ни прибавить»⁹.

В 1890 году правительство закрыло Петровскую академию, оставшиеся в ней студенты продолжали обучение до 1893 года. Чтобы сохранить статус, Фортунатову было необходимо защитить диссертацию. Он сделал это в марте 1893 года по книге «Урожай ржи в Европейской России». Защита прошла в Петровской академии

7 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 518. Л. 9.

8 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 377. К. 3. Д. 7. Л. 14.

9 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Д. 456. Л. 11.

и принесла ему степень магистра сельскохозяйственных наук. Поскольку для профессорской должности в сельскохозяйственных вузах докторской степени не требовалось, этого было достаточно, чтобы уже через неделю после защиты Фортунатов стал экстраординарным профессором. Однако правительство решило, что профессора Петровки не должны работать в созданном после закрытия академии Московском сельскохозяйственном институте.

А. И. Чупров хлопотал о возможности для него перейти в Московский университет, но начальство отказало¹⁰. Ему предлагали перейти в Министерство земледелия, но он отказался. Он явно не был создан для государственной службы. Как вспоминал Д. Н. Прянишников, «и в 80-х годах, когда даже самые либеральные профессора редко могли избежать виц-мундира, А.Ф. никогда не носил светлых пуговиц, не ходил к молебнам в царские дни...» (Прянишников, 1925: 107). Сам он вспоминал: «Посмотрев условия службы и узнав, что там надо являться в Министерство ежедневно на определенные часы, отказался, предпочел сохранить за собой прежнее занятие и поехал профессором статистики в отдаленную Новую Александрию» (Фортунатов, 1925: 246).

Новая Александрия — маленький городок в Польше в 120 верстах от Варшавы, где располагался второй (из двух) аграрный вуз России. Там директорствовал В. В. Докучаев, а кафедру сельскохозяйственной экономики занимал А. И. Скворцов. А. Ф. Фортунатова сначала прочили на кафедру политэкономии и статистики, но затем изменили структуру, отдав Скворцову политическую и сельскохозяйственную экономики, а для него создав кафедру «статистики общей и специальной (сельскохозяйственной и лесной)» с добавлением курса законоведения. Последний предмет он ненавидел, зато с благодарностью начал вспоминать Шишкина, который некогда включил ему в инструкцию для аспирантских занятий помимо прочего различные разделы правоведения, считая их полезными для склонного к крамоле молодого человека: «Я особенно обязан именно А. Н. Шишкину указанием важности правоведения для агрономического образования» (Фортунатов, 1899: 913). Там он прожил пять лет.

В 1899 году благодаря протекции А. И. Чупрова и В. И. Ковалевского Фортунатов вырвался из глухой провинции, получив кафедру сельскохозяйственной экономики и статистики агрономического отделения только что созданного Киевского политехнического института. Одновременно он преподавал в коммерческом училище, а также в качестве приват-доцента в университете Св. Владимира. Но все его мысли были о возвращении в Петровское-Разумовское. Позднее он назовет период жизни между 1894 и 1902 годами своим 100-месячным изгнанием. Оно закончилось после смерти К. А. Вернера, занимавшего в МСХИ кафедру сельскохозяйственной эконо-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 377. К. 5. Д. 63. Л. 34, 35.

мии и сельскохозяйственной статистики: в тот же день директор института отправил ему письмо с предложением принять эту кафедру.

В МСХИ — Петровской — Тимирязевской академии Фортунатов снова преподавал с сентября 1902 года до конца жизни, став своеобразным хранителем традиций Петровки. Он преподавал очень много, совмещая до революции основное место работы с еще четырьмя-пятью: вел различные курсы (политэкономии, статистики и экономической географии) в Московском техническом училище, Народном университете Шанявского, Московском коммерческом институте, на Голицынских женских сельскохозяйственных курсах и одно время даже выезжал в Петербург читать на Каменноостровских сельскохозяйственных курсах. В архиве хранятся листки его расписаний и отчетов о проведенных занятиях, которые он заполнял для себя: согласно им у него бывали целые месяцы без единого выходного дня¹¹. «Петровцы знают, — писал А. В. Чайанов, — чем были для них фортунатовские пятницы и воскресенья, и не даром Алексей Федорович вагоны петровско-разумовского паровичка¹² причисляет к разряду своих аудиторий» (Чаянов, 1991: 373).

Помимо своих основных предметов Фортунатов много лет вел для первокурсников МСХИ курс «Введение в агрономию», в котором развивал идею об агрономии как интегральной науке о сельском хозяйстве. Поэтому его учениками считали себя не только те старшекурсники, которые писали работы у него в семинаре, но буквально все студенты. Недаром о нем с теплотой отзывался и растениевод И. В. Якушкин, и генетик Н. И. Вавилов, и др.

Зоолог В. Н. Шнитников, учившийся у Фортунатова еще в Новой Александрии, дал ему такую личную характеристику: «Это был милейший и добрейший человек... Алексей Федорович иногда любил щегольнуть своей памятью. Например, встретив какого-нибудь бывшего студента, который у него учился лет 10 назад и которого он и тогда знал только как одного из массы курса, он обращался к нему по имени и отчеству. Зачем ему понадобилось когда-то узнавать имена и отчества всех студентов и как он мог их помнить через 10 и даже 20 лет, когда мимо него проходили сотни и тысячи этих студентов, было для нас необъяснимо... Фортунатов постоянно приводил в смущение студентов своей изысканной вежливостью. Как ни старались мы при встрече с ним приветствовать его первыми, это далеко не всегда нам удавалось. Увидев его приближение, только приготовишься снять фуражку и поздороваться с ним, а Алексей Федорович уже снял свою черную шелковую кепку-блин и приветливо раскланивается с тобой, неизменно называя тебя по имени и отчеству. И хоть бы раз он спутал эти самые имена и отчества!..» (Шнитников, 1958: 127). Думается, за этой особенно-

И. А. Кузнецов
Алексей Федорович
Фортунатов
и становление
крестьянских
исследований
в России в конце
XIX — начале
XX века

¹¹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 310.

¹² Петровское-Разумовское находилось вне черты Москвы и соединялось с Москвой узкоколейной железной дорогой.

стью — помнить имена — у Фортунатова стояла не просто хорошая память, но прежде всего интерес к личностям учеников — первый признак педагогического таланта.

Формально с 1909 года он был на пенсии как прослуживший 25 лет, но фактически его жизнь не менялась. Срок его работы в МСХИ был продлен сначала на 5 лет; с 1913 года его вывели за штат, но с сохранением кафедры еще на 5 лет в качестве сверхштатного ординарного профессора, а за несколько дней до свержения монархии министерство присвоило ему редкое звание «заслуженный профессор»¹³.

Кроме того, Фортунатов многие годы вел на дому уроки по гимназической программе с детьми своих коллег. Среди писем, адресованных ему, встречаются подробные отчеты Миши Скворцова (сына А. И. Скворцова) о пройденном в гимназии, сообщения Н. А. Карышева об учебе и оценках его детей — всех их Фортунатов когда-то учил и продолжал интересоваться их судьбой. Уже взрослый М. А. Скворцов писал ему в 1923 году: «Вспоминаю часто наши уроки с Вами и всю нашу ново-александрийскую жизнь»¹⁴. Известно, что и в последний день своей жизни, 12 апреля 1925 года, А. Ф. Фортунатов утром давал консультацию студентам, а вечером — урок латыни дочери Д. Н. Прянишникова (Прянишников, 1925: 106).

Общее количество людей, прошедших через многочисленные «фортунатовские аудитории», не поддается подсчету.

Чему учил Фортунатов

Работы Фортунатова были посвящены широкому кругу тем: здесь и собственно статистика, и экономическая география, и кооперация, и проблемы педагогики и организации высшего образования, и методология агрономии, и некрологи и мемуары, и др. Но если говорить о ключевой фортунатовской теме, то это общественная агрономия. Хотя с точки зрения количества написанного Фортунатовым она (и это еще один парадокс) занимает в его библиографии весьма скромное место.

Общественной агрономией в начале XX века называли деятельность неправительственных, земских участковых агрономов. Первые агрономы, нанятые земствами, появились в некоторых губерниях еще в 1870-е годы, постепенно появлялись земские агрономы на уровне уездов, по мере роста их числа сокращалась территория, которую они обслуживали; участковыми называли агрономов, действовавших в пределах нескольких волостей. На эту работу часто целенаправленно шли люди с народническим мировоззрением. Они

¹³ Формулярный список А. Ф. Фортунатова: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 228. Оп. 2. Д. 317. Л. 41–50.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 377. К. 4. Д. 85. Л. 9.

ориентировались преимущественно на крестьян, а не на крупных землевладельцев, стремились не только заниматься распространением агрономических знаний, но и прививать крестьянам кооперативные идеи, организовывать закупку сельскохозяйственного инвентаря, семян на кооперативной основе.

Настоящий взлет земской агрономии пришелся на период демократизации, который начался в годы первой российской революции и совпал с периодом столыпинской аграрной реформы. Реформа в то же время создавала и почву для конфликтов между земской агрономией и правительственной. Правительственная агрономия не спускалась ниже уровня уезда и была изначально нацелена на помещичье хозяйство, а в годы реформы — на землеустройство крестьянских хозяйств, выходящих из общины. Получалось, что земские агрономы работали с крестьянской общиной, а правительственные — на ее разрушение. Именно в этот период бурного роста, конфликтов и дискуссий о путях дальнейшего развития сельского хозяйства в среде земских агрономов и статистиков постепенно оформилось осознание себя как нового субъекта сельскохозяйственного производства, как самостоятельного общественно-экономического движения, своеобразного авангарда крестьянского хозяйственного подъема. Это самосознание и отразилось в не очень четко определенном названии «общественная агрономия».

Какое отношение к этому течению имел Фортунатов? Его ученики считали, что непосредственное: «Общественная агрономия выросла и вышла из фортунатовской аудитории. Фортунатов сделался ее апостолом», — говорил И. В. Якушкин (Фортунатов, 1924: 12). «Вся история идейного развития нашей общественной агрономии связана с именем Алексея Федоровича», — утверждал другой его ученик (Фабрикант, 1916: 2). Сборник статей Фортунатова, изданный в 1920 году, носил название «Сборник статей по общественной агрономии». Однако сам автор в предисловии к нему дистанцировался от этого термина: «Выражения „общественная агрономия“ и „агрономическая помощь“ пущены в ход покойным В. Г. Бажаевым¹⁵. Я лично несу ответственность только за выражение „земский агроном“. Очень рад был бы искоренить его неправильное и столь распространившееся применение, но теперь уже поздно» (Фортунатов, 1920: 3–4).

Славу родоначальника общественной агрономии ему принесла статья «Земство и агрономия», вышедшая в 1893 году в журнале «Русская мысль». В ней он изложил свои представления о том, кто такой агроном, каковы задачи агрономии по отношению к кре-

¹⁵ Бажаев Владимир Гаврилович (1865–1916) — в 1890-е годы земский агроном Московской губернии, с 1903 года — преемник А. Ф. Фортунатова на кафедре сельскохозяйственной экономики и статистики в Киевском политехническом институте.

стьянскому хозяйству и какой должна быть организация агрономической работы на местах. Остановимся на тезисах этой статьи.

Прежде всего Фортунатов емко выразил свое видение сущности экономических проблем крестьянства, которое заключалось в одной фразе: «Главными причинами современной крестьянской бедности являются относительное (при данном уровне техники) малоземелье и тесно связанная с этим малоземельем скудость капиталов в крестьянском хозяйстве» (Фортунатов, 1893: 210). В соответствии с этим указывались пути решения проблемы: «Поднять валовую производительность крестьянского земледелия можно двумя путями: увеличивая размеры крестьянского землепользования и увеличивая производительность земельной единицы. Эти пути отнюдь не исключают друг друга; напротив, они должны один другому содействовать. Первый путь пока следует признать главным, но и второй имеет полное право на одновременное существование. Содействие агрономической науки может облегчить движение правительственных и общественных мероприятий по обоим названным путям» (Фортунатов, 1893: 211).

Далее развивалась оригинальная фортунатовская идея об агрономии как комплексной, интегральной науке, предмет которой охватывает все сельское хозяйство — от его химико-биологических основ до принципов организации хозяйства и сельского быта. Задачей агрономического образования с этой точки зрения виделась прежде всего научная подготовка специалиста. Агроном, по Фортунатову, — это человек, прошедший научную школу, способный к самостоятельной исследовательской работе. Навыки же практической деятельности должны приобретаться им в процессе самой практики.

Исходя из этого, Фортунатов утверждал, что агрономы, работающие в земствах, должны начинать с изучения условий своей местности и далее приспосабливать всю работу к этим местным условиям. Поэтому район их деятельности не должен быть слишком большим. Господствовавший в то время принцип «один агроном на целую административную единицу, губернию или в лучшем случае уезд» не годился. Требовались более мелкие участки: «Вопрос о размерах местности мы считаем чрезвычайно важным вопросом для целесообразного устройства земской помощи крестьянскому хозяйству. Так как для агронома положительно необходимо основательное знакомство с районом деятельности, район этот не может превышать размеров той площади, которая доступна изучению одного лица в определенный срок» (Фортунатов, 1893: 213–214). Достаточным сроком он считал один год, а районом — две волости средней величины, то есть примерно тысячу крестьянских дворов.

Изучение местности агрономом включало два основных момента. Во-первых, проанализировать «естественные условия сельскохозяйственного производства», то есть составить объективную картину условий географии, климата, почв и др. Во-вторых, проводить опросы местного населения, изучать приемы их хозяйст

ния. Фортунатов был не согласен с теми, кто считал, что агроном должен только учить крестьян и перестраивать их хозяйствование на научных основах. Чтобы реформировать крестьянское хозяйство, полагал он, надо сначала изучить существующие приемы его ведения. Помимо прочего «нужно быть довольно близоруким наблюдателем, чтобы утверждать... будто бы „в крестьянском хозяйстве нельзя заметить признаков действительного прогресса“. На какую сторону хозяйства ни взглянуть, везде при сравнении с прошлым можно увидеть несомненный прогресс, хотя, конечно, в общем среднем выводе прогресс этот не велик, и желательно изменить его темп с помощью общественных мероприятий» (Фортунатов, 1893: 219). В плане изучения местного опыта ученый также рекомендовал земским агрономам обязательное знакомство с расположенными на территории волости частновладельческими хозяйствами, не входящими в сферу их прямой компетенции.

Внедрение инноваций в крестьянском хозяйстве, подчеркивал автор, должно происходить исключительно на добровольных основах. Методы, имеющиеся в арсенале агронома, виделись только такими: «Каким именно путем могут земские агрономы проводить в жизнь те технические приемы, которые, на их взгляд, должны поднять местное крестьянское хозяйство? Путь обязательных постановлений, к счастью, кажется, покинут земскими учреждениями... Остаются путь убеждения и путь демонстрации. Мы полагаем, что первенствующее значение должно принадлежать убеждению, за которым должна следовать демонстрация» (Фортунатов, 1893: 223).

Эта фортунатовская статья, которая может показаться не слишком глубокой, а отчасти даже банальной, стала для своего времени во многом новаторской. И, по-видимому, очень своевременной. Во-первых, это было время, получившее у интеллигенции название эпохи «малых дел». Царский режим не только задавал политическую оппозицию, но и блокировал все сколько-нибудь заметные общественные инициативы. Вопрос «что делать?», актуализированный голодом 1891–1892 годов, стоял в умах социально активной части общества, особенно молодежи, очень остро. Фортунатов предложил конструктивный вариант ответа. Тем студентам, которые, как он сам в юности, мечтали учить крестьян и самим у них учиться, он объяснил, как и с чем идти к крестьянам. Во-вторых, думается, фортунатовская статья отразила давно зревший запрос на переориентацию высшего аграрного образования с обслуживания коммерческого помещичьего хозяйства на систематическую работу в крестьянской среде, на приложение науки к решению проблем крестьянского хозяйства во всей их конкретности и локальности.

Мысли Фортунатова о создании в России системы агрономической помощи крестьянству, конечно, питались опытом западноевропейских стран с их «странствующими» профессорами и кафедрами, они перекликались с выступлениями М. В. Неручева, А. И. Чупрова и др., в разные годы также писавших о необходимости такой

системы. Различие между ними и Фортунатовым было в том, что он писал о сети местных агрономов, работающих на сравнительно мелких, ограниченных территориальных участках на постоянной основе. Но в этих двух принципах — постоянности и локальной привязке, пожалуй, и была вся соль.

Между прочим, на аналогичных началах в 1910–20-е годы выстроилась система агрономической помощи фермерам в США (Тудлайков, 1923: 12–17). Хотя объектом воздействия американских местных агрономов было не крестьянское, а предпринимательское хозяйство и их работа финансировалась правительством через колледжи, но среди их важнейших целей также было и кооперирование фермеров, и развитие всех аспектов социальной жизни сельских территорий — почти так, как это мыслили российские народники умеренного, фортунатовского толка.

«Я лично несу ответственность только за выражение „земский агроном“», — скромно говорил Фортунатов. Однако, по сути, его статья наметила программу развития российской «участковой агрономии» на следующую четверть века. В том же ключе все это время строились и его занятия со студентами. В МСХИ он с 1906 года ввел специальный курс «Общественная агрономия», который затем передал Чаянову, многие земские агрономы являлись его учениками, и недаром его приветственная речь на первом пленарном заседании Московского съезда деятелей агрономической помощи населению в 1911 году была «встречена громом аплодисментов» (Труды, 1911: 42). В ней он среди прочего четко расставил и приоритеты в работе местных агрономов: «...для всей общественной агрономии в целом цель — прежде всего население, а потом уже земледелие, не человек для субботы, а суббота для человека» (Труды, 1911: 41). Иными словами, его приоритеты имели не экономический, а социальный характер.

«Философия агрономии» Фортунатова

Понятие «общественная агрономия» было созвучно и другой фортунатовской идее об агрономии как общественной науке. По-видимому, именно ее имели в виду, когда говорили о «философии агрономии» Фортунатова. Краткое изложение этой концепции содержится в его учебных пособиях.

Агрономию он отождествлял с сельскохозяйственной наукой вообще. В ней выделялись две равноправные ветви: агрономическое естествоведение и агрономическое обществоведение. Правомерность второго аргументировалась тем, что «сельское хозяйство принадлежит общественной жизни... растения и животные делаются сельскохозяйственными только при посредстве человека, живущего общественной жизнью» (Фортунатов, 1903: 11). Обществоведение в его понимании носило экономический характер: «Понятие агрономического обществоведения совпадает с понятием сельскохо-

зяйственной экономики в *широком* смысле слова. При таком широком понятии предмет сельскохозяйственной экономики — сельскохозяйственная деятельность человека, взятая во всей совокупности... в агрономическом обществоведении изучается преимущественно живущий в обществе человек, субъект сельского хозяйства...» (Фортунатов, 1908: 3). Эта наука, в свою очередь, распадалась в его схеме на четыре: «В современном составе агрономического обществоведения 4 главные части: 1) сельскохозяйственная экономика в тесном смысле слова, 2) сельскохозяйственная статистика, 3) история сельского хозяйства и 4) сельскохозяйственное правописание» (Фортунатов, 1908: 3).

Далее Фортунатов давал свои определения предметов этих наук. В них примечательно, пожалуй, противопоставление сельскохозяйственной экономики (в узком смысле) статистике и истории. Первая, в его понимании, наука дедуктивная, разновидность политэкономии, а ее предмет — проявления «хозяйственности» (хозяйственного расчета) в социальной жизни. Две другие науки — индуктивные, «стремятся к пониманию сельскохозяйственной деятельности человека в ее реальном, конкретном проявлении, где наряду с хозяйственностью действуют и многие другие стремления человека» (Фортунатов, 1908: 4). Для них, особенно для статистики, он использовал термин «наблюдательное обществоведение».

Фортунатовская концепция агрономических (сельскохозяйственных) наук воспроизводилась им в отдельных печатных лекциях начиная по крайней мере с 1897 года и далее в учебных пособиях «Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства», выдержавших с 1908 по 1925 год шесть изданий. Однако ее не восприняли другие ученые, и после его смерти она была забыта.

От классификации систем хозяйства — к специфике крестьянского хозяйства

А. Ф. Фортунатов, по-видимому, одним из первых в российской аграрно-экономической литературе сформулировал проблему классификации хозяйств (сельскохозяйственных предприятий) по двум основным типам — натуральному и рыночному (меновому). До него в академической сельскохозяйственной экономике разрабатывались типологии систем земледелия, систем сельского хозяйства, систем полеводства, севооборотов и классификации хозяйств по размерам: крупное, среднее, мелкое, карликовое и т. п. Но данный аспект — отношение к рынку — был новым. Впервые ученый высказал свое мнение по этой проблеме в 1895 году, когда трудился над очерком для знаменитой коллективной монографии о влиянии урожая и цен на сельское хозяйство, в концепции которой этот вопрос в итоге стал ключевым.

Принципиальное различие между двумя типами хозяйств виделось ему в целях их деятельности: «В каждом сельскохозяйственном предприятии главной целью существования может быть производство продуктов или для непосредственного потребления в самом хозяйстве или для отчуждения на сторону при помощи продажи» (Фортунатов, 1895: 9). Изучение соотношения между этими двумя типами он выделял как актуальную задачу сельскохозяйственной статистики: «Не затрудняемся назвать одной из важнейших задач современной сельскохозяйственной статистики нашего отечества разъяснение вопроса о современных количественных соотношениях натурального и менового хозяйства в России» (Фортунатов, 1895: 10).

После выхода книги вокруг вопроса о натуральном крестьянском хозяйстве развернулись бурные дискуссии в российской экономической печати, впрочем, написанный Фортунатовым очерк «О связи хлебных цен и урожаев с некоторыми изменениями в русском земледелии» оказался снова сугубо эмпирическим и одним из наименее полемичных (Влияние, 1897: 247–266).

На рубеже XIX–XX веков целый ряд экономистов народнической и неортодоксально-марксистской ориентации (в России — Н. А. Каблуков, С. Н. Булгаков и др., в Европе — Ф. Герц, Э. Давид и др.) предприняли попытки теоретически обосновать экономическую специфику крестьянского хозяйства как потребительско-трудового, нерыночного и потому не подверженного капиталистической трансформации. Фортунатов также внес свою скромную лепту в это течение. Избегая, как обычно, широких теоретических построений, он вступил в полемику (кстати, редкий, нетипичный для него жанр) со своим коллегой по Ново-Александрийскому институту А. И. Скворцовым. Скворцов был антиподом Фортунатова, марксистом в теории и либералом в экономической политике. В своем курсе «Экономика земледелия» он классифицировал хозяйства по товарной специализации и учил студентов методам организации рыночно ориентированного хозяйства.

Главная претензия Фортунатова к Скворцову — «игнорирование потребительского хозяйства и сосредоточение внимания только на меновом хозяйстве» (Фортунатов, 1902: 13). Между тем нерыночные, некапиталистические хозяйства составляют некий значительный пласт хозяйств. Этот факт и должен быть, по убеждению Фортунатова, исходной точкой экономической классификации: «Нам кажется, что в основу разделения систем хозяйства с *экономической* точки зрения следовало бы положить отношение сельскохозяйственных предприятий к сбыту продуктов. Тогда двумя главными группами хозяйств были бы хозяйства, в которых преобладает производство для собственного потребления (потребительские) и хозяйства с преобладанием продуктов для отчуждения. Дальнейшее разделение могло бы уже делаться по интенсивности и по преобладанию тех или иных технических отраслей» (Фортунатов, 1902: 15).

Отметим, что в классической сельскохозяйственной экономике, начиная с А. Тэера, целью всякого хозяйства считалось получение максимального чистого дохода независимо от отношения к рынку. Фортунов придерживался другой точки зрения: «Для потребительского хозяйства валовой доход важнее, чем чистый; размер желательного валового дохода определяется, прежде всего, потребностями работника» (Фортунов, 1908: 74). В своих лекциях он прямо дистанцировался от сторонников «доктрины чистого дохода» (Фортунов, 1908: 12, 14).

Таким образом, Фортунов утверждал качественное различие в организации натурального (крестьянского по преимуществу) и рыночного хозяйства. Этот тезис является необходимым исходным пунктом для построения специальной теории крестьянского хозяйства. Однако своей теории крестьянского хозяйства он не выработал. В своих лекциях по сельскохозяйственной экономике он подчеркивал, что в науке «для потребительской формы хозяйства не предлагается никаких схем организационного плана» (Фортунов, 1908: 67). Честь создания теории крестьянского хозяйства, которая могла быть положена в основу организационного плана, выпала на долю его ученика Чаянова. Незадолго до смерти Фортунов сделал мужественное признание: «У старости есть одна неприятная черта, это завистливость... С удовольствием отмечаю, что в этом отношении я как будто бы несколько помолодел, по крайней мере совсем отделался от той завистливости, которая, например, меня одолевала 10 лет назад к моему счастливому сопернику и преемнику А. В. Чаянову» (Фортунов, 1924: 27).

Как учил Фортунов

Фортунов был известным сторонником максимально свободной формы обучения студента в вузе. Его взгляды на высшее образование изложены в ряде статей и брошюр 1890–1900-х годов, многие из которых позднее вошли в сборник «По вопросам научной школы».

Их суть заключалась в том, что подлинно высшее образование есть образование научное, которое возникает в процессе самостоятельной исследовательской работы учащегося. Роль преподавания сводилась к своеобразному интеллектуальному родовспоможению: «...Все приемы обучения оказывают только некоторую акушерскую помощь тому, что человек делает сам» (Фортунов, 1916: 77). Преподаватель, профессор есть прежде всего коллега, сотрудник студента, поскольку в процессе научного творчества все равны. Доступ к высшему образованию, по убеждению Фортунова, должен быть открыт всем, для зачисления в студенты не обязательно даже свидетельства о среднем образовании, если человек имеет достаточный уровень самообразования. Экзамены в вузе в принципе вредны. В вузе вообще не может и не должно быть некоего обязательного

минимума знаний. Высшая школа должна быть не вузом, а вузом — научным учебным заведением. Фортунатов считал, что «письменное изложение самостоятельного исследования на свободно выбранную тему должно явиться единственной формой контроля над тем, что делается учащимся в школе» (Фортунатов, 1924а: 4). Соответственно дипломы следовало бы отменить или заменить отзывами профессоров о качестве выполненной и защищенной студентом работы. Управление высшей школой должно строиться на широком студенческом самоуправлении.

Фортунатов восставал против утверждения, что высшая школа должна готовить профессионалов-практиков. Единственная практика, которая доступна студенту, — это практика самостоятельной работы по добыванию знаний и усвоению навыков их добывания. В этом смысле высшее образование не может быть профессиональным. Профессиональная специализация должна происходить на месте работы или службы вместе с освоением практических навыков.

Наиболее благоприятные возможности для реализации таких принципов преподавания перед Фортунатовым открылись в межреволюционные годы. Насколько можно понять по архивным материалам, он примерно с 1906 года трансформировал свои большие поточные лекционные курсы сельскохозяйственной экономики и статистики в модули, состоящие из занятий в форме лекций-бесед по отдельным темам. «Введение в агрономию» для первокурсников оставалось более структурированным, определенный стандартный костяк тем имел и курс общественной агрономии. Но в основных своих дисциплинах Фортунатов варьировал тематику от семестра к семестру. Вот некоторые из десятков тем отдельных занятий, предлагавшихся им в 1909–1913 годы в МСХИ: «О системах хозяйства, системах земледелия и системах полевого хозяйства», «О районах угодий; из статистики лесов», «О переписях населения», «О численности населения перед войной», «О залежной системе полевого хозяйства», «Из статистики городов», «О сельском хозяйстве Германии с XVI по XVIII столетие», «Из статистики землевладения за границей и в России», «О зерновой и выгонной системах полевого хозяйства», «О посевных площадях», «Об организационном плане одного имения Воронежской губ.», «О схемах организационного плана и об информации», «Из статистики земледельческих орудий и машин», «Из статистики брачности и смертности», «Программа характеристики сельского хозяйства в определенной местности», «О системе Тейлора и возможности ее применения в сельском хозяйстве», «Об источниках для характеристики земельных условий отдельных местностей (по выбору участников беседы)», «Из Кенэ, Смита и Мальтуса о сельском хозяйстве», «О высших сельскохозяйственных школах в Горках, Петербурге, Новой Александрии», «Об агрономической школе в Петровском Разумовском», «О потребительских обществах Московской губернии в 1912 г.», «О сельском хозяйстве Древней Греции», «Из санитарной статистики», «Из ста-

истики урожая», «О темах и исполнении дипломных работ», «Источники сведений о земле и сельскохозяйственной работе в отдельных местностях (по выбору участников беседы)»¹⁶ и т. д. Становится понятным, почему Фортунатов не оставил традиционного толстого «профессорского» учебника, в котором в догматической форме излагались бы знания по предмету. Не только из-за недостатка времени, но и потому, что такой учебник в его курсе был не нужен.

Становится также понятнее и то, откуда у ученых-выпускников Петровки начала XX века та широта мышления и свобода творческого поиска, которая выдвинула российскую аграрную (и, в частности, аграрно-экономическую) науку в передний ряд мировой науки своего времени и которая позднее так удивляла ученых советской школы. Они, в отличие от советских ученых, были приучены к широте и свободе мысли со студенческой скамьи. Разумеется, в этом заслуга не одного Фортунатова, но все же он сыграл здесь очень важную роль.

Вопреки мнению биографов, что Фортунатов был одним из родоначальников экономического факультета Тимирязевской академии, созданного в 1920–1922 годах (Фортунатов, Фортунатов, 1957), в действительности он был одним из немногих, кто выступал против его создания (Фортунатов, 1924а; Якушкин, 1927). Это закономерно: с его точки зрения, специализация разрушала единство научного агрономического образования. Тем не менее на новом факультете почти все кафедры возглавили бывшие фортунатовские студенты. Сам он с 1922 года читал только курс «Экономика и статистика садоводства и огородничества в России и за границей».

О чем не писал и чему еще учил Фортунатов

Фортунатов был современником всех российских революций и Гражданской войны. Однако в его наследии не встречается оценок ни революционных событий, ни политических явлений вообще. Не удалось отыскать такого рода высказываний и в архивных материалах. Это еще один фортунатовский парадокс: все его современники, писавшие по аграрным проблемам России, не избежали того, чтобы так или иначе позиционировать себя в партийно-политической борьбе, отстаивая тот или иной проект решения вопроса. Фортунатов представляет единственное известное мне исключение. Иной аграрной политики, кроме общественной агрономии, у него не было.

Б. Д. Бруцкус, студент Фортунатова по Ново-Александрийскому институту, не был его единомышленником в области экономической теории и политики. Высланный в 1922 года из СССР как «злейший враг советской власти», он в 1924 году прислал из Берлина поздравление на юбилей своему учителю, в котором среди прочего

¹⁶ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1 Д. 310.

были замечательные слова: «Я считаю себя многим Вам обязанным. Прежде всего, ободрением к научной работе и верой в свои силы... Еще Вам обязан я тем, что Вы меня учили любить и верить в Россию. Вы этим специально не занимались, это может делаться только попутно. Тем не менее, Вы это делали не безуспешно» (Фортуна-тов, 1924: 36–37). Думается, любой преподаватель может гордиться таким побочным результатом своей работы.

Заключение

Экономическое мировоззрение А. Ф. Фортунатова, важнейшими элементами которого являлись: примат социального над экономическим; симпатии к общине; отношение к крестьянскому хозяйству как нерыночному, натурально-потребительскому; концепция максимизации валового дохода как цели крестьянского хозяйства, можно охарактеризовать как народническое, типичное для экономистов круга А. И. Чупрова.

Работы Фортунатова, в особенности многолетняя преподавательская деятельность, если не вполне сформировали, то способствовали формированию в российской аграрно-экономической науке представления о крестьянском хозяйстве как об основном объекте эмпирического изучения и агрономического воздействия. Фортунатов буквально переориентировал свои предметы и внимание своих студентов с теории организации частного имения, которую преподавали «сельскохозяйственные экономы» от А. П. Людоговского до К. А. Вернера и А. И. Скворцова, на изучение крестьянства и крестьянского хозяйства. Возникшее в 1910-е годы «организационно-производственное направление» уже уверенно шло в русле именно такого понимания предмета аграрной экономики. В этом, как представляется, состоит основной вклад в науку этого ученого.

Однако подавляющая часть тех идей и принципов, которые исповедовал и развивал Фортунатов, были уничтожены вскоре после его смерти. Поиск некапиталистического пути развития привел Россию к построению социализма сталинского образца. Коллективизация уничтожила крестьянское хозяйство, которое выступало ценностным ядром мировоззрения Фортунатова, а также и главным объектом его «общественной агрономии», его статистического «наблюдательного обществоведения» и желаемой им кооперации. Унификация образования и методологии науки в советском тоталитарном государстве уничтожила свободу научной мысли, обезценив тем самым и «философию агрономии», и наследие ученого в области педагогики. Сталинические репрессии погубили многих его учеников. Лишь его сугубо эмпирические работы по сельскохозяйственной статистике и географии сохраняют сегодня историографическое значение для историков, изучающих сельское хозяйство второй половины XIX — начала XX века.

- Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства (1897) / под ред. А. И. Чупрова, А. С. Посникова. Т. 1. СПб.
- Кауфман А. (1909). Рец. на кн. Фортунатова А. Ф. Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства. 2-е изд. (1909) // Русская мысль. 1910. Кн. 3. Библиографич. отдел. С. 69–71.
- Прянишников Д. Н. (1925). Светлой памяти А. Ф. Фортунатова // Вестник сельского хозяйства. № 5–6. С. 103–107.
- Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению (1911). Ч. 1. Т. 5. М.
- Тулайков Н. М. (1923). Сельскохозяйственное образование в Соединенных Штатах. М.: Новая деревня.
- Фабрикант А. О. (1916). А. Ф. Фортунатов как писатель. Отдельный оттиск. СПб.
- Фортунатов А. Ф. (1882–1883). Земля и земледельческая работа в Соединенных Штатах Северной Америки // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. 1882. Вып. 2. Отд. 2. С. 140–178; 1883. Вып. 1. Отд. 2. С. 1–26.
- Фортунатов А. Ф. (1883). Карл Маркс // Московский телеграф. № 64.
- Фортунатов А. Ф. (1892). Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1: Воронцов В. П. Крестьянская община. М.
- Фортунатов А. Ф. (1893). Земство и агрономия // Русская мысль. № 1. С. 210–227.
- Фортунатов А. Ф. (1895). Задачи русской сельскохозяйственной статистики. Новая Александрия.
- Фортунатов А. Ф. (1899). Памяти А. Н. Шишкина // Хозяин. № 27. С. 907–913.
- Фортунатов А. Ф. (1902). К вопросу об определениях и разделениях систем в сельском хозяйстве. Отдельный оттиск: СПб.: Тип. И. Гольдберга.
- Фортунатов А. Ф. (1903). Сельское хозяйство и агрономия. Первая лекция краткого курса «Введения в агрономию». М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о.
- Фортунатов А. Ф. (1905). Послесловие / Н. Карышев. Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина.
- Фортунатов А. Ф. (1908). Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства. М.: Тип. Сомовой.
- Фортунатов А. Ф. (1916). По вопросам научной школы. М.: Тип. Я. Г. Сазонова.
- Фортунатов А. Ф. (1917). О восьми наставниках // Вестник воспитания. № 8–9. С. 140–174.
- Фортунатов А. Ф. (1920). Сборник статей по общественной агрономии. Казань: Государственное издательство.
- Алексей Федорович Фортунатов (1924). К 40-летию научной и общественной деятельности. 1884–1924 гг. М.: МОСХ.
- Фортунатов А. Ф. (1924а). Из обмена мнений об агрономической школе // Вестник сельского хозяйства. № 5. С. 4–5.
- Фортунатов А. Ф. (1925). Из воспоминаний о деятелях Московской земской статистики // Памяти Н. А. Каблукова. Сборник статей. Т. 1. М. С. 235–251.
- Фортунатов Г. А., Фортунатов И. К. (1957). Алексей Федорович Фортунатов. Библиографический указатель. М.
- Чаянов А. В. (1991). Избранные труды. М.: Финансы и статистика.
- Челинцев А. Н. (1925). Памяти А. Ф. Фортунатова // Сельскохозяйственная жизнь. № 18. С. 59–60.
- Шнитников В. Н. (1958). Из воспоминаний натуралиста. 2-е изд. М.: Географгиз.
- Якушкин И. В. (1927). О Фортунатове // Вестник сельского хозяйства. № 5. С. 109–111.

И. А. Кузнецов
Алексей Федорович
Фортунатов
и становление
крестьянских
исследований
в России в конце
XIX — начале
XX века

Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late XIX—early XX centuries

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

The article considers the biography and works of the Russian agricultural economist and statistician A. F. Fortunatov (1856–1925), and focuses on the paradoxical duality of the contemporaries' estimates of this scientist as an empirical researcher and at the same time as a bright thinker. The author traces the influence of Fortunatov's ideas on the formation of the ideology and theory of “social agronomy”, his contribution to the theory of non-capitalist economy, his new forms and methods of teaching “agricultural economy” and statistics, which became the intellectual preconditions for the development of the “organization-production approach”. Based on the archival data the author claims that Fortunatov introduced the term “biological technology”; emphasizes the unique ideological position of Fortunatov, who was an expert in the theoretical and empirical shades of marxism, liberalism and populism in the agrarian question, and an adherent of populism who never expressed his personal criticism or approval of the turbulent social-political changes and reforms in Russia in the early XX century. The article identifies the milestones in the research and teaching career of professor Fortunatov, considers the encyclopedic diversity of his interests and publications, however sometimes of too propaedeutic-popular character. The author believes that Fortunatov was an outstanding teacher of the Russian higher school, and his grateful students can be found not only among a number of famous professors of the organization-production school, but also among hundreds and even thousands of Russian agrarians — famous and unknown, who made a significant contribution to the modernization and development of rural Russia in the first half of XX century. One of the key achievements of Fortunatov is that he reconsidered the object of the Russian agrarian economics and reoriented it from the organization of large private farms to the study of peasant economy.

Keywords: history of agrarian-economic thought, theory of peasant economy, social agronomy, organization-production school, A. F. Fortunatov, Petrovskaya Academy.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-66-89

References

- Vliyaniye urozhayev i khlebynykh tsen na nekotorye storony russkogo narodnogo khozyajstva* (1897) [Impact of Harvests and Grain Prices on Some Aspects of the Russian National Economy] / pod red. A. I. CHuprova, A. S. Posnikova. Vol. 1. Sankt-Peterburg.
- Kaufman A. (1909) Rets. na knigu. Fortunatova A. F. Neskol'ko stranits iz ehkonomii i statistiki sel'skogo khozyajstva [Review of the book: Fortunatov A. F. A Few Pages on Economy and Statistics of Agriculture]. 2-e izd. 1909. (1910). *Russkaya mysl'*. Kn. 3, p. 69–71.
- Pryanishnikov D. N. (1925) Svetloy pamyati A. F. Fortunatova [In the blessed memory of A. F. Fortunatov] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5–6, p. 103–107. *Trudy Moskovskogo oblastnogo s'ezda deyatelej agronomicheskoy pomoshhi nase-leniyu* (1911) [Works of the Moscow Region Congress of the Agronomic Help to the Population]. Part 1, vol. 5. Moscow.
- Tulajkov N. M. (1923) *Sel'skokhozyajstvennoe obrazovanie v Soedinennykh Shtatakh* [Agricultural Education in the Unites States]. Moscow, Novaya derevnya.
- Fabrikant A. O. (1916) *A. F. Fortunatov kak pisatel'* [Fortunatov as a Writer] Otdel'nyj ottisk. Sankt-Peterburg.
- Fortunatov A. F. (1882–1883) *Zemlya i zemledele'cheskaya rabota v Soedinennykh Shtatakh Severnoj Ameriki* [Land and agricultural work in the United States of North America]

- Izvestiya Petrovskoj zemledel'cheskoj i lesnoj akademii*, vol. 2, pp. 140–178; vol. 1, p. 1–26.
- Fortunatov A. F. (1883) *Karl Marks* [Karl Marx]. *Moskovskij telegraf*, no. 64.
- Fortunatov A. F. (1892) *Obshnij obzor zemskoj statistiki krest'yanskogo khozyajstva* [A general overview of zemstvo statistics of peasant economy] *Itogi ehkonomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoj statistiki* [Results of the Economic Study of Russia Based on Zemstvos Statistical Data], vol. 1: Vorontsov V. P. *Krest'yanskaya obshhina*. Moscow.
- Fortunatov A. F. (1893) *Zemstvo i agronomiya* [Zemstvo and agronomy] *Russkaya mysl'*, no. 1, p. 210–227.
- Fortunatov A. F. (1895) *Zadachi russoj sel'skokhozyajstvennoj statistiki* [Goals of the Russian Agricultural Statistics] *Novaya Aleksandriya*.
- Fortunatov A. F. (1899) *Pamyati A. N. Shishkina* [In memory of A. N. Shishkin] *Khozyain*, no. 27, p. 907–913.
- Fortunatov A. F. (1902) *K voprosu ob opredeleniyakh i razdeleniyakh sistem v sel'skom khozyajstve* [On the Definitions and Divisions of Systems in Agriculture]. *Otdel'nyj ottisk: Sankt-Peterburg, Tip. I. Gol'dberga*.
- Fortunatov A. F. (1903) *Sel'skoe khozyajstvo i agronomiya. Pervaya leksiya kratkogo kursa «Vvedeniya v agronomiyu»* [Agriculture and Agronomy. The First Lecture of the Short Course "Introduction to Agronomy"]. Moscow, Tip. t-va I. N. Kushnerev i K°.
- Fortunatov A. F. (1905) *Posleslovie* [Afterword] /N. Karyshev. *Iz literatury voprosa o krupnom i melkom sel'skom khozyajstve* [From the Literature on Large-Scale and Small-Scale Agriculture]. Moscow, Tip. t-va I. D. Sytina.
- Fortunatov A. F. (1908) *Neskol'ko stranits iz ehkonomii i statistiki sel'skogo khozyajstva* [A Few Pages on Economy and Statistics of Agriculture]. Moscow, Tip. Somovoj.
- Fortunatov A. F. (1916) *Po voprosam nauchnoj shkoly* [On Questions of the Scientific School]. Moscow, Tip. YA.G. Sazonova.
- Fortunatov A. F. (1917) *O vos'mi nastavnikakh* [About eight mentors] *Vestnik vospitaniya*, no. 8–9, p. 140–174.
- Fortunatov A. F. (1920) *Sbornik statej po obshhestvennoj agronomii* [Collection of Articles on Social Agronomy]. Kazan': Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Aleksei Fedorovich Fortunatov (1924) *K 40-letiyu nauchnoj i obshhestvennoj deyatel'nosti. 1884–1924 gg* [On the 40th Anniversary of Scientific and Social Activities. 1884–1924]. Moscow, MOSKh.
- Fortunatov A. F. (1924a) *Iz obmena mnenij ob agronomicheskoi shkole* [From the exchange of opinions about the agronomic school] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5, p. 4–5.
- Fortunatov A. F. (1925) *Iz vospominanij o deyatel'nykh Moskovskoj zemskoj statistiki* [From the memoirs about the representatives of Moscow zemstvo statistics] *Pamyati N. A. Kablukova. Sbornik statej*, vol. 1, p. 235–251. Moscow.
- Fortunatov G. A., Fortunatov I. K. (1957) *Aleksei Fedorovich Fortunatov. Biobibliograficheskij ukazatel'* [Alexei Fedorovich Fortunatov. Bibliographic Index]. Moscow.
- Chayanov A. V. (1991) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, *Finansy i statistika*.
- Chelintsev A. N. (1925) *Pamyati A. F. Fortunatova* [In memory of A. F. Fortunatov] *Sel'skokhozyajstvennaya zhizn'*, no. 18, p. 59–60.
- Shnitnikov V. N. (1958) *Iz vospominanij naturalista* [From Memoirs of a Naturalist]. 2-e izd. Moscow, *Geografiz*.
- Yakushkin I. V. (1927) *O Fortunatove* [About Fortunatov] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5, p. 109–111.

И. А. Кузнецов
Алексей Федорович
Фортунатов
и становление
крестьянских
исследований
в России в конце
XIX — начале
XX века

«Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ)

А. С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. E-mail: anabreso5@mail.ru.

В статье рассматривается рост пригородов в крупных отечественных городах. Причины и источники так называемой постсоциалистической пригородной революции, связанной с активным частным строительством на периферии столичных городов в странах Восточной Европы, сходны с теми, что фиксируются в России. Это длительный жилищный кризис, ограничение частной собственности и частного жилищного строительства в советский период, деградация социально-бытовой инфраструктуры в центральных городских районах в 1990-е годы, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, внутренняя миграция из сельских территорий. Рост и развитие пригородной зоны Улан-Удэ — столицы Бурятии вполне вписываются в этот «постсоциалистический контекст», привнося в него важные региональные уточнения, связанные с местными жилищными традициями, уровнем доходов населения, характером сельско-городской миграции и пр. Среди направлений роста внутренних и внешних пригородов Улан-Удэ можно выделить следующие: усадебное деревянное малоэтажное строительство, переобустройство советских дач под круглогодичное проживание, строительство коттеджей и таунхаусов, многоэтажное строительство, разрастание и переобустройство пригородных сел и деревень. Пригородная зона Улан-Удэ получила монофункциональный (в основном жилой) характер, промышленное и торговое строительство здесь пока слабо развито. Слабое развитие получила социально-бытовая и инженерная инфраструктура, в результате чего пригородные микрорайоны приобрели гибридный сельско-городской облик.

Ключевые слова: пригороды, урбанизация, субурбанизация, Улан-Удэ, сегменты жилищной застройки, социальная география.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-90-101

Между современным Улан-Удэ и другими крупными российскими городами, несмотря на множественные региональные отличия, есть как минимум одно значимое сходство. Оно выражается в массовом росте пригородных зон за счет частной жилищной застройки в последние 15–20 лет. Уже с середины 1990-х годов отечественные города, особенно столицы регионов и, конечно, крупнейшие городские агломерации, стали активно расширяться за счет освоения сначала внутренних пригородов (городских окраин), а затем и внешних пригородов, не входящих в состав этих городов. Это явление, связанное со взрывным ростом частной застройки в посткоммуни-

Таблица 1. Численность населения столиц субъектов СФО РФ по данным переписи 1989 г. и на начало 2015 г.¹

№	Субъект РФ	Численность		Прирост	
		перепись 1989 г.	01.01.2015	абсолютный, чел.	относитель- ный, %
1	Горно-Алтайск	46 436	62 309	+15 873	+34
2	Улан-Удэ	352 513	426 650	+74 137	+21
3	Кызыл	84 641	114 181	+29 540	+35
4	Абакан	154 092	179 200	+25 108	+16
5	Барнаул	601 811	635 585	+33 774	+6
6	Чита	365 754	339 453	-26 301	-7
7	Красноярск	912 629	1 052 218	+139 773	+15
8	Иркутск	626 135	620 099	-6 036	-1
9	Кемерово	520 263	549 159	+28 896	+6
10	Новосибирск	1 436 516	1 567 087	+130 571	+9
11	Омск	1 148 418	1 173 854	+25 436	+2
12	Томск	501 963	564 910	+62 947	+13

А. С. Бреславский
«Пригородная
революция»
в региональном
срезе (Улан-Удэ)

стических странах, исследователи назвали постсоциалистической пригородной революцией (Confronting Suburbanization, 2014: 8–9). В многоукладной России эта «революция» уже получила некоторые местные особенности, выделяющие страну из панорамы, допустим, восточноевропейских городов (Бреславский, 2016). Это касается как основных факторов — движущих сил пригородного роста, его направлений, сегментов, последствий и результатов, так и практики управления пригородным развитием, которая сегодня складывается лишь в отдельных «передовых» городах.

В Улан-Удэ процессы пригородного роста приняли внушительный характер, в результате чего границы и площадь застроенной территории пригородной зоны за последние 25 лет существенно расширились, причем застройка имела по многим параметрам нерегулируемый характер (Бреславский, 2014а). Население внешних пригородов (в радиусе 25 км от центра города), не входящих в со-

1. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (сб.10.2016). Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. М., 2015. С. 105–213.

став городского округа ежегодно, выросло с 1989 по 2015 год с 17 до 57 тыс. человек² (то есть в 3,4 раза) и продолжает расти.

С 1989 по 2016 год численность населения самого Улан-Удэ увеличилась с 352,5 до 430,5 тыс. человек, то есть на 78 тыс. человек, или на 21%. Много это или мало по сибирским меркам? Если взглянуть на сведения об изменении численности населения в столицах регионов Сибирского федерального округа за последние 25 лет (табл. 1), то мы увидим, что по темпам прироста населения за последние 25 лет Улан-Удэ расположился на третьем месте среди 12 городов. На первом и втором месте — Горноалтайск (к слову, единственный город Республики Алтай) и Кызыл (единственный крупный город Тувы, как и Улан-Удэ в Бурятии). Население этих городов выросло на 35 и 34% соответственно, то есть более чем на треть. Оба города — столицы национальных регионов, как и Улан-Удэ, они стали главными центрами притяжения для местных сельских мигрантов.

В 2015 году Улан-Удэ также находился на третьем месте по абсолютному приросту населения, проще говоря, по количеству новых жителей в период между 1989 и 2015 годами, уступая в этом лишь крупнейшим сибирским городам — Красноярску и Новосибирску, население каждого из которых увеличилось за это время более чем на 130 тыс. человек, в то время как население Улан-Удэ — на 74 тыс. человек. Обратим внимание на Иркутск и Читу, которые в 2015 году даже не преодолели порог 1989 года.

В Улан-Удэ массовое частное жилое строительство за счет укрупнения и уплотнительной застройки внутригородских районов, строительства новых микрорайонов в черте города и в пригороде оказалось связано в основном с тремя обстоятельствами — движущими силами. Во-первых, с длительным кризисом в области городских жилищных программ в сфере обеспечения жильем в советское время. Очереди на жилье в городе с 1930-х годов никогда не исчезали, несмотря на серьезные масштабы многоэтажного панельного жилищного строительства в течение последних советских десятилетий (Минерт, 1983: 91, 105–110, 114, 146; Zhimbiev, 2000: 4). Необходимо иметь в виду, что население города в советский период росло значительными темпами — с 20 до 360 тыс. человек, и можно представить те сложности в обеспечении граждан жильем, с которыми сталкивались городские власти. Так или иначе, но к концу советского периода в городе сформировался высокий спрос на (собственное) жилье, который был активно реализован горожанами в 1990–2000-е годы.

Второй фактор взрывного роста пригородных территорий Улан-Удэ (и российских городов в целом) — это децентрализация управления в области распределения и застройки городских и пригородных территорий. Уход государства из управления городами, отказ

2. Рассчитано мной по данным Всесоюзной переписи 1989 г. и данным Бурятстата на 01.01.2016.

от жестких форм контроля в распределении городских земель привели к высокой либерализации отношений в сфере застройки городских и пригородных территорий в 1990–2000-е годы, массовому самовольному строительству без разрешительных документов и одобрения городских властей. Несмотря на то что местные власти получили реальную возможность управлять своей территорией, которой они фактически были лишены в советское время, они потеряли государственные субсидии и средства, которые прежде крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т. п.). Это негативно повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья, социально-бытовой инфраструктуры. В 1990-е годы многие городские микрорайоны в силу недостатка финансирования пережили социально-бытовую, инфраструктурную деградацию. Это также побудило многих горожан к строительству или покупке своего собственного частного жилья на городских окраинах или в пригороде (за границами городского округа).

Третье существенное обстоятельство, повлиявшее на расширение частной жилищной застройки в постсоветском Улан-Удэ и особенно в его пригородной зоне, — усилившаяся с середины 1990-х годов сельско-городская, внутриреспубликанская миграция. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в 1990–2000-е годы преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекал внутрирегиональных (сибирских и дальневосточных) мигрантов. Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период (с 360 до 430 тыс. человек) в условиях высокого оттока местных жителей в другие российские города оказалось возможным во многом благодаря тому, что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (в основном сельских) мигрантов.

По общероссийской тенденции за последние 25 лет столица республики активно стягивала население из сельских и городских поселений региона, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры, на что указывают и проводимые исследования (Бреславский, 2014а; Рандалов, Хараев, Чукреев, 2005). Сельчане стабильно пребывали и пребывают в Улан-Удэ, в результате чего, только по официальным данным, в городе сегодня проживает около половины всех жителей республики.

Перечисленные обстоятельства вместе с другими факторами привели к тому, что к концу 2010-х годов значительная по площа-

ди территория Улан-Удэ уже не могла обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства.

Ключевыми направлениями частного жилищного строительства в пригородах Улан-Удэ в 1990–2000-е годы, как мы выяснили в ходе исследования, стали следующие пять. Первое и наиболее масштабное направление связано с частным индивидуальным одно- и двухэтажным строительством и уплотнительной застройкой городских окраин, отдаленных микрорайонов³ Улан-Удэ. Это главным образом деревянное строительство, которое к концу 2014 года, по моим подсчетам, занимало 62% застроенной территории города. Столь широкое развитие деревянного строительства в границах города оказалось возможным вследствие доступности и относительной дешевизны древесных строительных материалов в Бурятии по сравнению с другими материалами для жилищного строительства. Купить участок в пригороде и построить на нем дом (без централизованного отопления и водоснабжения) с минимальным ремонтом обходится в два раза дешевле, чем купить квартиру в центральной части Улан-Удэ (такой же площади). Кроме того, деревянное жилье более предпочтительно при индивидуальном строительстве в Бурятии, нежели бетонное или кирпичное, поскольку оно лучше сохраняет тепло в условиях сибирских морозов (до минус 30–40 градусов). Индивидуальное деревянное жилищное строительство в Улан-Удэ в 1990–2000-е годы вполне соответствовало уже реализуемой в городе в советское время жилищной традиции. Иными словами, такого рода строительство хоть и не поощрялось, но имело место и в советском Улан-Удэ.

Часть этого первого направления — самовольное строительство, вызвавшее волну общественных дебатов и периодические единичные столкновения с городскими властями с начала 2000-х годов до настоящего момента (Карбаинов, 2007). Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли размах этого явления в европейской части России. Этому «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания. Только в период с 2001 по 2013 год, по данным мэрии, в Улан-Удэ было возведено 2370 самовольных построек и еще 3780 «самоволок» осталось городу в наследство от советских времен⁴. Только

3. Отдаленные микрорайоны — официальная номинация, обозначающая микрорайоны Улан-Удэ, удаленные физически от центральной части города, но входящие в его состав.
4. Основные результаты за 2013 год и перспективы деятельности органов местного самоуправления городского округа «город Улан-Удэ» по решению вопросов местного значения и социально-экономическому развитию городского округа на 2014 год. [http:// www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf](http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf).

к середине 2010 года ужесточение контроля за распределением земель остановило этот процесс. Большинство самовольщиков получили возможность юридически закрепить права собственности на землю и жилую недвижимость.

Второе направление в жилищном строительстве постсоветского Улан-Удэ — многоэтажное строительство (от 3 до 16 этажей) силами крупных строительных компаний. Это направление получило развитие в городе уже после 1990-х годов в связи со стабилизацией доходов населения, ростом потребительского спроса на благоустроенные квартиры, развитием института ипотеки и долевого строительства. Оно нашло выражение главным образом в уплотнительной застройке — на территориях городских микрорайонов, уже сформированных в советское время. Однако постепенно развивается и сегмент комплексной, широкомасштабной многоэтажной застройки ранее не освоенных территорий (юго-западное направление). К сожалению, для тех, кто видит Улан-Удэ высотным, этот сегмент значительно уступает по своим масштабам малоэтажному строительству. Главная причина — слабый внутренний спрос, бедность среднего класса городского населения.

Третье направление пригородного развития в Улан-Удэ — переобустройство городских летних дач в добротное жилье для круглогодичного проживания (также деревянное, одно- и двухэтажное). Дачи в качестве летнего жилья, места для летнего отдыха и любительского земледелия стали массово появляться в городе с 1960-х годов. Сегодня в Улан-Удэ действует более 30 дачных и садовых некоммерческих товариществ, в большей части которых обозначенные процессы переобустройства и протекают. Переезд на постоянное место жительства на дачу в 1990–2000-е годы позволил решить жилищную проблему многим горожанам, чьи семьи расширялись, а также многим новым сельским мигрантам, которые не смогли приобрести жилье в более дорогих районах города. На дачных участках вместо небольшого летнего домика с тонкими стенами строят дом с отоплением, баню, гараж и пр. Надо сказать, дачи в Улан-Удэ, как и во всех крупных городах России, являются одной из заложенных основ субурбанизации. Вместе с тем, как недавно отметил российский географ А. И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья (Трейвиш, 2014: 24).

Четвертое направление пригородного развития Улан-Удэ в постсоветский период — строительство коттеджей и таунхаусов в зоне городской периферии, в том числе небольших комплексов силами крупных строительных компаний, с привлечением значительных инвестиций. Это направление, по моим наблюдениям, менее масштабно в сравнении с первым, вторым и третьим⁵. Несмотря на то что

5. К сожалению, собираемая в России в целом и Улан-Удэ в частности статистика в сфере жилья и жилищного строительства, в том числе в обла-

первые коттеджи, ставшие символом переходного периода, появились в Улан-Удэ уже к середине 1990-х годов, их прирост в общей структуре городского жилья ежегодно не столь велик, как, например, в крупных городах Центральной и Восточной Европы. Так как численность Улан-Удэ достаточно значительна и превышает сегодня 420 тыс. человек, количество богатых семей из реального среднего класса здесь относительно невелико. И количество закрытых пригородных поселений, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» в постсоциалистических городах (Hirt, 2012), в Улан-Удэ невелико: один действительно закрытый, за высоким забором роскошный комплекс таунхаусов «Европа», квартиры в котором оказались не востребованы из-за их дороговизны, и не более десяти небольших коттеджных поселков в разных частях города.

Наконец, пятое направление, уже более тесно связанное с развитием загородной зоны, — разрастание пригородных сел и деревень на границах Улан-Удэ, не входящих в городской округ. Это более 20 поселений трех сельских районов Бурятии: Заиграевского, Иволгинского и Тарбагатайского (Бреславский, 2014b). Все пригородные поселения в советский период являлись пригородами Улан-Удэ исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа), имели главным образом сельскохозяйственное назначение, а население работало преимущественно на местных сельскохозяйственных предприятиях. Пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения. Начиная с 1990-х годов, в особенности в 2000-е годы, ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, связанный с удорожанием земли и жилья в черте города Улан-Удэ. В результате наблюдается существенный рост и обновление местных сообществ, выстраивается их социальная (связанная прежде всего с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о пригородных уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Сегодня активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии) фактически является одним из главных направлений демографического и территориального роста Улан-Удэ. Пригородная зона начинает оказывать все большее влияние на городской рынок труда и потребления, на загруженность городских автодорог, детских садов, школ, поликлиник и т. п.

Освоение пригородной зоны Улан-Удэ в постсоветский период можно условно подразделить на два этапа. Первый (начальный этап) хронологически укладывается в период с начала 1990-х

сти второго жилья, крайне бедна, что не позволяет говорить о точных пропорциях в структуре типов жилья.

до середины 2000-х годов и характеризуется низкой интенсивностью освоения пригородных территорий. Второй этап (с середины 2000-х годов до наших дней), наоборот, отмечен интенсивным освоением и заселением пригородной зоны. Наибольшую интенсивность эти процессы приобрели в последнее время (2010–2015 годы).

На расстоянии 30 км от центра Улан-Удэ расположен сегодня 21 населенный пункт. Каждый из них входит в состав того или иного сельского поселения Заиграевского, Иволгинского или Тарбагатайского района республики. Так, более половины поселений (12) расположены в Иволгинском районе, шесть — в Тарбагатайском и три — в Заиграевском.

Пригородное положение по-разному повлияло на развитие обозначенных поселений за последние 25 лет. Где-то рост населения и числа домохозяйств привел к многократному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравнив данные по численности и размещению жителей в этих поселениях за два последних переписных периода (1989–2002 гг., 2002–2010 гг.), можно отметить, в частности, что два из них — Поселье и Нурселение — стали своего рода рекордсменами в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) рост был незначителен (до 8%), а в трех (Тапхар, ст. Саянтуй, Верхний Саянтуй) вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660%. Показатели эти, безусловно, сложились за счет миграционного прироста.

Сами по себе пригородные поселения разнородны, они серьезным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района Бурятия (Иволгинск) и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений, будь то школы, детские сады, поликлиники и т. п. Большую их часть объединяет одно — советское прошлое: в XX веке они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах и небольших промышленных предприятиях. После распада Советского Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства все сельскохозяйственные предприятия постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда.

Рассматриваемые поселения сегодня сложно сопоставить с пригородами, например, западных городов по ряду критериев: уров-

ную инфраструктуры, идентичности и социальному составу местных жителей, образу жизни. Практически все из обозначенных поселений вплоть до последнего времени представляли собой достаточно типичные для Бурятии одноэтажные слабоурбанизированные сельские населенные пункты, жители которых вели сельский образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность.

В среде новых жителей, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ в 1990–2010-е годы, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии и сами горожане. В количественном отношении доминировали сельские мигранты (92,3%, 2014 г.) среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня. Можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий современного Улан-Удэ стала именно сельская Бурятия, а не сам город, а главными участниками этого процесса — сельские мигранты, а не коренные горожане. Это отличает Улан-Удэ от многих крупных городов нашей страны, в которых пригороды в постсоветский период формировались главным образом самими городами (горожанами, выезжающими в пригороды ради более благоприятных условий жизни). Строго говоря, массовое развитие пригородов Улан-Удэ сегодня — это не результат субурбанизации в ее классическом англо-американском понимании, связанном с желаемым переездом горожан из центральной части города в пригороды с благополучными условиями жизни. В этом случае речь идет скорее о продолжении урбанизации, центростремительных потоков сельско-городской миграции, правда основанных уже не на индустриализации территории, как это было в советские годы.

Отношения новых переселенцев с местными жителями в уландэнских пригородах складываются в подавляющем большинстве случаев без каких-либо серьезных проблем. Мигранты (в основном сельчане и уландэнцы) не вызывают у коренных жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. На это влияет и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим, среди которых практически нет иностранных мигрантов.

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный деревенский стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят новые жители в пригородной зоне, в подавляющем большинстве не являются временным жильем — построены они основательно.

Несмотря на то что рассматриваемые пригородные села в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились. В целом они сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, внутриселковые дороги требуют серьезного ремонта, в отдельных поселениях по-прежнему существуют проблемы с водоснабжением и т. п. При увеличивающемся количестве частного автотранспорта они сохраняют высокую зависимость от общественного транспорта. Имеется множество инфраструктурных и бытовых проблем, наиболее важными из которых являются проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства.

С эстетической точки зрения новые пригороды Улан-Удэ, очевидно, вызывают много вопросов. Дома, приусадебные участки, ограждения в подавляющем большинстве пока не получили сколько-нибудь законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, ни кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это, допустим, принято во многих поселениях сельской Бурятии. Несмотря на то что массовое частное строительство решило проблему жилищного голода, связанную с недостатком жилья в советский период и постсоветской сельско-городской миграцией, город приобрел множество инфраструктурных проблем, которые ему еще предстоит решить. Очевидно, городу предстоит также осознать те проблемы, которые порождает такого рода экстенсивная и неустойчивая форма развития пригородов вширь.

Для исследователей пригородного роста в крупных российских городах Улан-Удэ может быть интересен, с одной стороны, как отчетливо хороший пример «постсоциалистической пригородной революции» со всеми ее источниками и параметрами, а с другой стороны — как кейс, который вносит важные региональные уточнения в этот обсуждаемый сегодня относительно новый концепт. Местные жилищные традиции в индивидуальном строительстве, тесно связанные с климатом и доходами населения, особенности советской урбанизации республики, особая роль города в общественном сознании ее жителей, нерегулируемый характер сельской миграции вносят свои дополнения в пригородное развитие отечественных городов, делая случай Улан-Удэ вполне специфическим на общей карте крупных городов России.

- Бреславский А. С.* (2014а). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А. С.* (2014б). Численность и размещение населения в пригородах Улан-Удэ (1989–2010 гг.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2 (14). С. 96–101.
- Бреславский А. С.* (2016). Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. № 1. С. 79–102.
- Карбаинов Н. И.* (2007). «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социс. № 11. С. 136–139.
- Минерт Л. К.* (1983). Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во.
- Рандалов Ю. Б., Хараев Б. В., Чукреев П. А.* (2005). Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Трейвиш А. И.* (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4.
- Confronting Suburbanization* (2014). Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Hirt S.* (2012). Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Zhimbiev B.* (2000). History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. L.: The White Horse Press.

“Suburban Revolution”: The regional case (Ulan-Ude)

Anatoly Breslavsky, Research Fellow, PhD (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation. E-mail: anabresos@mail.ru.

The author considers the processes of suburban growth in major Russian cities that becomes more and more visible, and at the same time has much in common with the processes of development of other large cities in post-socialist countries. The driving forces of the so-called “post-socialist suburban revolution” in Russia determined by the rapid growth of private housing construction on the periphery of the capital cities are similar to those typical for Eastern European countries. They are as follows: the prolonged housing crisis, restrictions on the private property and private housing construction in the Soviet period, degradation of the social infrastructure in central districts of the cities in the 1990s, liberalization of distribution and developing of urban and suburban areas, in-migration from rural areas—all these factors have a significant impact on the growth of cities with a million-plus population as well as on smaller regional capitals. The growth and development of the suburban zone of Ulan-Ude—the capital of the Republic of Buryatia—quite fit into this “post-socialist context” though with important regional features related to local housing traditions, level of income, character of rural-urban migration, etc. The key directions of growth of the inner and outer suburbs of Ulan-Ude are as follows: wooden low-rise housing construction, transformation of dachas into places of year-round accommodation, construction of cottages and townhouses, high-rise housing construction, development and reconstruction of suburban villages. The suburban area of Ulan-Ude has mono-functional character (residential areas) for the industrial and commercial construction and social and public infrastructure are still poorly developed, which determines the rural-urban look of the suburban micro-districts.

Key words: suburbs, urbanization, suburbanization, Ulan-Ude, segments of housing development, social geography

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-90-101

References

- Breslavsky A. S. (2014a) *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Ude v postsovetskij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period], Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN [Publishing house of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences].
- Breslavsky A. S. (2014b) *Chislennost' i razmeshchenie naseleniya v prigorodah Ulan-Ude (1989–2010)* [Population and its Distribution in Suburbs of Ulan-Ude (1989–2010)]. *Vestnik buryatskogo nauchnogo centra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 2 (14), p. 96–101.
- Breslavsky A. S. (2016) *Kakoj mozhet byt' rossijskaya suburbanizaciya?* [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 25, no. 1, p. 79–102.
- Karbainov N. I. (2007) *Nahalovki Ulan-Ude: ogorazhivanie prigorodnoj zemli* [«Nakhalovka» of Ulan-Ude: «Fencing» of the suburban land]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 11, p. 136–139.
- Minert L. K. (1983) *Arhitektura Ulan-Ude* [Architecture of Ulan-Ude], Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo [Buriat Book Publishing House].
- Randalov Yu. B., Haraev B. V., Chukreev P. A. (2005) *Migracionnye nastroeniya sel'skih zhitelej: deystvuyushchie faktory i tendencii (po materialam sociologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya)* [Migration Mood of Rural Population: Current Trends and Factors (on the Example of Buryatia)], Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN [Publishing house of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences].
- Treyvish A. I. (2014) *«Dachevedenie» kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii* [Studies of Dachas in the West and in Russia]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk, series "Geography"* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences, Geography Series], no. 4, p. 22–32.
- Confronting Suburbanization (2014): Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe* /Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Zhimbiev B. (2000) *History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude*. London: The White Horse Press.

Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области

А. В. Шелудков, С. В. Рассказов

Александр Владимирович Шелудков, аналитик Ассоциации «Совет муниципальных образований Тюменской области», аспирант Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный пер., 29. E-mail: a.v.sheludkov@gmail.com.

Сергей Валерьевич Рассказов, кандидат географических наук, доцент кафедры Новой истории Тюменского государственного университета, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: sergei.rasskasov@gmail.com.

Статья посвящена изучению географических предпосылок развития феномена многоукладности сельской экономики. Авторы используют данные ведомственной статистики и Росстата, чтобы показать, как отличается социально-экономический ландшафт в удаленных и близких к центрам селах. Различия между ними создают условия для доминирования разных типов экономических агентов; происходит специализация сельских территорий по формам и отраслям хозяйства. Товарные производства, предприятия и фермерские хозяйства тяготеют к городам. Здесь формируется зона пригородного сельского хозяйства, развита маятниковая миграция. Крупные предприятия полностью встроены в систему формального рынка. Они одерживают победу в конкуренции за земельные ресурсы, специализируются на производстве зерновых. Фермеры могут выигрывать за счет развития сервисных производств. На периферийных территориях юго-востока региона выделяются граждане, ведущие ЛПХ, фермеры (КФХ) и кооперативы. ЛПХ используют приусадебные участки и незанятые земли, развивая молочное и мясное животноводство, выращивают картофель и овощи, производят мед. Выделяющихся из среды ЛПХ владельцев крупных хозяйств можно также считать потенциальными фермерами, однако в силу институциональных барьеров они остаются на полуправильном положении. В целом поселения субрегиона находятся на границе между формальной (через КФХ и кооперативы) и неформальной (через ЛПХ, перекупщиков и т. д.) экономикой. Здесь также могут работать крупные предприятия, но они чаще всего выступают как внешние игроки, эксплуатирующие ресурсы периферии и мало связанные с местной жизнью. Представленная картина динамична. Векторы ее эволюции содержат экономические и социальные риски, связанные с постепенным вытеснением средних и мелких производителей сельскохозяйственной продукции крупными предприятиями, а также зависимостью периферийных хозяйств от посреднических структур. Вместе с тем многоукладность создает и новые возможности — экономическую специализацию территорий и общую диверсификацию сельской экономики. Работа выполнена в рамках комплексного исследовательского проекта Совета муниципальных образований Тюменской области.

Ключевые слова: многоукладная экономика, сельская экономика, сельские поселения, сельские муниципалитеты, социально-экономическая поляризация, центр-периферийная структура.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-102-114

С началом разложения советской командной системы управления на сельских территориях в пределах Российской Федерации стартовал целый комплекс социальных процессов, часть из которых была новой, часть — вызвала в позднесоветском обществе, но ин-

ституциональные трансформации начала 1990-х годов придали им особую динамичность и силу. Эти процессы и порожденные ими феномены позволяют говорить о значительно выросших за последние 25 лет неоднородности и социальной сложности сельских территорий, методической неоднозначности при комплексном анализе сельской местности. Разнонаправленные миграционные процессы — отток молодежи в города, отходничество, с одной стороны, дачное и коттеджное освоение и ре-освоение, обратная миграция и дауншифтинг — с другой, очертили границы полюсов расселения и экономической активности. В сельской экономике действуют фермеры и многочисленные скромные собственники личных подсобных хозяйств, крупные агропредприятия и «распределенные мануфактуры»; каждая из указанных групп — ядро особого уклада в сложной мозаике аграрной многоукладности. Фрагментация сельского пространства привела к вынужденной изоляции отдельных социумов, иногда — к архаизации образа жизни. В то же время появились сообщества, стремящиеся к этой изоляции сами и извлекающие из нее выгоду. Город и его пригороды, с одной стороны, и отдаленные сельские населенные пункты — с другой, живут сегодня по разным социальным законам и в разных социальных временах.

На протяжении трех последних лет Советом муниципальных образований Тюменской области осуществляется исследовательский проект, направленный на комплексное описание сельских территорий региона и определение подходов к разработке стратегий их развития. В рамках проекта проведено десять полевых экспедиций, охвативших более ста поселений, организован сбор статистических данных на базе похозяйственного учета¹. Цель работы — анализ основных регистрируемых на пространстве сельских территорий явлений и процессов с учетом их территориального распределения и многообразия, построение модели, которая позволила бы показать и хотя бы частично объяснить неоднородность этого пространства.

Настоящая статья представляет некоторые итоги работы исследовательской команды и посвящена географическим предпосылкам развития феномена сельской многоукладности. По нашему мнению, различия трансформационных процессов в ближних и удаленных селах определили условия для доминирования разных типов экономических агентов.

Термин «хозяйственный уклад» используется для описания определенного способа ведения хозяйства со свойственными ему специфическими особенностями производственных отношений. Уклад означает не только экономическую модель и уровень технологического развития (технологический уклад), но и определенный образ

1. При реализации проекта использованы средства, выделенные в качестве гранта фондом поддержки социальных исследований «Хамовники» (2015, № 003).

Таблица 1. Структура производства основных видов продукции животноводства и растениеводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов,
% от общего объема производства

	с.-х. организации		ЛПХ		КФХ и ИП	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Зерновые и зернобобовые культуры	81,0	81,2	0,1	0,2	18,9	18,7
Картофель	29,0	29,3	64,7	65,1	6,3	5,6
Овощи	26,7	25,9	68,4	69,3	4,9	4,9
Молоко	48,3	49,1	48,1	47,3	3,6	3,6
Яйцо	95,0	95,2	5,0	4,8	0,0	0,0
Мед	0,0	0,0	99,1	100,0	0,9	0,0
Мясо (в убойном весе) — всего	61,1	62,3	38,2	36,9	0,6	0,8
говядина и телятина	44,2	44,8	52,6	51,0	3,2	4,2
свинина	50,0	51,2	50,0	48,8	0,0	0,0
баранина и козлятина	0,8	0,0	98,2	99,3	1,0	0,7
мясо птицы всех видов	95,0	95,2	5,0	4,8	0,0	0,0

Источник: Тюменьстат, 2015.

жизни — систему социальных, культурных, политических и иных связей (Многоукладность, 2009: 12–13). В процессе постсоветской трансформации аграрного сектора сложилось по меньшей мере три уклада: крупные и средние агропредприятия, фермерские хозяйства, а также личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Именно эти три категории экономических агентов фиксируются в официальной статистике (табл. 1). Однако, как отмечает Т. Нефедова, приведенная классификация довольно условна, так как между укладами сложно провести четкие границы. В действительности их количество больше. Так, агропредприятия заметно различаются по масштабам деятельности и способам организации производства, среди хозяйств можно выделить крупнотоварные, близкие к фермерским, да и сама фермерская среда крайне неоднородна. Здесь есть и семейные хозяйства, и предприятия, основанные на наемном труде, и т. д. Отдельно можно отметить дачников, формирующих свой особый уклад (Нефедова, 2006: 227). Согласно определению О. Фадеевой, уклады обусловлены «доминирующими целями... и организационными формами экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами». Они задают институциональную структуру и определяют пра-

вила поведения субъектов хозяйствования — акторов организаций, предприятий, домохозяйств — в локальных сельских сообществах (Фадеева, 2015: 34), могут меняться под воздействием внешней среды, становиться более или менее распространенными, по-разному сочетаться друг с другом.

Многоукладность экономики рассматривается как признак переходного периода, когда наряду со старыми укладами существуют новые (Нефедова, 2013: 87). Однако наши наблюдения показали, что присутствие на территории одного муниципалитета одновременно нескольких — и старых, и новых — типов экономических агентов — сравнительно редкое явление. Чаще речь идет о доминировании отдельных укладов на разных территориях; таким образом, социальная дифференциация сопровождается дифференциацией пространственной.

Феномен обнаруживается при анализе распределения количественных показателей по отдельным сельским муниципалитетам. Авторы использовали несколько таких индикаторов. При оценке развитости хозяйств мы оценивали численность поголовья коров в хозяйствах населения в расчете на одно хозяйство. Анализировали географическое распределение числа зарегистрированных на сельских территориях предпринимателей. Индикаторами развитости сельскохозяйственных предприятий служили показатели доходности муниципальных бюджетов.

По оценкам Департамента агропромышленного комплекса Тюменской области, общее количество ЛПХ в регионе превышает 170 тыс. ед. Более половины (95 тыс.) занимаются производством товарной продукции. Определить объемы рынка сельхозпродукции ЛПХ крайне сложно. Эта деятельность не считается предпринимательской и не облагается налогами. Интервью с селянами показали, что значительная часть ЛПХ встроена через сети перекупщиков в распределенные производства, география действия которых распространяется за пределы отдельных муниципалитетов и регионов. В тени мясной рынок, а также рыбный и ягодный промыслы. Сфера молочного животноводства наиболее вписана в официальные рамки. Ни владельцам ЛПХ, ни кооперативам не выгодно утаивать продукцию, так как регион дотирует закупку продукции: на каждый литр принятого у населения молока область дает 3 руб. из бюджетных средств. Именно поэтому показатели по производству молока и поголовью коров в ЛПХ можно считать наиболее достоверными.

Всего в системе молочной кооперации в регионе участвует более 21 тыс. личных подсобных хозяйств. Как видно на рис. 1, феномен развитых ЛПХ скорее характерен для периферийных и полупериферийных территорий, находящихся в удалении от городов и иных инфраструктурных центров. Выделяются сельскохозяйственные юго-восточные районы области — поселения Сладковского, Казанского, Абатского, Армизонского и Сорокинского районов. Городские центры вытягивают экономически активное население, и в пригородах

А. В. Шелудков,

С. В. Рассказов

Карта

многоукладности:

пригородные

и периферийные

зоны Тюменской

области

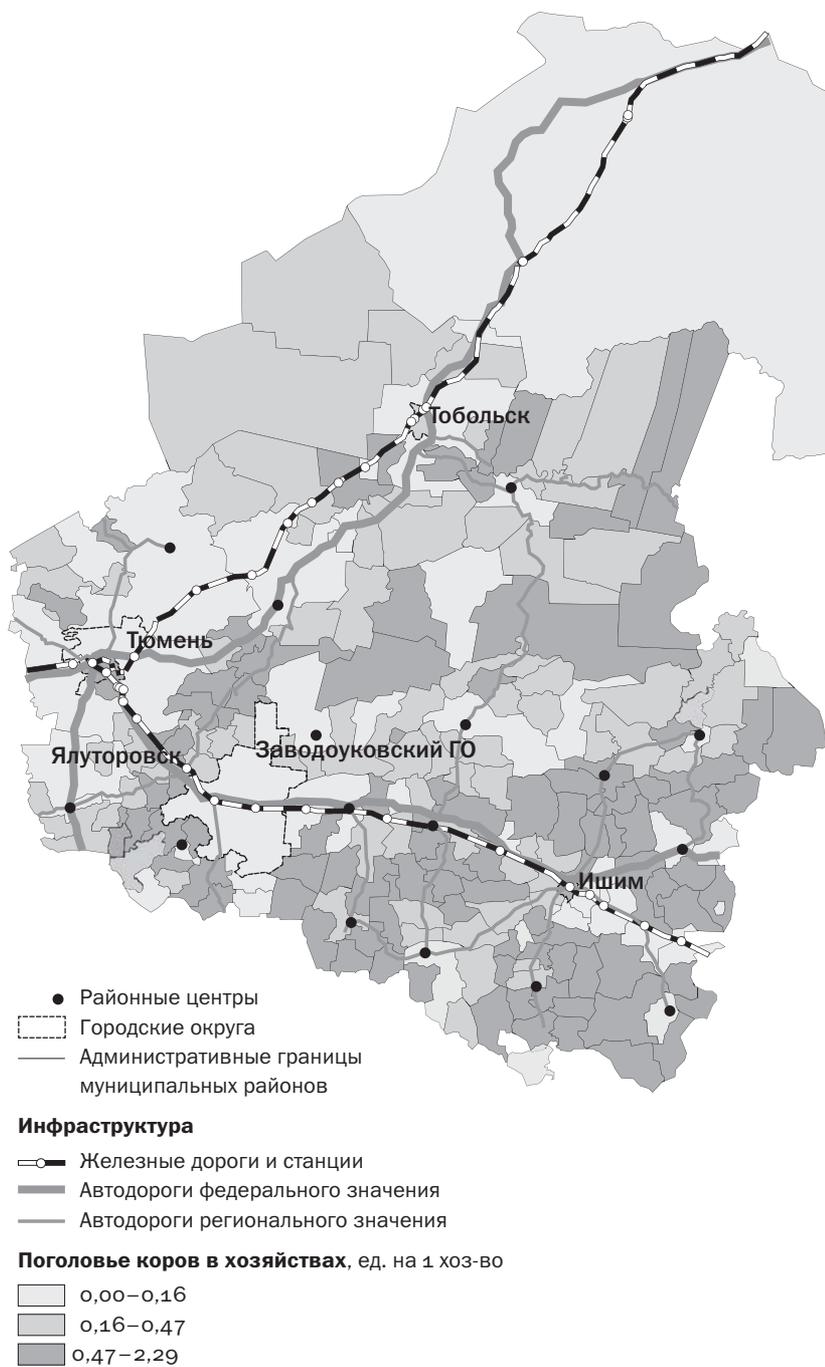

Рис. 1. Поголовье коров в хозяйствах населения

развивается маятниковая миграция. Кроме того, сказывается конкуренция за локальные (земельные) ресурсы со стороны крупных производителей. Дополнительную поддержку концентрации развитых ЛПХ в наименее урбанизированной юго-восточной части области оказывают природные и социальные условия — высокое плодородие почв, развитое зерновое хозяйство и сохранность «квазиколхозных» форм хозяйствования, в рамках которых владельцы ЛПХ могут получать сравнительно дешевые корма.

Анализ географического распределения зарегистрированных на сельских территориях предпринимателей и предприятий показывает незначительные различия между отдельными муниципальными районами. На построенной карте (рис. 2) выделяется ряд районных центров, а также поселения тюменской пригородной зоны, другие городские узлы региона — Тобольск и Ишим — оказывают на предпринимательскую активность куда меньшее влияние в сравнении с областной столицей и даже некоторыми райцентрами.

По данным Росстата, в структуре производства основных видов продукции сельского хозяйства на юге Тюменской области основным вклад крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей приходится на производство зерновых и зернобобовых культур (19% региональной продукции, табл. 1). В производстве молока и мяса фермеры участвуют слабо — 3,6 и 0,8% соответственно. Высокие налоговые и административные издержки заставляют фермеров мимикрировать под крупные ЛПХ и кооперативы. Последние, несмотря на свою организационно-правовую форму, часто действуют по модели ООО или ИП — арендуют паевые земли, оказывают населению отдельные услуги в области лесо- и кормозаготовки. Эти кооперативы учреждены не в целях создания кооперационных цепочек, а в целях упрощения процедуры регистрации юридического лица, пользования паевой собственностью и получения налоговых льгот. Данные ведомственной статистики показывают, что потенциальными фермерами можно считать также порядка 5,5% владельцев ЛПХ. Эти хозяйства содержат 30% общего поголовья молочного скота ЛПХ и реализуют до 40% молочной продукции.

На карте распределения уровня НДФЛ в бюджетах муниципальных образований, приведенного к количеству трудоспособного населения (рис. 3), отчетливо выделяется базовая структура расселения и хозяйства региона. Практически все муниципалитеты с цветом более интенсивным, чем маркирующий минимальный уровень, привязаны к пригородным зонам, основным транспортным артериям и южной сельскохозяйственной зоне (прежде всего районные центры). Наиболее высокие зарплаты — вдоль транспортной магистрали Тюмень — Тобольск — ХМАО, где расположены отраслевые поселения и население частично занято в нефтегазовой сфере (ОАО «Газпром», ОАО «АК „Транснефть“») и структурах РЖД.

На этом фоне хорошо видна социальная «периферия» региона — совокупность изолированных, труднодоступных, малонаселенных

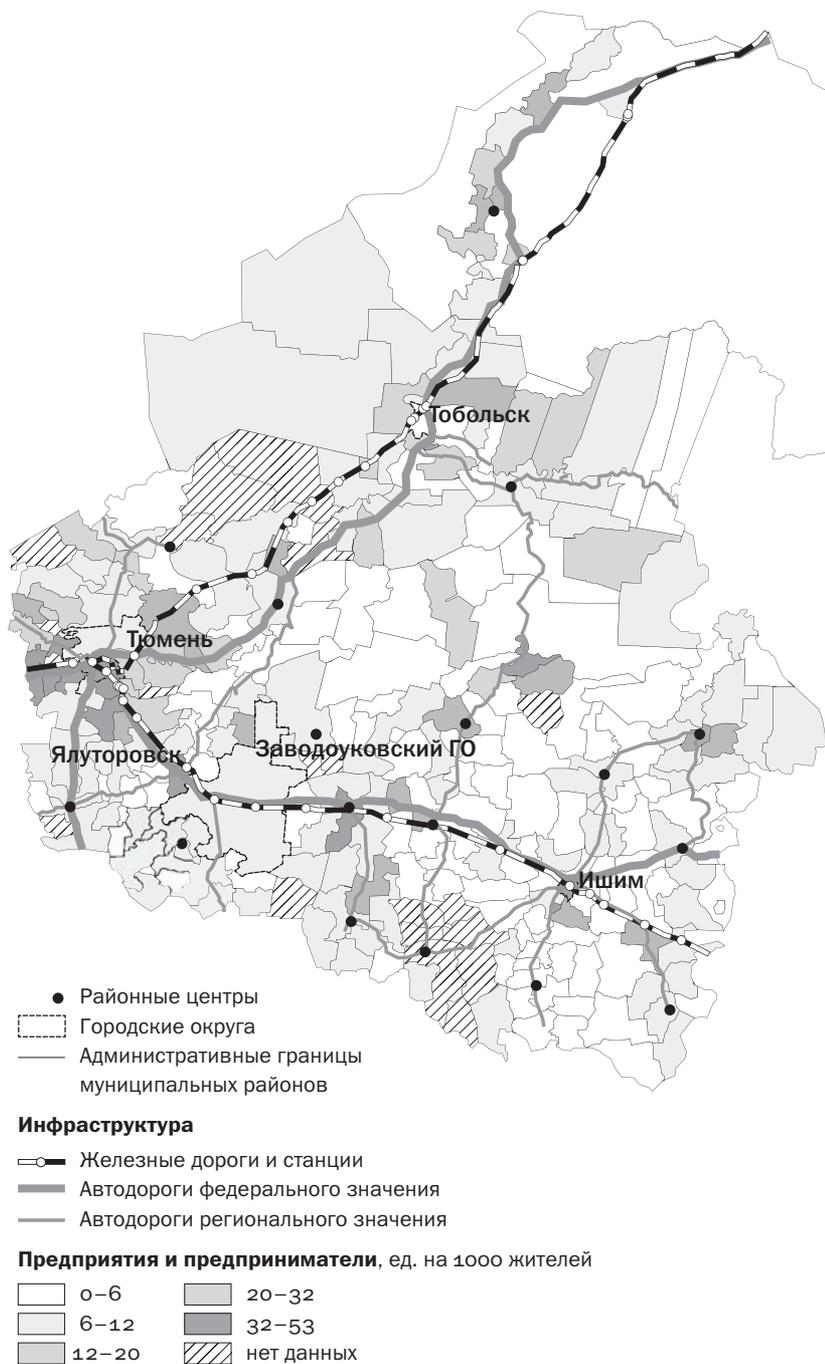

Рис. 2. Предприятия и предприниматели

А. В. Шелудков,
С. В. Рассказов
Карта
многоукладности:
пригородные
и периферийные
зоны Тюменской
области

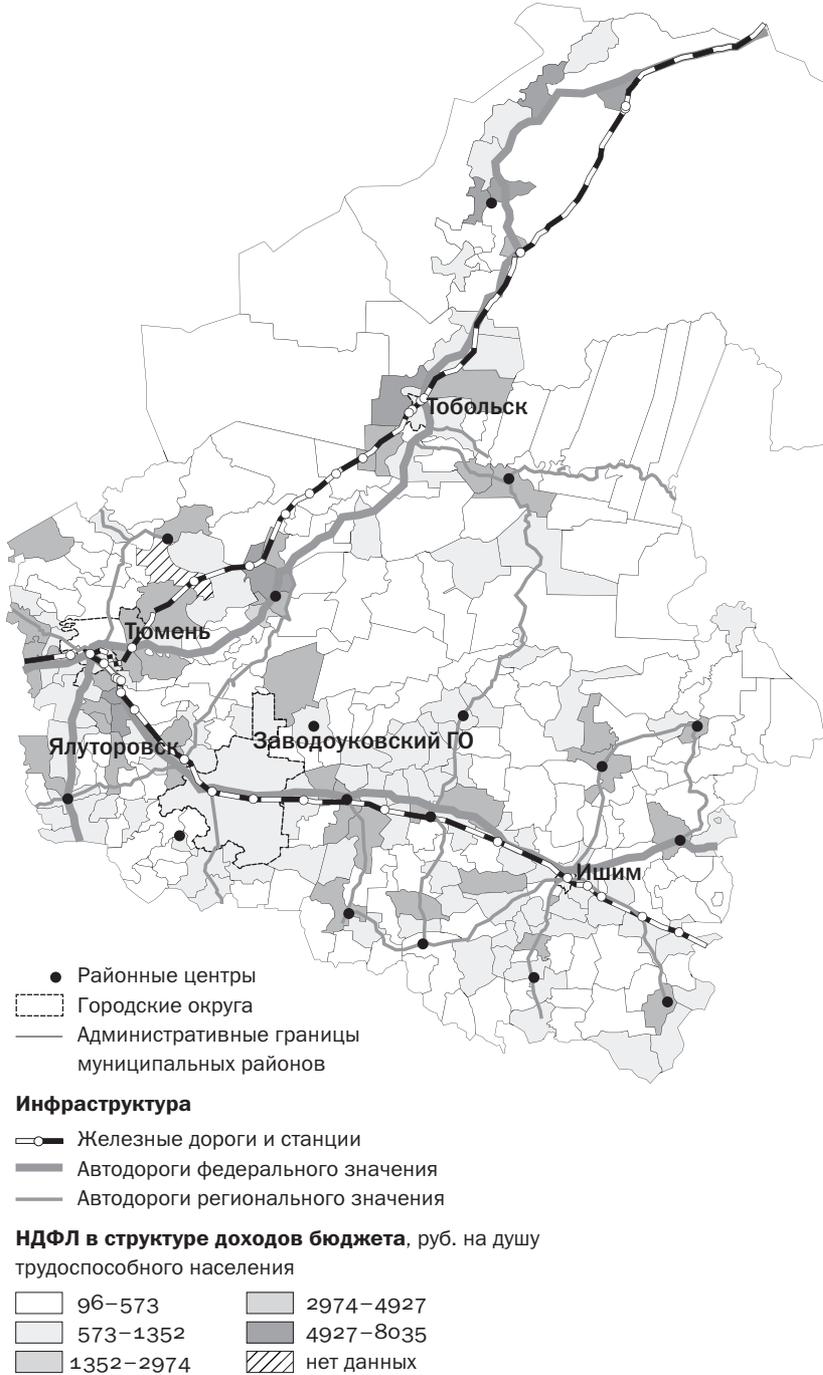

Рис. 3. НДФЛ в структуре доходов бюджета сельского поселения

поселений с низким потенциалом развития и плохой инфраструктурой. НДФЛ в несколько сотен рублей на человека для этих муниципалитетов скорее всего маркирует невысокий процент занятости и распространенность «условных» зарплат, уровень которых не призван обеспечить все потребности работающих. То есть по умолчанию предполагается, что человек находит пропитание или дополнительный заработок где-то еще: в неформальном секторе, в собственном хозяйстве, на работе за пределами поселения и т. д.

Распределение поселений по доле собственных доходов в бюджете (рис. 4) дает похожую картину, однако дополнительно подчеркивает особую роль тюменской пригородной зоны, в которой концентрация бюджетно благополучных муниципалитетов определяется системными факторами, и иерархию центров территории: тобольская и ишимская зоны выражены заметно слабее.

Многоукладность сельской экономики есть *проявление социально-экономической специализации территорий по доминирующим типам экономических агентов, формам и отраслям сельского хозяйства*. Товарные производства — предприятия и фермерские хозяйства — тяготеют к рынкам сбыта, прежде всего городам. При этом в конкуренции за локальные ресурсы победу чаще одерживают крупные модернизированные предприятия. На полупериферии они составляют основу локальной экономики — здесь формируется зона пригородного сельского хозяйства. Предприятия полностью встроены в систему формального рынка, специализируются на производстве зерновых, вносят существенный вклад в производство мяса и молока, в меньшей степени — картофеля и овощей. Сельские жители частично заняты на предприятиях, работают в административных центрах (хотя и не так массово, как в пригородной зоне), наличие транспортных артерий определяет развитие сферы придорожного сервиса, в снабжении которого принимают участие ЛПХ. Фермеры могут выигрывать за счет развития сервисных производств.

На периферийных территориях юго-востока региона можно выделить как минимум три типа экономических агентов — граждан, ведущих ЛПХ, фермеров (КФХ) и кооперативы, представляющие собой переходную от советских предприятий форму, или, что чаще, мелкий и средний бизнес. В ЛПХ используются приусадебные участки и незанятые земли, развивается молочное и мясное животноводство, а также выращиваются картофель и овощи, производят мед. Выделяющихся из среды ЛПХ владельцев крупных хозяйств можно также считать потенциальными фермерами, однако в силу институциональных барьеров они остаются на полуполегалном положении. В целом поселения субрегиона находятся на границе между формальной (через КФХ и кооперативы) и неформальной (через ЛПХ, перекупщиков и т. д.) экономикой. Здесь также могут работать крупные предприятия, но они чаще всего выступают как внешние игроки, эксплуатирующие ресурсы периферии и мало свя-

А. В. Шелудков,
С. В. Рассказов
Карта
многоукладности:
пригородные
и периферийные
зоны Тюменской
области

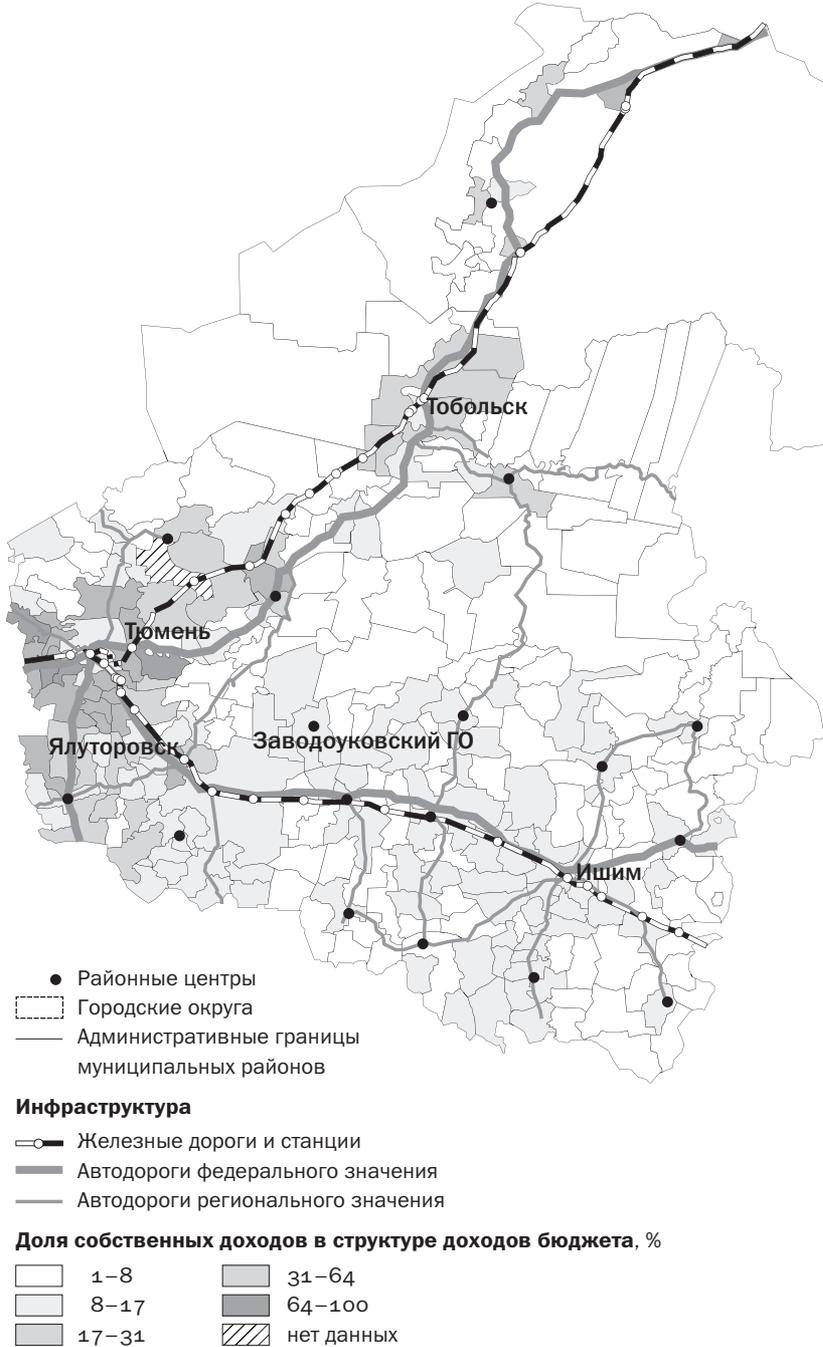

Рис. 4. Доля собственных (исключая безвозмездные поступления) доходов в структуре доходов бюджета сельского поселения

занные с местной жизнью. На севере области в силу ландшафтных особенностей развиваются ягодный и рыбный промыслы. В удаленных поселениях природные ресурсы часто неподконтрольны властям, поэтому используются более свободно. Сбыт осуществляется по неформальным каналам и сетям через земляков или приезжих перекупщиков. Сложность контроля в слабозаселенной местности ослабляет некоторые административные барьеры.

Представленная картина динамична. Векторы ее эволюции определяют экономические и социальные риски. Постепенное вытеснение с рынка средних и мелких производителей сельскохозяйственной продукции крупными предприятиями, в особенности на полупериферийных и периферийных территориях, создает риски повышения уровня безработицы, снижения доходов граждан, усиленного оттока населения с сельских территорий. Зависимость мелкотоварных хозяйств от посреднических структур означает перераспределение прибыли в пользу посредников, завышенные цены на продукты питания за счет включения в стоимость посреднических надбавок, сохранение положения значительной части рынка в тени. Вместе с тем многоукладность экономики предоставляет и множество возможностей. Важно не столько противодействовать, сколько использовать существующие тренды в попытках управления территориями на государственном и муниципальном уровнях. Дифференциация сельских территорий создает основу для их экономической специализации и общей диверсификации сельской экономики.

Библиография

- Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы (2009) / под ред. Т. Е. Кузнецовой. М.: Институт экономики РАН.
- Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России // Ответы географа. М.: URSS. Т. 456. С. 15–73.
- Нефедова Т. Г. (2006). Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // Отечественные записки. № 1.
- Тюменьстат. Структура производства основных продуктов животноводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов, 2015. http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/edb5ad804d1577bc946dbfc5b34c73c1/структура.htm. Структура производства основных продуктов растениеводства по категориям хозяйств в Тюменской области без автономных округов, 2015. http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/138288804d1577a493efbbc5b34c73c1/структура+раст.htm.
- Фадеева О. П. (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Mapping Multistructural Rural Economy: Suburban and Peripheral Areas of the Tyumen Region

Alexander Sheludkov, Analyst, Association "Council of Municipalities of the Tyumen Region", post-graduate student of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetnyi per., 29, Moscow, Russia 119017. E-mail: a.v.sheludkov@gmail.com.

Sergei Rasskasov, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Modern History, Tyumen State University, 6 Volodarskogo St. 625003 Tyumen, Russia. E-mail: sergei.rasskasov@gmail.com.

А. В. Шелудков,
С. В. Рассказов
Карта
многоукладности:
пригородные
и периферийные
зоны Тюменской
области

The article considers the geographical prerequisites for the development of multistructural rural economy. The authors use departmental statistics and the data of the Federal State Statistics Service to show the differences of social-economic landscapes in remote and close to centers rural areas. Such differences determine the domination of particular economic agents, and the specialization of rural areas by forms and sectors of agriculture. For instance, commodity production, agribusiness and private farms concentrate around the cities; here a suburban area of agriculture is developing supported by the pendulum migration; large enterprises are fully integrated in the formal market and win the competition for land resources, especially in grain production, while the farmers can benefit from the development of service industries or narrow economic niches. In the peripheral areas of the southeast, there are smallholdings, peasant farms and cooperatives. People use household plots and free land to develop dairy and meat husbandry, to grow potatoes and vegetables, and to produce honey. The owners of large household plots can be considered potential farmers, but due to the high institutional barriers they retain a semi-legal status. In general, settlements of the sub-region teeter on the edge of formal (cooperatives and peasant farms) and informal (smallholdings, secondhand dealers, etc.) economies. Large-scale enterprises can also work here, but usually they act as external players exploiting resources of the periphery and not taking care of local communities. However, the situation is not static, its vectors of development include economic and social risks associated with the gradual displacement of small and medium agricultural producers by large enterprises, and with the dependence of peripheral farms on the intermediary structures. At the same time, the multistructural economy creates new opportunities such as economic specialization of villages and diversification of rural economy. This research was conducted as a part of the complex research project of the Council of municipalities of the Tyumen region.

Keywords: multi-structural economy, rural economy, rural settlements, rural municipalities, social-economic polarization, center-periphery structure.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-102-114

References

- Mnogoukladnost' Rossii (2009): istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy* [Multistructural Russia: Historical Roots, Current State, and Prospects] / Pod red. T. E. Kuznetsovoy. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Nefedova T. G. (2013) *Desyat' aktualnykh voprosov o selskoi Rossii. Otvety geografa* [Ten Urgent Questions about Rural Russia. Answers of a Geographer]. Moscow: URSS.
- Nefedova T. G. (2006) *Mnogoukladnost' sel'skoi ekonomiki i khozyaistvennaya samoorganizatsiya sel'skikh obshchestv* [Multistructural rural economy, and economic self-organization of rural communities]. *Otechestvennye zapiski*, no. 1.
- Tyumenstat (2015) *Struktura proizvodstva osnovnykh produktov zhivotnovodstva po kategoriyam khozyaistv v Tyumenskoy oblasti bez avtonomnykh okrugov* [Structure of the

livestock production by categories of farms in the Tyumen Region without autonomous districts] // URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/edb5ad804d1577bc946dbfc5b34c73c1/struktura.htm (Access date: 06.04.2016).

Struktura proizvodstva (2015) osnovnykh produktov rastenievodstva po kategoriyam khozyaistv v Tyumenskoj oblasti bez avtonomnykh okrugov. [Structure of the crop production by categories of farms in the Tyumen Region without autonomous districts] // URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/138288804d1577a493efbbc5b34c73c1/struktura+rast.htm (Access date: 06.04.2016).

Fadeeva O. P. (2015) *Sel'skie soobshchestva i khozyaistvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development] / Pod red. Z. I. Kaluginoy. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.

Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти

(на примере Северо-Запада РФ)

О. Б. Божков, С. Н. Игнатова

Олег Борисович Божков, старший научный сотрудник Социологического института РАН. 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Светлана Николаевна Игнатова, научный сотрудник Социологического института РАН. 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14. E-mail: s-ignatova@yandex.ru.

Практики согласования интересов, взаимодействия и противостояния местной власти и предпринимательства в рамках сельского социума играют важную роль в развитии российского села. Авторы статьи пришли к выводу, что функция формирования бизнес-климата на селе концентрируется на уровне районной власти при полном отсутствии у местного самоуправления рычагов взаимодействия с предпринимателями. Успешность предпринимательской активности в сельском хозяйстве в равной степени определяется стратегией руководства района (и области) в отношении этой отрасли, а также человеческим и социальным капиталом руководителей предприятий. Можно говорить о «вотчинном» характере выстроенной модели, когда руководитель района определяет внутреннюю политику исходя исключительно из собственных целей и задач с постоянной оглядкой на требования области. Эта политика может либо способствовать развитию сельского хозяйства на локальном уровне, либо работать только на его сохранение без каких-либо перспектив роста. Полученные выводы основываются на результатах многолетних исследований периферийных сельскохозяйственных районов нечерноземной полосы РФ. Несмотря на территориальную близость и сходство географических и климатических условий, каждый из обследованных районов имеет свою стратегию в отношении развития сельскохозяйственного бизнеса. Таким образом, наиболее интересные и разнообразные практики можно наблюдать на уровне района, так как именно здесь создаются конкретные, а не общие условия для функционирования конкретных сельскохозяйственных предприятий. Представленный анализ подтвердил первоначальное предположение о том, что необходимо провести типологический анализ территорий и выделить кластеры, сходные по многим параметрам, для разработки единой модели развития сельских территорий РФ.

Ключевые слова: институт местной власти, бизнес-среда, сельскохозяйственное производство, практики взаимодействия.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-115-130

В статье мы остановимся на проблемах функционирования двух значимых общественных институтов — местной власти и предпринимательства, их взаимодействии и противостоянии в рамках сельского социума, а также их роли в преобразовании российского села. Анализ практик согласования интересов институтов местной власти и предпринимательства на локальном уровне крайне важен для понимания институциональных структур, сложившихся к настоя-

щему моменту, и перспектив их дальнейшего развития. Многолетние исследования показали важную роль такого взаимодействия для стабилизации состояния сельских территорий. Оба института прошли путь реформирования в 1990–2000-х годах. Успешность предпринимательской активности в сельском хозяйстве по преимуществу определяется стратегией руководства района (и области) в отношении этой отрасли, а также человеческим и социальным капиталом самих руководителей предприятий.

Говоря о взаимоотношениях власти с сельским бизнесом, под властью мы понимаем районное руководство, так как взаимодействие местного самоуправления (главы поселений и/или муниципальных образований) с бизнес-сообществом сведено до минимума. Законодательная база сформирована таким образом, что местное самоуправление лишено возможности влиять на бизнес-среду на своей территории. Эта функция полностью в руках района, он оказался единственным обладателем и распорядителем ресурсов. Таким образом, из схемы взаимодействия органов власти и бизнеса полностью ушел элемент контроля снизу. Экономический потенциал района и ресурсный потенциал его руководителя являются тем фундаментом, на котором и формируются стратегии районов в отношении бизнеса, в частности сельского хозяйства. Контроль идет исключительно сверху — область требует отчетов по самым разным показателям. Отсюда складывается ощущение «вотчинного» характера выстроенной модели, когда руководитель района определяет внутреннюю политику исходя исключительно из своих целей и задач с постоянной оглядкой на требования области. Эта политика может либо способствовать сохранению и развитию сельского хозяйства, либо работать только на сохранение, дабы не «портить отчетность».

Таким образом, наиболее интересные и разнообразные практики можно наблюдать на уровне района, так как именно они создают конкретные, а не общие условия для функционирования конкретных сельскохозяйственных предприятий. Именно этот уровень характеризует бизнес-климат на селе. Практики здесь самые разнообразные, в большинстве случаев они формируют осознанные, хотя не всегда артикулируемые, но оправдавшие себя стратегии. Недостатки политики макроуровня: кредитной, информационной, организационной и т. д. — подчас в той или иной степени компенсируются именно на районном уровне.

Характеристика обследованных районов

Полученные выводы основываются на результатах многолетних исследований (2004–2009 гг.) периферийных сельскохозяйственных районов нечерноземной полосы РФ (исследования проводились в семи районах Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленин-

градской областей РФ)¹. Районы, включенные в зону обследования, являются типичными для периферийной России, где сельское хозяйство традиционно являлось одной из ведущих отраслей производства. Все эти районы компактно расположены в зоне бассейна реки Молога, однако они существенно различаются по уровню развития. На настоящий момент Бабаевский, Кадуйский и Бокситогорский районы можно рассматривать как преимущественно промышленные; Максатихинский, Лесной и Устюженский — как типично сельскохозяйственные; Пестовский район, по нашим оценкам, занимает промежуточное положение, так как, имея сельскохозяйственный статус, обладает обширным лесным производством, включая крупнейший деревообрабатывающий комбинат Северо-Запада, производство металлоконструкций, МПС-станцию.

Несмотря на территориальную близость и сходство географических и климатических условий, каждый из обследованных районов имеет свою специфику сельскохозяйственного производства в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин. И причины эти, как оказалось, вовсе не связаны с сельскохозяйственным или промышленным статусом. Руководство промышленного района может долгие годы выстраивать целенаправленную политику сохранения сельскохозяйственного потенциала любыми доступными способами, осознавая важность данной отрасли для поддержания сельской территории (Кадуйский район), или полностью развалить сельскохозяйственную отрасль, свернув работу практически всех предприятий (Бокситогорский район).

Мы банкротить не банкротили. У нас же тут много всяких перемен было. И в связи с этими переменами мы, наверно, и сохранили хозяйство. Может, мы где-то нарушали... закон. Но по крайней мере мы сделали все возможное для того, чтобы не обанкротились эти хозяйства (начальник отдела сельского хозяйства, Кадуйский район).

У нас принято на территории района неофициально винить в этом директоров совхозов [которые бросили убыточные хозяйства и полностью переквалифицировались во владельцев лесозаготовительных

-
1. В рамках проектов РГНФ № 04-03-00367 «Сельские руководители среднего и низового звеньев в условиях кардинальных социально-экономических и политических реформ» и № 07-03-00571 «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материалах Северо-Западного региона РФ)». В ходе реализации названных выше проектов проводились социологические экспедиции по деревням четырех субъектов РФ (Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской областей). Было проведено сплошное интервьюирование руководителей районных администраций, управлений или отделов сельского хозяйства, глав сельских поселений, руководителей и собственников сельскохозяйственных предприятий, расположенных на обследуемых территориях. База данных состоит из 175 глубинных интервью.

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные
практики взаимо-
действия бизнеса
и власти (на при-
мере Северо-
Запада РФ)

предприятий], винить прежнюю власть на уровне района (М., 47 лет, руководитель Бокситогорского района).

То же относится и к сельскохозяйственным районам. В одних сельское хозяйство еле выживает (Максатихинский район), в других сравнительно успешно и даже является образцовым по некоторым видам продукции (Лесной, Устюженский районы).

Вот лесовцы — молодцы, вообще у них сельское хозяйство... как-то вот друг дружке они... А у нас этого нет... Даже местная власть не обращает внимания на деревню. Я ездил в Лесной район, там с ребятами пообщался. Там очень умный начальник управления сельского хозяйства. Очень умный и грамотный человек. Вот он так посоветовал. Они вообще ушли все в крестьянско-фермерское хозяйство (М., 43 г., председатель СПК, Максатихинский район).

В силу огромного разнообразия практик и стратегий взаимодействия районов с сельскохозяйственными предприятиями различной формы собственности мы сделали вывод, что разработка единой модели и единого прогноза развития сельских территорий РФ практически не имеет смысла. В такой ситуации анализ должен быть направлен на поиск общего и особенного в практикуемых стратегиях различных субъектов хозяйствования.

Описание выявленных типов практик

В результате анализа способов взаимодействия руководства районов с сельхозпредприятиями, находящимися на территории, была составлена классификация практик их взаимодействия. Дадим их общие характеристики.

Инвестор — крупное предприятие

Особенность этой практики состоит в поиске руководством района крупного предприятия, которое могло бы инвестировать если не в развитие, то хотя бы в сохранение сельскохозяйственного производства. Даже в нечерноземной области руководство некоторых районов смогло найти временных или постоянных крупных инвесторов в сложные для сельского хозяйства годы (ПАО «Северсталь», ОАО «Череповецкий молочный комбинат», ООО «Бабаевский известняковый завод», ООО «Русский лес» и др.). В основном нахождение такого партнера — это многолетняя целенаправленная работа районного руководства. Иногда, чтобы сельхозпредприятие было экономически интересным для потенциального инвестора, по требованию и под непосредственным руководством района осуществлялась концентрация производственной базы — несколь-

ко мелких предприятий объединялись в одно. И если колхозниками такая практика воспринималась неоднозначно, то конечный результат показал эффективность подобного пути.

Мы стали искать инвесторов. Вот «Надежду», я уже говорил, лесник забрал. Вот, значит, эти хозяйства... намыкались, потыкались ой-е-ей, как мы их там всяко... Вот один придет — не получается. Мы ему отказываем, начинаем другого искать. Не так-то просто было. Я, например, выезжал... Когда стало известно, что Череповецкий комбинат выкупает хозяйства, сделали им предложение. Были переговоры, ставились обеими сторонами условия (начальник отдела сельского хозяйства, Кадуйский район).

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные
практики взаимо-
действия бизнеса
и власти (на при-
мере Северо-
Запада РФ)

Инвестор-индивид

В качестве такого инвестора, как правило, выступает самостоятельный предприниматель, независимый от руководства района. Его ориентация на сельское хозяйство — это реализация определенной внутренней установки: от желания спасти умирающее предприятие до понимания личной выгоды инвестирования в сельскохозяйственное производство. Эта ситуация — везение для местной власти, но и большой недостаток, так как у нее нет почти никаких рычагов влияния на такого инвестора.

Инвестор-предприниматель

Это успешный многопрофильный средний или мелкий предприниматель, чаще всего владеец пилорамы, магазина и других объектов. Он существенно зависим от местной власти как на селе, так и в городе. Ему «предлагают» стать руководителем с/х предприятия, в которое он вынужден вливать инвестиции — доходы от своей многопрофильной деятельности, и он не в состоянии отказаться от разорительной нагрузки, чтобы не испортить отношения с руководством района и соответственно не поставить под удар свое основное предприятие. Данный случай выгоден для местной власти, поскольку можно рапортовать, что для умирающего предприятия нашли инвестора.

Однако в этом случае возникает существенная проблема — такой инвестор не всегда способен создать условия для развития «подвешенного» на него предприятия. Кому-то удастся наладить эффективное производство в кардинально иной отрасли, здесь часто сказываются крестьянские корни, опыт работы в колхозах, совхозах в советское время, кто-то просто финансирует непрофильный для него бизнес. Например, собственник предприятия по производству металлоконструкций неожиданно стал одновременно директо-

ром отстающего СПК или хозяйка пяти магазинов на территории района оказалась руководителем убыточного ООО.

Уникальный объект

В нашей выборке такой один: это не сельскохозяйственное предприятие в чистом виде, а учебное заведение, которое тем не менее успешно выпускает товарную сельхозпродукцию (молоко, картофель, овощи). Районное руководство не приложило ни малейших усилий, чтобы сохранить и поддержать это уникальное предприятие, однако его можно предъявить любому начальству и получить соответствующие бонусы. Это просто подарок для местной власти. В данном случае Бокситогорский сельскохозяйственный лицей выжил благодаря поддержке соседнего района и тому, что лицей находился также в подчинении областного отдела образования.

А в Бокситогорском районе все развалилось. Ну, мы с Тихвинским отделом по сельскому хозяйству поддерживаем нормальный контакт. Благодаря этой структуре Тихвинский район сохранился (М., 57 лет, директор лицея, Бокситогорский район).

Показательное предприятие

Отличие от предыдущей практики в том, что такие предприятия не безразличны районному руководству. Как правило, это не обычные среднестатистические ТОО, СПК, ООО и т. д., а обладающие некой изюминкой, которую для района крайне выгодно демонстрировать любым вышестоящим органам управления. Естественно, подобное предприятие необходимо опекать. Например, в Пестовском районе это немолодая семья городских жителей, которые стали успешными фермерами, а в Бокситогорском, напротив, молодой человек, ведущий многопрофильное фермерское хозяйство, включающее рыбное производство.

Вообще-то нам администрация всегда помогала, шла навстречу... Вообще доброжелательно относилась... Да, они в смысле советом, в управлении. Стараются помочь, что в их возможностях (Ж., 55 л., руководитель КФХ, Пестовский район).

Сейчас глава администрации пришел — очень грамотный человек... Чувствуется, пошли движения в районе. Вот даже учился три года, как он стал хозяйствовать здесь [в том числе рыбному производству]. И вроде как инвестиции пошли в район (М., 43 г., руководитель КФ, Бокситогорский район).

«Свой человек»

Это не обязательно родственник/свойственник или хороший знакомый руководителя района, но и просто «полезный» человек, со связями. В свое время ему оказывается помощь и поддержка в назначении (или выборах) на должность руководителя сельскохозяйственного предприятия или в организации такого хозяйства. На этом поддержка не заканчивается — это предприятие попадает в различные программы (государственные, областные, районные), направленные на развитие села и сельского хозяйства. Таким образом, данное предприятие оказывается одним из самых успешных на территории района и укрепляет политический и экономический капитал руководителя района.

50% — это безвозмездно. То есть 50% мне дает государство, мне надо комбайн купить или трактор, так я 50% могу с молока, с мяса закупить вот эту вещь, а 50% — с государства. А если скотину, так это вообще 70%. Если я в прошлый год купил 204 головы за 30%, то государство мне 70% сразу дало. <...> И если мне надо, например, отремонтировать двор, менять молокопровод или еще чего-то, то есть такие ремонты на ферме, то опять же государство дает 50% (М., 55 лет, руководитель ООО, Устюженский район).

Вот тогда, помните, был брошен призыв, что можно еще удержаться, сохранить, если к действующим хозяйствам присоединить, включить в программу областную, помочь. Что мы и сделали. [В начале 2000-х организовал новое хозяйство и присоединил к нему два умирающих предприятия, поскольку тогда активно реализовывалась областная программа финансовой помощи неплатежеспособным хозяйствам]. Так что вот эта программа губернаторская сработала и сработала вот в нашем хозяйстве, я считаю, хорошо (М., 60 л., руководитель СПК, Устюженский район).

Молодой руководитель

Возрастной состав руководящих кадров достаточно важный отчетный показатель успешности работы района, поэтому почти все руководители районов занимаются поиском молодежи для тех сельхозпредприятий, где предыдущий председатель (директор) собрался на пенсию или совершенно не справляется с ситуацией. Большинство из молодых не обладают ни достаточной квалификацией, ни опытом руководящей работы, и самостоятельно, без постоянной помощи и поддержки района не в состоянии грамотно управлять, тем более что многие хозяйства к данному моменту уже давно находятся в кризисе. Там, где молодому руководителю поддержки

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные
практики взаимо-
действия бизнеса
и власти (на при-
мере Северо-
Запада РФ)

нет, предприятие скатывается на уровень самотека, и будущее его незавидно — постоянное бегство от долгов с перспективой банкротства. Но там, где район пестует выбранных им руководителей, стоит только удивляться размерам оказываемой помощи, которую не получают другие предприятия.

Да, он очень нам помогает... Вот в этом году, когда встала на эту должность, мне и так было страшно, и он всех молодых специалистов поддерживает тем, что он нам выплатил долг по заработной плате, 250 тысяч, сразу. Хозяйству. Потом мы произвели реконструкцию фермы тоже за счет района; два с половиной миллиона ушло на реконструкцию фермы. Не знаю, какие деньги там были, то ли нефтяные, то ли какие. Из чего-то он находил. С кредитами мы начали работать, так он выступил гарантом, чтобы нам давали эти кредиты (Ж., 41 г., руководитель СПК, Пестовский район).

Самодостаточный предприниматель

Самый неудобный для местной власти случай. Но это оптимальный вариант для сохранения и развития не только сельскохозяйственного производства, но и территории. Такой предприниматель, как правило, независим от районного руководства, ведет прибыльное производство даже в условиях отсутствия помощи и дотаций со стороны района/области. Собственно, именно такие хозяйства являются опорой экономики района, у них высокие производственные показатели, они самостоятельно решают все возникающие проблемы. Чаще всего подобное положение дел — наследие разумной производственной политики самих руководителей предприятий в сложные годы реформ, возможно, хорошая производственная база прошлых лет и самое главное — эффективное текущее руководство.

Они [руководители района] уважают тех, кто работает. Каждый год как руководителю ценные подарки дарят. И материальную помощь, бывает, выделяют. Небольшую, но выделяют. В общем, кто работает, кто платит налоги, и спят спокойно, к ним отношение хорошее (М., 64 г., руководитель СПК, Максатихинский район).

Однако даже такое предприятие не защищено от произвола районного или областного начальства. Например, если фонды предприятия или земельные участки оказались предметом интереса высокопоставленного руководителя, всегда найдутся способы предприятие фактически уничтожить. Можно скупать земельные паи через подставных лиц, объявить участки земли изъятыми для осуществления государственных нужд, найти иные способы экономического давления. Такой случай мы наблюдали в ходе нашего исследования.

Колхоз — фермеры

Это еще одна практика «вытаскивания» провальных предприятий, если есть адекватный фермер, на которого можно положиться.

Законодательная база в области сельского хозяйства построена таким образом, что у фермера более выгодные условия налогообложения, возможности получения кредитов и т. д. К тому же в данном случае предприятие полностью переходит в зону ответственности его владельца, а плоды улучшающихся показателей пожинает район. Районному руководству все равно хотелось бы иметь какие-то рычаги взаимодействия на такое предприятие, а потому будущие фермеры должны быть не самодостаточными, абсолютно самостоятельными предпринимателями, а все-таки хоть в чем-то зависеть от руководства: это необходимость консультационных услуг, возможность пользоваться связями и знакомствами, помощь в оформлении кредитов и просто затягивание процесса передачи предприятия в собственность.

В безвозмездное пользование нам его дали на пять лет. С переходом в частную собственность. — А вы уверены, что через пять лет все перейдет вам? — Мы не уверены. И вот сейчас уже мы начинаем оформлять, потому что уже забывается то, что даже мы, когда этот колхоз взяли, сто тысяч еще выплатили долгов за него (Ж., 39 л., М., 40 л., руководители КФХ, Пестовский район).

Встав на ноги, вышедшие на хорошие показатели фермеры, напротив, стремятся к полной самостоятельности и независимости. Дальнейшая ступенька их развития — это самодостаточное предприятие. Кстати, многие такие предприятия начинали именно как крестьянско-фермерские хозяйства, созданные на базе уцелевших колхозов (совхозов).

Самотек

Данная практика чаще всего распространяется на уже давно убыточные предприятия либо находящиеся на грани выживания. Районное руководство не испытывает к ним никакого интереса, если оно не видит возможности их развития, не нашло соответствующего руководителя, если предприятие само по себе не очень-то нужно району (например, в данной области достаточно мест приложения труда и отсутствие сельхозпредприятия не создает социальной напряженности, не подрывает организацию сельского социума). Собственно, выжить такие предприятия могут только за счет энергии своего руководителя, его заинтересованности, так как иных ресурсов у них нет.

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные
практики взаимо-
действия бизнеса
и власти (на при-
мере Северо-
Запада РФ)

Руководители таких хозяйств совершенно иначе оценивают свое взаимодействие с районом, а именно как полное отсутствие взаимодействия.

Ну вот нам обещали помочь, потому что у нас же много строительства этого и денег-то за эти земли район много получает. Но вот нашему колхозу несколько не помогали. Хотя мы вот страдаем больше всех. Как вот у нас, например, В.П. говорит, что за наш колхоз он не волнуется в смысле, если мы закроемся. То есть люди здесь смогут найти работу (Ж., 50 л., руководитель СПК, Пестовский район).

Активная помощь плюс контроль

Эта практика реализуется исключительно для поддержания «хороших» показателей района. В каждом из обследуемых нами районов находились предприятия, которые смогли преодолеть тяжелые времена, выжить в непростых условиях, но продолжают испытывать большие трудности. Конечно, основой их современного благосостояния являются процедуры списания или консервирования долгов, массовые бегства с функционирующими основными фондами в другие предприятия. Но так сложилось, что они умудряются сводить концы с концами и почему-то еще не умерли. Учитывая необходимость для районного руководства поддерживать хоть как-то сельское хозяйство, чтобы не лишиться своих должностей, такие предприятия, безубыточные, выживающие из последних сил чаще всего за счет грамотного управления, очень выгодны для района и требуют некоторой функциональной помощи и постоянного контроля за их состоянием. В районах, где есть финансовые средства, предприятия могут рассчитывать на небольшую помощь, например в покупке какого-то мелкого оборудования или в оформлении кредита, поиска залоговой базы. Это могут быть и квалифицированные советы со стороны работников управления сельского хозяйства, которые в большинстве своем сохранились в районах, остались влияния, связи, знакомства, которые так необходимы в повседневной хозяйственной деятельности.

Помогают, помогают. В этом отношении болеют за колхоз. И районная администрация, и управление сельского хозяйства. Ну вообще с любой помощью к ним обращаемся — помощь они оказывают. И подскажут, где что лучше, где эффективнее, где экономнее то-то и то-то сделать. Что в растениеводстве, что в животноводстве (Ж., 56 л., руководитель ООО, Максатихинский район).

Они нас контролируют постоянно. Приезжают, помогают, советуют, наставляют. Ну как, помощь оказывают — вот когда я заступил, например, была задолженность по зарплате большая, так почти всю погасили (М., 45 л., руководитель СПК, Пестовский район).

Таблица 1. Распространенность различных практик взаимодействия власти и бизнеса на селе

Практика	Тверская		Новгородская		Вологодская		Ленинградская	Итого
	Максатихинский	Лесной	Пестовский	Устюженский	Кадуйский	Бабаевский	Бокситогорский	
Инвестор — крупное предприятие				1	2		1	4
Инвестор-индивид	1			1	1	1		4
Инвестор-предприниматель	5	1	1		2	3		12
Уникальный объект							1	1
Показательное предприятие			1	1			1	3
«Свой человек»			3	2				5
Молодой руководитель			3					3
Самодостаточный предприниматель	4	4	1	7		1		17
Колхоз — фермеру		2	2			1		5
Самотек	7	1	1	1		2		12
Активная помощь плюс контроль	2		2					4

Еще при построении данной классификации мы заметили, что границы между практиками очень подвижны. Некоторые из них обладают потенциалом трансформации в другие практики под воздействием внешних (политика района по отношению к сельскому хозяйству) или внутренних условий (социальный и человеческий капитал руководителей хозяйств). Такая трансформация может стать как позитивным, так и негативным фактором развития сельского предприятия. Например, практика «колхоз — фермеру» со временем при определенных условиях может преобразоваться в практику «самодостаточный предприниматель». По нашим наблюдениям «свой человек» достаточно часто является инструментом перехода к практике «показательное предприятие». Некоторые практики включают в себя элементы других, например практика «молодой руководитель» сочетается с практикой «активная помощь плюс контроль».

Рассмотрим, как распространены описанные практики по исследованным районам (табл. 1)

При анализе таблицы хорошо видно, что практики являются элементами стратегии, которую формирует каждый район в отношении сельского хозяйства. Заметим, что с помощью разных практик может быть реализована одна и та же стратегия. В то же время использование в разных районах одних и тех же практик далеко не всегда свидетельствует о сходстве стратегий поддержки сельскохозяйственного производства.

Наиболее дифференцированную сельскохозяйственную политику демонстрирует руководство Пестовского района Новгородской области. Здесь активно используется наибольшее число практик. Иными словами, руководство района во взаимодействии с сельскохозяйственными предприятиями старается учитывать их индивидуальные особенности, с тем чтобы найти оптимальный режим управления и контроля за сельскохозяйственным бизнесом. Это некий вариант местного феодала, который на вверенной ему территории стремится выстроить экономически и политически выгодную систему взаимосвязей, что позволяет ему хорошо выглядеть перед областным руководством. Такая забота находит отклик у руководителей тех хозяйств, которые получают от него значимые предпочтения, а это большая часть предприятий района.

Я лично В.П. уважаю. Мне нравится, как он нас заставляет работать. И требует с нас. У нас вот ежемесячно, в конце месяца проводится собрание, чтобы отчитаться, как, что сделано и сколько (Ж., 50 л., руководитель СПК, Пестовский район).

А в некоторых наших районах уже вообще сельского хозяйства нет, Окуловский например. Там сельского хозяйства вообще нет, все уже. У нас еще хорошо, что хозяйства сохраненные благодаря нашему главе (Ж., 41 г., руководитель ООО, Пестовский район).

Новое руководство Бокситогорского района, пришедшее на смену тем, кто почти под ноль развалил здесь сельское хозяйство, оказалось в тяжелой ситуации. Оно было вынуждено идти за естественной логикой развития ситуации в сельском хозяйстве района и реализовывать демонстративную стратегию поддержки сельского хозяйства, опираясь на те немногие предприятия (всего три), которым удалось выжить и сохраниться.

В большинстве других районов есть доминирующие типы практик. Например, в Максатихинском районе, где находится 20 работающих сельскохозяйственных предприятий, наиболее часто используются две практики: «инвестор — предприниматель» и «самотек». Заметим, ни в одном другом районе последняя практика не применяется так часто. Эти же практики являются ведущими и в Бабаевском районе, где действующих сельхозпредприятий в два

раза меньше. Именно в данных районах руководители хозяйств сетовали на отсутствие должного внимания и поддержки со стороны районной власти.

Району мы не нужны, области мы не нужны. Живем мы сегодня благодаря сами себе (М., 44 г., руководитель ООО, Максатихинский район).

Ну какая поддержка [руководства района]? Интересно вы говорите. Ну какая может быть от них поддержка. У него есть бюджет, у районного руководства, у него есть закон, в котором ничего для сельского хозяйства не предусмотрено в этом бюджете. Он из него выпрыгнуть не может. Все (М., 58 л., руководитель ИП, Бабаевский район).

Руководство Лесного района в качестве ведущей практики избрало ориентацию на формирование самодостаточных предприятий. И похоже, оба колхоза, которые здесь были переведены в статус фермерских хозяйств, имеют тенденцию движения в сторону самодостаточных, то есть успешных.

Глава администрации у нас очень хороший, он бывший председатель колхоза. Район-то у нас сельский все, у нас нет промышленности. Он отвечает требованиям, я считаю, этого района, потому что он знает толк в колхозах и как жить надо, обращает внимание. Ну, нам-то он чего, мы сами по себе. Вот за сельское хозяйство он переживает много, побольше старается для тех, кто слабоват... А нам ничего не надо, у нас все свое, все в собственном соку, вот, мы ничего у него не просим (М., 70 л., руководитель КФХ, Лесной район).

Руководство Кадуйского района выбрало практику поиска инвесторов в сельское хозяйство, проведя предварительную работу по концентрации производства с целью большей привлекательности для крупных инвесторов. Как видим, в этих районах используются разные практики взаимодействия власти с предпринимателями, но стратегия в обоих случаях одна. Однако отношение к ней со стороны сельских предпринимателей разное: в Лесном районе и практики, и сама стратегия вызывают поддержку «снизу». Тогда как в Кадуйском районе руководители недовольны тем, что предприятия «проданы» инвесторам, но вынуждены согласиться, что им обеспечены рост и развитие.

Устюженский район оказался самым непростым для анализа, так как, с одной стороны, выделяется одна доминирующая практика, а с другой — наблюдается разнообразие практик по отношению к конкретным предприятиям. Создание кластера самодостаточных предпринимателей скорее счастливое стечение обстоятельств, которое относится к периоду середины 1990-х годов, когда в Вологодской области реализовывалась программа развития картофеля-

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные
практики взаимо-
действия бизнеса
и власти (на при-
мере Северо-
Запада РФ)

ного фермерства, а в Устюженском районе оказалось достаточное количество крепких руководителей, способных в нее включиться. Остальные практики являются результатом работы руководства района по взаимодействию с предприятиями с целью управления территорией и реализации своих экономических и политических целей. В результате самодостаточные предприниматели, практически независимые от руководства района, не испытывают необходимости в контактах с ним. Отношение руководителей других хозяйств зависит от реализуемой по отношению к ним практики. Практики «свой человек» и «показательное предприятие» вполне удовлетворены уровнем и результатами контактов с руководством. Соответственно хозяйства, переданные инвесторам или пущенные на самотек, весьма негативно оценивают работу районного руководства.

Если брать район, не знаю. У нас есть управление сельского хозяйства. Мое лично мнение, я им в принципе и сам говорил, что они занимаются просто бездельем (М., 31 г., руководитель ЗАО, Устюженский район).

Во-первых, голове нашего района я могу спокойно сказать любую доведку, естественно разумную. По двум причинам. Первая причина — я являюсь депутатом сельского собрания и председателем комитета по селу (М., 46 л., руководитель ОАО, Устюженский район).

Если наша классификация практик взаимодействия включила 11 позиций, то число стратегий существенно меньше — более или менее отчетливо прорисовываются три основные стратегии взаимодействия власти и сельского бизнеса (табл. 2). Устюженскому району отведена отдельная строка, поскольку он оказывается в маргинальном положении: к нему можно применить как первую, так и третью из обозначенных в этой таблице стратегию.

Первая (в табл. 2) стратегия вполне позитивна и дает высокие шансы на существование и развитие сельского хозяйства в таком непростом регионе, как нечерноземная полоса РФ. Вторая ориентирована на перекладывание ответственности за развитие сельского бизнеса с плеч района на «зависимого» предпринимателя или самого руководителя хозяйства при минимальной помощи и поддержке или вообще в отсутствие таковых. Если нет достаточных ресурсов у вышеуказанных субъектов производственного процесса, сельское хозяйство в районе возможно, только если его сохранить, но скорее всего оно будет медленно умирать, теряя даже призрачные перспективы на возрождение. Третья стратегия направлена на сохранение данной отрасли в районе, главная ее цель — демонстрация перед вышестоящими инстанциями внимания к ней. Однако грамотный подход руководителя района может даже дать

Таблица 2. Наиболее типичные стратегии взаимодействия власти и сельского бизнеса

Тип стратегии	Район
Сохранение и развитие сельхозпроизводства	Лесной р-н Тверской обл., Кадуйский р-н Вологодской обл.
«Передача» сельхозпредприятия инвестору	Бабаевский р-н Вологодской обл., Максатихинский р-н Тверской обл.
Избирательная поддержка, демонстративное поведение	Пестовский р-н Новгородской обл., Бокситогорский р-н Ленобласти
Показательный район для области	Устюженский р-н Вологодской обл.

О. Б. Божков,
С. Н. Игнатова
Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ)

импульс развитию конкретных предприятий, обладающих определенным потенциалом.

Стратегию в отношении сельского хозяйства, как правило, определяет именно глава района. Перевыборы главы могут привести к смене стратегии и коренному изменению состояния сельского хозяйства в районе.

Заключение

В нашем анализе мы скорее шли за полученным материалом, что дало нам возможность непредвзято описать многообразие практик взаимодействия власти и сельского бизнеса. Представленный анализ подтвердил первоначальное предположение о том, что разработка единой модели развития сельских территорий РФ в настоящих условиях нецелесообразна. Скорее всего необходимо провести типологический анализ самих территорий, выделить сходные по многим параметрам кластеры. Зона нашего исследования как раз и есть пример одного из таких кластеров, но и здесь обнаруживаем заметное разнообразие и условий, и практик.

Мы предлагаем другим исследователям, работающим с сельскими территориями, воспользоваться для анализа предложенной нами классификацией, дополнить ее новыми практиками и обменяться полученными результатами. Только таким образом можно увидеть перспективы развития российского села, обозначить точки роста, на которые стоит обратить особое внимание.

**Regional practices of business and the authorities interaction
(the Russian North-West case)**

СОБРЕМЕННОСТЬ

Oleg Bozhkov, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Head of the Research Center "Biographical Foundation". 190005, Saint Petersburg, 7 Krasnoarmeiskay St., 25/14. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Svetlana Ignatova, Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. 190005, St. Petersburg, 7 Krasnoarmeiskay st., 25/14. E-mail: s-ignatova@yandex.ru.

The coordination of interests, cooperation and confrontation between the local authorities and business within the rural society play an important role in the development of rural Russia. The authors believe that the function of creating the rural business climate belongs to the regional authorities, while the local self-government lacks the levers of interaction with entrepreneurs. The success of entrepreneurial activities in agriculture is determined both by the strategy of local (and regional) leaders in the industry, and by human and social capital of rural enterprises' managers. There is an obvious "patrimonial" model of management, in which the head of the district develops an internal policy based on one's own goals and objectives with an eye on the regional requirements. This policy either encourages the development of agriculture at the local level, or only supports its preservation without any prospects for growth. Such conclusions are based on the results of long-term studies in the peripheral agricultural areas of non-Black-Earth regions of the Russian Federation. Despite the territorial proximity and similarity of geography and climate, each area under study has its own strategy for the development of agricultural business. Thus, the most interesting and various practices can be observed at the district level due to the specific conditions for the local agricultural enterprises. The authors confirmed their initial assumption that it is necessary to conduct a typological analysis of territories and to form clusters of similar (in many ways) areas to develop a single model of rural development for the Russian Federation.

Keywords: local authorities, business environment, agricultural production, practices of interaction.

DOL: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-115-130

Три эпохи — три социологии

Осипов Г. В., Староверов В. И. Село Копанка в измерении трех эпох. Исследовательский проект Г. В. Осипова, В. И. Староверова. М.: Вече, 2014. — 544 с. — (Вехи отечественной социологии). ISBN 978-5-4444-1804-8

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-131-139

Говорят, что с тех пор, как О. Конт подарил слово «социология» мыслителям-гуманитариям, со стороны последних имело место не менее сотни сильных попыток объяснить себе и окружающим, что это за штука такая. Похоже на правду. А если под трехзначным числительным подразумевать «очень много», то получается истинная правда. Я думаю, что число этих попыток приблизительно соответствует числу людей, которые профессионально балуются анализом и синтезом в области обществоведения и предпочитают называть себя именно социологами, а не экономистами, политологами, культурологами и т. д. Так, своя социология была у К. Маркса, который, увидев, сколько вокруг стало появляться марксистов, решил, что сам он таки не марксист. Своя была у В. И. Ленина, который, если верить такому социологу, как Т. Шанин, вносил в нее весьма существенные коррективы не менее чем четыре с половиной раза¹. Своя социология на сегодняшний день и у самого Шанина, который однажды на вопрос коллег, уж не марксист ли он, ответил, что он — «теодоро-шанинист», однако надеется «до конца жизни успеть скорректировать свои взгляды еще раз семнадцать»².

Сколько же социологий вольготно расположилось на страницах коллективной монографии о молдавском селе Копанка? Три — это, конечно, минимум-минимум. На самом деле больше. Но три —

-
1. Шанин Т. (1999). Четыре с половиной аграрных программы Ленина: крестьяне, интерпретаторы Маркса, русская революция // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М.
 2. Современные концепции аграрного развития (1993). Теоретический семинар // Отечественная история. № 2. С. 25.

хорошее число, и чтобы не усложнять анализ текстов, вошедших в опубликованную монографию, остановимся хотя бы на трех. *Во-первых*, это исследовательская школа румынского социолога-аграрника Димитрие Густи. Добротная аналитическая статья об этом интересном явлении в мировом крестьяноведении расположена на с. 92–108 рецензируемого научного издания, и я бы рекомендовал коллегам прочитать ее. Она добавляет к нашему знанию об истории зарубежного крестьяноведения как о работах Фей Сюдуна, Ф. Знанецкого, Р. Редфилда, Э. Вульфа, А. Мандра, Дж. Скотта, Т. Шанина знание о том, что важное место в этом смысловом ряду принадлежит Д. Густи и его сотрудникам-единомышленникам, представлявшим разные дисциплинарные направления в обществоведении. Особенностью их исследований была *монографичность* в смысле единства объекта исследований. Таковым считалась деревня, поскольку в молдавско-румынском контексте было куда как понятно: это и есть суть национального социума. И в рамках каждого исследования какой-то конкретной деревни эти социологи под руководством Д. Густи старались внести свою лепту в достижение наиболее полного представления об изучаемом сельском социуме.

Это несколько иной подход, чем тот, который использовали большинство классиков зарубежных крестьянских исследований (*Peasant Studies*), включая вышеперечисленных. Каждый из них начинал с исследования *своей деревни*, которую постигал год за годом, шаг за шагом, иной раз принципиально изменяя при этом знания в области социологии, прежде усвоенные в университете, и выходя на широкие теоретические обобщения в отношении стран и обществ аграрно-крестьянской цивилизации. Они создавали свои монографии о деревне в обоих смыслах «моно»: одна деревня — один исследователь, которого жизнь заставляет воплощать междисциплинарный подход, ибо иначе крестьянское бытие просто не понять. И в этом случае, и в случае с коллективной монографией конкретного села есть очевидные плюсы. Как мне представляется, для крестьяноведения более органичен универсал-одиночка, поскольку объект его интереса — крестьянин — тоже универсал, хотя и живущий в общине. Просто иначе не выжить, если не умеешь делать множества повседневных дел, из которых состоит деревенское бытие.

В любом случае большому приднестровскому молдавскому селу Копанка повезло стать объектом профессионального интереса коллектива обществоведов под руководством директора Румынского института социологии Д. Густи. До 1918 года село достаточно долго было частью Российской империи, а затем в силу исторических обстоятельств оказалось под суверенитетом короля Румынии. И тут уже нам повезло, поскольку ученые бухарестской школы аграрных исследований в 1934–1937 годах описали в соответствии с канонами своей школы различные стороны бытия Копанки, давая возможность составить представление об этой школе, этой социологии. Приходит в голову странное слово «аддитивность». Я бы никогда

его не употребил, да, собственно, я и не знал его, пока не прочитал рецензируемую книгу о Копанке, где оно употребляется как минимум трижды (с. 5, 9, 428). Заглянул в словарь: есть такое слово, и означает оно (*add — добавлять*) свойство слагаемых влиять на сумму, которая, как нам еще со школы памятно, от их перестановки не меняется, но с удовольствием поменяется, добавь мы еще пару слагаемых. Так вот по итогам коллективного исследования был издан 600-страничный текст на румынском языке, фрагменты которого в русском переводе публикуются в первой части «Села Копанка в измерении трех эпох».

Здесь и сведения о том, как делается мазанка — основной тип жилища в селе; и о демографии и национальном составе сельчан; и очень интересная информация о браках и добрачных отношениях юношей и девушек, в том числе и в межэтническом аспекте; и о том, как обстоит дело со школами, грамотностью, посещением копанчанами библиотеки, их читательскими предпочтениями; и даже о чем-то вроде проявлений обычного права в пику формальным узаконениям. О последнем пишет доктор права, культурные и этнические моменты разбирает сельский учитель и т. д. В сумме получается довольно интересная историческая картинка сельской жизни. Но меня, например, в силу субъективного интереса в первую очередь интересует вопрос о проявлениях общинных отношений в Копанке 1930-х годов. Все, что могу найти в тексте: «Если вступают в супругу с соседом или родственником, то пашут двумя плугами и двумя парами лошадей. Осенью в супругу (товарищество), позволяющую сделать вспашку более качественно, не вступают...» и предельно лаконичное объяснение почему (с. 39). С большой натяжкой можно отнести сюда вывод исследователей о более индивидуалистическом характере румын, «который противопоставлен более общительному характеру русских» (с. 32). Хотя это вырвано мною из контекста о межъязыковом общении, но это все же важно в мировоззренческом плане. Ведь чуть более полувека спустя со всей остротой встанет вопрос: Молдова — «це Европа» или все же ближе к России? Вопрос предельно актуален до сих пор.

Возвращаясь к вопросу, сколько же социологий мирно уживаются на страницах книги о Копанке, не могу не съехидничать: очевидно, что у специалиста по мазанкам Г. Настасе — своя социология, у учителя Д. Барбу — своя, у доктора права В. Котице — своя, а у тех, кто отбирал, какие фрагменты исследования румынских ученых публиковать на русском, какие не стоит, — своя. И меня не оставляет сомнение в том, что нечто очень важное для *моей* социологии осталось на тех 600 страницах, но на русский не переведено. Впрочем, мы договорились, что для ясности картины будем говорить здесь о трех социологиях. Поэтому, отдавая должное румынским исследователям с их «аддитивностью», перейдем к «во-вторых».

А *во-вторых*, это, конечно же, научный коммунизм, который,

как известно, выступал в советский период эволюции российского обществоведения в качестве социально-политической теории марксизма-ленинизма (поэтому, кстати, слова «социология», «политология» были, мягко говоря, неуместны, а жестко говоря, считались выдумками «буржуазных фальсификаторов» общественной науки). В отношении колхозов эти теоретические позиции были сформулированы со всей возможной четкостью и определенностью еще в главе XI Краткого курса истории ВКП(б). Там, к примеру, приводится небольшая цитата из выступления И. В. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, которая удивительно точно отражает главное содержание части II монографии о молдавском селе «Копанка в эпоху послевоенного советского бытия» (с. 109–426). Отметим, что практически в это же время, в 1934 году, коллектив исследователей во главе с Д. Густы приступает к монографическому изучению Копанки.

А цитата такая: «При старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение»³. Спрашивается: могла ли книга «Копанка 25 лет спустя»⁴, подготовленная к выходу в самом уважаемом обществоведами государственном издательстве «Наука» в 1965 году, быть написана под другим углом зрения? Нет, конечно. В это же самое время в другом престижном для гуманитариев издательстве «Мысль» лежал уже набранный в типографии текст другой монографии, также созданной коллективом исследователей-аграрников под руководством В. П. Данилова. Это была монография о коллективизации сельского хозяйства в СССР. Но в рамках того текста предполагалась публикация документов, которые плохо вписываются в такую идиллическую картинку (это был результат «оттепели» — потом подобные документы опять засекретили вплоть до начала 1990-х годов). Набор книги был рассыпан⁵. А вместо этого издательство «Мысль» в том же году опубликовало подробнейшую методичку ректора Высшей школы профсоюзов Г. В. Шарапова о том, как надлежит критиковать антикоммунизм по аграрно-

3. История ВКП(б). (1938). Краткий курс. М. С. 213.

4. Копанка 25 лет спустя (1965) / под ред. В. Н. Елмуратского, Г. В. Осипова, В. Н. Шубкина. М.

5. См. об этом: *Кондрашин В. В.* (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки.* М. С. 162–165.

му вопросу⁶ — главному вопросу российской истории и социологии на все времена.

Авторы «Копанки 25 лет спустя» ударили на опережение. Они за год до публикации «нетленки» Шарапова (которая, кстати сказать, вполне заслуживает отдельного рецензирования как породившая целый жанр в отечественной историко-социологической литературе) провозгласили Д. Густу защитником «буржуазных» отношений в сельском хозяйстве. Впрочем, В. И. Староверов некоторое время спустя дал ему своего рода поблажку в оправдание: «Возглавляемый Густу институт стремился своими многочисленными исследованиями оправдать и защитить буржуазно-боярский режим⁷. Но в данном случае как честный ученый, обобщая итоги обследования села Копанки, он не смог этого сделать. В Копанке социологи обнаружили ту же нищету, то же бесправие, прозябание, деградацию людей, что и во всей Бессарабии, называвшейся в других странах „землей всех бед“. Густу и его коллеги вынуждены были констатировать, что у этого села нет будущего. И это был справедливый вывод для условий боярской Румынии. А о других условиях Д. Густу, отрицавший классовую борьбу, революцию, боялся и помыслить. Но они наступили. После возвращения Бессарабии в семью братских народов она пробудилась для новой жизни. По-новому стала жить и Копанка. Ее социальное возрождение и бурное развитие было зафиксировано результатами второго социологического обследования, проведенного в селе советскими обществоведами... в 1961–1964 гг.» (с. 208–209).

Я с большим уважением отношусь к Владимиру Ивановичу Староверову как видному представителю отечественной аграрной социологии. Такому отношению способствует и его страстная убежденность в необходимости противодействия глобализму и глобализации в современном мире⁸, и факты его биографии и творческого пути (см., например, с. 111). И мне не очень понятно, зачем ему, главному автору-составителю «Копанки в измерении трех эпох», понадобилось отрицать очевидное, утверждая, что вошедшие в монографию тексты о Копанке, изданные в 1965 году и в начале 1980-х годов, написаны вовсе не в русле научного коммунизма, но чуть ли не в пику ему. Вы скажете, быть этого не может. Судите сами — цитирую: «Особо необходимо сказать о теоретико-методологической стороне монографического исследования Копанки

6. Шарапов Г. В. (1966). Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М.

7. См. подробнее: Староверов В. И. (1982). Бухарестская монографическая школа и социологическая система Димитрие Густу // Социологические исследования. № 1. С. 196–205.

8. См.: Староверов В. И. (2013). Глобализация, глобализм, антиглобализм и Россия // Системная психология и социология. № 7. http://www.systempsychology.ru/journal/2013_7/137-staroverov-vi-globalizaciya-globalizm-antiglobalizm-i-rossiya.html.

60-х гг. Его пионерная роль в возрождении отечественной социологии состояла не столько в том, что оно было одной из первых ласточек социологической весны советского обществоведения, сколько в демонстрации шаткости претензий погрязшей к 60-м годам в схоластике, догматизме и сервильности советской философии вкупе с порожденным ею научным коммунизмом, который так и не обрел качеств научной теории, хотя претендовал ни мало ни много на роль ведущего в современном советском обществоведении теоретико-методологического метода для всех прочих социально-гуманитарных дисциплин» (с. 8). Далее утверждается, что подготовленный по итогам исследования Копанки в 1961–1964 годах текст представлял собою «весомую заявку на развитие социологии в качестве науки», однако это вызвало болезненную реакцию со стороны «„гуру“ научного коммунизма», которые доминировали в руководстве советской общественной наукой. «Как следствие, научную монографию с осмыслением результатов исследования Копанки в издательстве „Наука“ заставили переделать путем „облегчения“ ее теоретико-методологических посылок в научно-популярную книгу» (с. 8).

Если это так, возникает простой и логичный вопрос: а кто мешал при подготовке нынешнего издания, вобравшего в себя тексты о Копанке трех эпох и трех поколений и школ исследователей, четко обозначить, какие итоги и выводы исследования начала 1960-х «заставили» выбросить из первоначального, «научного» текста? Причем по идее это должны были бы быть такие теоретические положения, которые находились бы в серьезном противоречии с духом и буквой научного коммунизма. Ничего подобного я в книге не нашел. Напротив, авторы настаивают на том, что в составе боярско-буржуазной Румынии копанцы были обречены на «прозябание» (с. 208, 433); за полтора года в составе СССР советская власть сумела заложить прочный фундамент индустриального преобразования Бессарабии, который за три года повторной румынской оккупации снова был разрушен (с. 434). Послевоенная коллективизация и индустриализация сельского хозяйства «не только не причинили копанцам сколько-нибудь заметных обид и притеснений, но, наоборот, обеспечили крестьянству благоприятные условия для расширенного воспроизводства сельхозпродукции и процветания их социально-экономического и культурно-духовного бытия» (с. 7). А вот развал колхоза им. В. И. Ленина обернулся в 1990–2000-е годы возвратом к дезинтеграции, экономической и духовной деградации (с. 7, 431).

Итак, с «во-вторых» разобрались, и пора переходить к «*в-третьих*», то есть к вопросу о том, с какой еще социологией встретится читатель на страницах «Копанки». Уже понятно, что это отнюдь не либерализм и не «невидимая рука рынка», которыми преисполнены сегодня наши школьные учебники по обществознанию. Так что же? Сформулировать непросто. С моей точки зрения, это ка-

кая-то очень противоречивая попытка уйти от методологии научного коммунизма как одной из версий глобальной теории прогресса, брезгливо отстраняясь при этом от той ее версии, носителями которой во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов стали «горбачевисты» (с. 463) и профессиональные политтехнологи из Кишинева и из-за границы. «Забугорные гости» только за октябрь 1995 года нанесли в Копанку семь групповых визитов, «и вели они себя поучающе-разъяснительно, как миссионеры, несущие туземцам неведомые им ценности рыночной цивилизации, свободы и европейской демократии» (с. 463). В отличие от многих представителей российской общественной науки, привыкших к четкости догматов научного коммунизма и в результате охотно и уютно устроившихся в этой системе новых антикоммунистических догматов, социологи под руководством Староверова этого не сделали. Слишком очевидным было для исследователей Копанки в 1995 году вопиющее расхождение между такой социальной теорией и реальностью большого молдавского в недавнем прошлом колхозного села. Отметим, что историки российской деревни и исследователи ее повседневной жизни 1990-х годов, принимавшие участие в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития»⁹, также весьма критически высказывались по поводу осуществлявшегося тогда аграрного реформирования (за одним любопытным исключением¹⁰).

Наверное, есть своя закономерность в том, что историки и социологи, специализирующиеся на изучении аграрных отношений, лучше других коллег по гуманитарному цеху видят, сколь малопригодны и даже разрушительны попытки либерально-монетаристского реформирования сельского хозяйства в странах, еще вчера по историческим меркам буквально воплощавших аграрно-крестьянскую цивилизацию. Авторы исследований Копанки в 1995 и 2010 годах фактически написали свою «критику антикоммунизма по аграрному вопросу» — жесткую и эмоциональную, ибо писалась она на материале горячих полевых исследований, когда перед глазами были реальные судьбы живых людей. Однако в отличие от одноименного издания 1966 года, автор которого мог опираться на сочинения С. П. Трапезникова и его единомышленников, в этих текстах отсутствует, что называется, позитивная программа.

И это немудрено. Научный коммунизм приказал долго жить. Да исследователи современной Копанки и сами решительно отказались от использования его в этом качестве, претендуя, как было показано выше, чуть ли не на роль его могильщика. А в итоге опубликованные в монографии материалы исследований Копанки в 1995 и 2010 годах содержат лишь констатацию весьма удручающих тенденций в эволюции постсоветской молдавской деревни — и никак-

9. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.

10. Там же. С. 59–60, 62.

го оптимистического социологического прогноза. Возможен ли таковой в принципе при данных обстоятельствах?

Думаю, да. Во всяком случае группе социологов, исследовавших год за годом аналогичную ситуацию в станицах Кубани, деревнях Саратовской и Архангельской губерний, это вполне удалось¹¹. Видимо, тут все дело в методологии и методике исследования. В случае с изучением сельских жителей Кубани, Поволжья и Севера ученые прибегли к методу глубокого интервью — часто с одними и теми же респондентами, но в разные годы, при разных житейских обстоятельствах, тщательно отслеживая изменения с течением времени в их умонастроениях и оценочных суждениях. Здесь (а где же еще?) и обнаруживаются основания для осторожного оптимизма в социологических прогнозах.

Социологи из группы Староверова в 1995–2010 годах к подобному методу практически не прибегали, выступая в основном в роли внешних наблюдателей. Отсюда мрачноватый взгляд на вещи, облеченный в тяжеловесную наукообразную лексику. К примеру, кому-то из исследователей показалось уместным при изложении результатов наблюдений загадочное слово «аддиктивность». Скажем, на с. 508–511 текст книги буквально пестрит этой самой аддиктивностью. При этом понять из контекста, какую смысловую нагрузку несет это слово, совершенно невозможно — по крайней мере для меня. Если речь идет об аддикции, которая употребляется в значении дурного пристрастия вроде наркомании или шопоголизма (англ. — *addiction*), не очень понятно, к чему в последнее время пристрастились жители Копанки. Вообще понять фразы, в которые авторы загнали пресловутую аддиктивность или, и того полнее, аддиктивные aberrации (с. 428), весьма затруднительно. Требуется перевод с русского на русский, который сумел бы удерживать авторскую мысль, что очень непросто. Я даже выскажу в этой связи предположение, что во всех трех вышеупомянутых случаях употребления в тексте монографии слова «аддитивность», которое я в настоящей рецензии приспособил для своих целей, изначально в рукописи стояла аддиктивность. Просто редактор, не обнаружив ее в словаре, подправил слово на одну букровку, а потом, когда аддиктивность пошла массовым порядком, махнул рукой. Забавно, но, по-моему, соответствующие фразы от этого ни выиграли, ни проиграли.

И это я еще ничего не сказал о «контоминациях» (с. 110); о «глокальности» (с. 469), которая на с. 510 превращается в «глокальность»; о «состоянии хаотических блужданий» мировоззрения копанчан, «порождающих нетерпимость поведенческих страстей»

11. Крестьянские жизненные практики (2013). Россия, 1991–2012 / В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская, А. М. Никулин, О. П. Фадеева. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ. Рецензию см.: *Бабашкин В. В.* (2015). Морально-аморальная экономика // Российская история. № 4.

(с. 466); о «пресловутом мультитеоретическом изучении сельской действительности» (с. 511) и т. д. и т. п. В последнем случае настораживает прилагательное «пресловутое», которое в современном русском языке имеет окраску некоторой раздраженности и неодобрения.

А вообще справедливости ради нужно сказать, что монография «Село Копанка в измерении трех эпох» очень интересна и содержательна. В ней много информации, которую стоит подвергнуть дальнейшей «мультитеоретической» обработке. Жаль только, что в издательстве «Вече» в 2014 году авторов не «заставили» переделать тексты части третьей (с. 428–511) в научно-популярные, как это было сделано в 1965 году в издательстве «Наука».

Three epochs—three sociologies

Osipov G. V., Staroverov V. I. Selo Kopanka v izmerenii trekh epoch. Issledovatel'skij proekt G. V. Osipova, V. I. Staroverova [Village Kopanka in the Dimension of Three Epochs: A Research Project].—M.: Veche, 2014.— 544 s.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), professor, Chair of Political and Legal Sciences and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-131-139

* * *

Рогатко С. А. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. [Т. 1] М.: Русская панорама, 2014. — 1024 с. + 80 вкл. ISBN 978-5-9316-5306-8

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-140-147

Рецензируемая книга представляет собой добротный изданный толстый том увеличенного формата (почти 90 печатных листов) — из тех, что, как говорится, приятно взять в руки. Привлекает необычное заглавие: история продовольствия, кажется, еще не становилась предметом изучения в отечественной историографии.

Как сам автор определяет свой предмет и в чем видит свои задачи? «Говоря об объектах и предметах исследования, — пишет он во введении, — хотелось бы остановиться на основном принципе, который лег в основу данной исследовательской работы. Это, в первую очередь, регионально-отраслевой подход к развитию всех агропромышленных и продовольственных проблем, которые волновали наш народ на протяжении более чем тысячелетней истории развития Российского государства» (с. 10). Далее автор еще раз повторяет свое стремление к всеобъемлющему охвату ни много ни мало *всех* аспектов истории сельского хозяйства и пищевой промышленности: «В данном труде (впервые в исторической науке) осуществлена попытка осветить все проблемы, касающиеся продовольственной тематики» (с. 11) и ниже: «...в данном понимании понятие продовольствие пищевыми продуктами населения России включает весь диапазон проблематик, начиная от вопросов землевладения и землепользования, государственного участия и регулирования в решении многих законодательных и структурных проблем до торговых отношений с готовыми пищевыми продуктами общественного и индивидуального питания населения» (с. 12). Определенную исследовательскую задачу, проблему автор не формулирует. Он перечисляет ряд своих предшественников — специалистов разных отраслей знания, писавших в основном в конце XIX — начале XX века, чьи труды им используются. Как можно понять, автор видит новизну своей работы главным образом в ее обобщающем характере.

Обобщать есть что. Кроме краткого введения книга содержит 12 глав, заключение, приложения (статистические таблицы) и вкладки с иллюстрациями на мелованной бумаге (64 страницы черно-белых и 16 страниц цветных). Каждая глава посвящена истории определенной отрасли перерабатывающей промышленности и соответствующей отрасли сельского хозяйства (если таковая имела) на территории Российской империи в границах 1917 года за максимально продолжительный период. Так, глава 1 «Хлебная и мукомольно-крупяная промышленность» включает в себя материал не только по истории мукомолья и хлебопечения, но и по истории земледелия, землевладения, зернового производства и хлебной торговли. История животноводства вошла в две главы: 2 «Мясная промышленность» и 3 «Молочная промышленность». В следующих главах история сельского хозяйства уходит на задний план, уступая место промыслам, собственно промышленности и торговле. Автор пытается держать в поле зрения одновременно и технико-технологический аспект, и экономический, а в ряде сюжетов основное внимание уделяет истории законодательного регулирования той или иной отрасли. Далее следуют глава 4 «Маслобойная промышленность», посвященная растительным маслам (животные масла включены в предыдущую главу) и выращиванию масличных культур; 5 «Рыбная промышленность» — очерк истории рыболовства и рыбной торговли с древнейших времен; 6 «Холодильная промышленность» — очерк технических приемов, применявшихся для охлаждения продуктов с древности, и сведения о развитии холодильного дела в конце XIX — начале XX века; 7 «Винокуренная промышленность» — помимо технико-экономических сведений здесь излагается большой материал по истории правительственной политики; 8 «Виноделие»; 9 «Пиво и медоваренная промышленность»; 10 «Солеваренная промышленность»; 11 «Сахарная промышленность» — здесь автор возвращается и к сельскому хозяйству в части возделывания свеклы. Глава 12 «Прочие (второстепенные) сельскохозяйственные и перерабатывающие отрасли» включила в себя картофелеводство и переработку картофеля, кондитерскую промышленность, производство уксуса, горчицы, минеральных вод и некоторых других напитков, а также торговлю чаем, так называемыми колониальными товарами и др.

Работа, сделанная автором, несомненно, велика и заняла не один год. Книга насыщена и даже пересыщена различным фактическим материалом. Общие сведения из истории сельского хозяйства, техники, права, экономической истории чередуются с описаниями технологических процессов производства и переработки продуктов, со статистическими выкладками, цитатами из законодательных актов и разного рода официальных документов с изложением частных историй бизнеса различных лиц и фирм, возникавших между ними конфликтных ситуаций и тяжб и т. п. По своему характеру книга представляет собой компиляцию из большого чис-

ла работ предшественников и найденных автором архивных материалов. Метод автора, по существу, тот же, что и у средневековых летописцев. При этом все заимствования корректно отмечены ссылками. Число ссылок — несколько сотен на каждую главу.

Чрезвычайная широта темы, практически неподъемная для одного исследователя, и использование преимущественно старой литературы приводят к тому, что книга С. А. Рогатко в ряде случаев воспроизводит чужие ошибки или давно устаревшие сведения.

Например, уже в самом начале главы 1 читатель встречает странное утверждение, что «пшеница, кукуруза, рожь, рис и другие виды злаков распространились по всему свету из процветающих государств в Средней Азии» (с. 17). Курьез, да и только! Родиной кукурузы является Америка. Происхождение ржи до сих пор спорно. Ареал одомашнивания пшеницы и ячменя современные специалисты находят в районах так называемого плодородного полумесяца, простирающихся вдоль восточного берега Средиземного моря через горы северной Сирии и Ирака на юг, по долине Тигра и Евфрата до Персидского залива; датируется этот процесс периодом неолита, когда «процветающих государств в Средней Азии» и в помине не было¹. Ляпсус автора объясняется просто: он в данном случае взял абзац из книги, вышедшей в 1890 г., добавив зачем-то от себя слова «процветающих государств в»². Между тем о распространении сельскохозяйственных культур на территории древней и средневековой Руси существуют специальные исследования археологов (они работают по данной проблеме особенно активно со второй половины XX века)³, которые, кажется, не известны автору рецензируемой книги. Столь же странно выглядят и ссылки на материалы раскопок лишь «первой половины XIX века» в разделе по древней истории скотоводства (с. 132).

Из авторской трактовки «Русской правды» читатель может узнать, что в Древней Руси «существовали „межи ролейные“, то есть межи, произведенные опаливанием для отделения земельных владений одной семьи от другой, а также „дуб знаменный“, то есть межа, сделанная затыпыванием или зачерчиванием» (с. 18). Здесь все перепутано так, что без комментария читателю не разобраться: «межой ролейной» в древности называли границу земельного участка, обозначенную пропаханной бороздой, а «дуб знаменный» — это именно дуб, выбранный как самое долговечное дерево в качестве

1. См.: *Zohary D., Hopf M., Weiss E.* (2012). *Domestication of plants in the Old World*, 4th ed. Oxford: Oxford Univ. Press.
2. *Белов А.И.* (1890). *Историко-статистические очерки производства пищевых продуктов*. СПб. С. 8.
3. *Кирьянова Н.А.* (1992). *Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв.* М.: Институт археологии РАН; *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции*. Т. 1. М.: Наука, 1987; Т. 2. М.: Наука, 1990 и др.

пограничного знака, на который, очевидно, наносились некие соответствующие отметки. Вызывает недоумение, что для составления страниц по землевладению и земледелию Киевской Руси автор использовал диковинный источник — текст ранних лекций Н. А. Рожкова, литографированных еще в 1904 году. Между тем по этому вопросу существует огромная специальная литература.

На с. 23 обращает на себя внимание своеобразная трактовка автором термина «зеленое удобрение», (т.е. удобрение, запаханное некоторыми злаками после своего выхода). Во-первых, злаки пахать не умеют, пашут люди, а во-вторых, сидераты запахиваются перед посевом основных культур, а не после их «выхода». Еще одна странная фраза на той же странице: «В 1830-х годах завершился процесс общинного землепользования среди крепостных крестьян» (с. 23) — оставляет лишь недоуменный вопрос. Возможно, в этой фразе пропущено ключевое слово?

Объясняя сущность традиционного трехпольного севооборота на Руси, автор приводит позаимствованную в одной из книг табличку, из которой следует, что навоз вносился на яровое поле (с. 37), что является ошибкой. Однако спустя несколько страниц (с. 46) у него идет другой фрагмент, из которого явствует, что навозили все же пар, готовя его к посеву озимых, что правильно. Характерно, что автор не замечает противоречия в своих источниках.

Повествуя об изобретениях жатвенных машин, он сообщает: «В 1822 г. в Европе появилась первая машина Ogleset Bronn'a с запряжкой лошадей сбоку» (с. 73). Снова досадная ошибка. Мифический Ogleset Bronn — это в действительности два человека, англичане из Ремингтона: учитель Генри Огль и его компаньон механик Браун⁴. В труде нашего автора этот ляпсус помечен ссылкой на докторскую диссертацию на тему «История развития сельскохозяйственной техники в России» (с. 25).

Там, где автор отходит от компилирования и пытается дать собственную трактовку описываемым процессам, можно заметить, что он склонен преувеличивать прогрессивность российского земледелия. Так, внедрение в практику плодосменной системы он относит к 1830-м годам, говоря, что она «особенно распространилась в центре России», правда, в качестве примера приводит лишь фамилии четырех использовавших ее помещиков (с. 23). В действительности всплеск интереса к плодосмене в 1830-е годы был не более чем модным поветрием, которое охватило «просвещенных» землевладельцев, надеявшихся увеличить свои доходы, но за редким исключением понесших убытки на экспериментах, так что никакого подлинного *распространения* плодосменной системы в России не произошло. Рогатко утверждает: «В России начиная с первой половины XIX в. для уборки травы и хлебов были распространены косилки (ручные и конные), жнеи-косилки, жнеи с ручным (лобо-

4. Ефимов С. (1937). История развития зерновых уборочных машин // История техники. Вып. VI. М. — Л.: ОНТИ. С. 25–26.

грейки) и механическим сбрасыванием, жнеи-сноповязалки, гидеры (колосоуборки) и стриперы (жнеи-молотилки)» (с. 73). На самом деле в первой половине XIX века эти орудия были не только *не распространены*, а большей частью еще и не изобретены. «С появлением волостного земства стали также быстрее решаться вопросы покупки машин и мелкими крестьянскими хозяйствами», — продолжает наш историк на с. 78, говоря о 1880-х годах, видимо не зная, что *волостного* земства в царской России не существовало. Земства были на уровне губерний и уездов, вопрос о создании волостных земств не раз поднимался, но отклонялся царским правительством.

Примеры частных ошибок в книге можно умножить, приведенные выше бросились в глаза лишь при беглом знакомстве. Можно сказать, что столь масштабный труд не может быть свободным от досадных частных погрешностей, и их наличие не является мерой оценки всего труда. Однако возникает вопрос: не стоило ли автору ограничить свой размах, чтобы сделать более качественную работу, хотя бы и меньшего масштаба?

Сводится ли вся книга только к компиляции, есть ли самостоятельная авторская работа, новая информация? Есть. Во-первых, это вставки из архивных материалов. Однако архивный материал использован без должного анализа, в качестве пространных иллюстраций. То же относится и к статистическим таблицам в примечаниях — отрывочные цифровые сведения за отдельные годы, извлеченные из отдельных дел Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Москвы, они не привязаны к тексту и не «работают» в нем. Замечу, что некоторые из этих данных, например по статистике скотоводства начала XX века, тогда же были опубликованы в статистических ежегодниках и нет необходимости ссылаться на архив.

Во-вторых, это авторские периодизации. На них стоит остановиться. Каждая глава завершается краткой «исторической периодизацией отрасли». Причем материал в тексте не группируется по этим периодам, они даются в конце как некий итог «исследования». В наименованиях периодов используется традиционная для советской историографии терминология «формационного подхода», однако в специфической интерпретации. Так, история хлебной и мукомольной промышленности делится на пять периодов: 1) древнерусский (с V–VI вв. до XII в.); 2) феодальный (с XII–XIII вв. до конца XVII в.); 3) капиталистический (с начала XVIII в. до 1860-х гг.); 4) промышленно-капиталистический (1860-е — 1905–1906 гг.); 5) индустриальный или «2-й промышленно-капиталистический» (с 1905–1906 гг. до 1917 г.) (с. 117). Из текста невозможно понять, что автор подразумевает под феодализмом и капитализмом, на каком основании относит к капитализму эпоху расцвета крепостного права, почему капиталистических периодов здесь целых три и чем отличается «2-й промышленно-капиталистический период» от первого, если в нем лишь продолжались те же тенденции?

Примечательно, что история мясной промышленности периодизуется иначе: 1) феодальный период (с X–XI вв. до начала XVIII в.); 2) капиталистический (с начала XVIII в. до 1861–1882 гг.); 3) финансово-промышленный (с 1861–1882 до 1913–1914 гг.) (с. 205). Число периодов сократилось, исчез древнерусский, появился новый термин «финансово-промышленный», верхняя граница «капиталистического» периода стала размытой.

История молочной промышленности снова демонстрирует теоретические новации автора: 1) период натурального хозяйствования («с первых веков древней Руси до конца XVIII в.»); 2) капиталистический (с конца XVIII в. до 1890–1894 гг.); 3) кооперативно-промышленный (с 1894 г. по 1920-е гг.) (с. 265). Как видим, здесь феодализм как таковой исчез, капитализм начался почти на век позже, чем в мясной промышленности, и затем был, очевидно, преодолен кооперацией.

В следующих главах число периодов варьируется от трех до пяти, их названия видоизменяются. Любопытна терминология периодизации солеваренной отрасли: 1) древний/раннефеодальный (XI–XV вв.); 2) феодальный (XVI–XVII вв.); 3) государственно-капиталистический (начало XVIII в. — 1863 г.); 4) капиталистический (1863 г. — конец XIX в.); 5) индустриальный (конец XIX в. — 1917 г.) (с. 781–782). Здесь, как видим, феодализм чрезвычайно задержался в своем формировании, но прошел быстро, государственный капитализм почему-то предшествовал просто капитализму, а индустриальный период оказывается как бы уже не капиталистическим.

Допустим, хронологические границы периодов в каждом отдельном случае имеют основания в эмпирическом материале, однако жонглирование терминами, думается, свидетельствует об отсутствии у автора внятной методологии.

В-третьих, книгу венчает заключение. Здесь видны характерные приметы собственного авторского стиля: тяжелый язык и некоторая невнятность мысли. «Экономическая основа товарно-денежного отношения в древней феодальной агропромышленной интеграции базировалась на производстве сельскохозяйственного сырья, как главного пищевого рыночного продукта» (с. 987) — что это значит? О какой агропромышленной интеграции идет речь в эпоху, когда не существовало индустрии? Почему «сельскохозяйственное сырье» называется «пищевым рыночным продуктом»? Почему «товарно-денежное отношение» в единственном числе?

Далее в том же духе: «Рыночные предложения пищевых продуктов базировались как на внутрикорпоративных технологических традициях архаичной продовольственной корпорации, так и на тех привнесенных стандартах качества, которые приходили на Русь с Востока и Запада» (с. 988). Автор явно склонен наделять общепринятые термины, такие как «агропромышленная интеграция», «продовольственная корпорация», «рыночное предложение» и др., некими собственными смыслами, проникнуть в которые читателю

сложно. Более или менее ясно только, что понятие «агропромышленная интеграция», возникшее во второй половине XX века, обозначает у него не процесс сближения сельскохозяйственного производства с перерабатывающей промышленностью, характерный для определенного этапа развития производства и рынка, а скорее некий извечно существующий институт.

Итоговый тезис выражен таким образом: «Огромный, возможно, самый богатый в мире агропромышленный потенциал России никогда, ни в какие этапы российской истории, начиная с древних времен до 1917 г., полностью не был использован» (с. 998). И вывод, и его формулировка также рождают вопросы: какими объективными показателями определяется мера использования агропромышленного потенциала, каким образом можно сравнивать его использование в разные исторические периоды или в разных странах? Ответов на них в работе нет. Неопределенность выдвигаемых утверждений не дает возможности ни согласиться с ними, ни оспорить их.

С большей ясностью высказана авторская позиция в вопросе о цивилизационных особенностях России и русских (славян, евразийцев). Автор убежден, что им присуща особая система ценностей: «К концу XIX — началу XX в. эти ценности можно было поставить примерно в такой ряд: служение царю, государству при определенной социальной справедливости, православной вере, а также наличие семейного благополучия, которое вмещало в себя кроме нравственной категории — семейного счастья также и материальный фактор — семейный достаток. В свою очередь, семейный достаток слагался из жилищного благополучия и других материальных благ, где питание семьи занимало, пожалуй, одно из последних мест» (с. 996). Отметим, что данные заключения не являются выводом из проведенного автором исследования, а представляют лишь проекцию его собственных мировоззренческих установок. С их помощью он, в частности, пытается объяснить недостаточность и невысокое качество питания в России: «...скорее всего благодаря влиянию религиозно-этнических традиций на развитие евразийского населения вообще вопросы питания уходили как бы на задний план. Или по крайней мере так было принято их воспринимать в обществе» (с. 996). Ниже мысль развивается: «...у славянских народов было все иначе. Так как в системе ценностей материальное благополучие, а значит, и питание у них было на последнем месте, то и отношение к продовольствию в государстве у ее (так в тексте. — *И. К.*) граждан и властей было, если можно так выразиться, „особенное“. Эта особенность заключалась в небрежении ко всему материальному вообще, в противовес к духовно-нравственным ценностям» (с. 997). Грамотность хромает, но мысль понятна. Из особых ценностей россиян автор выводит и преобладание в России посевов «дешевых сортов ржи и ячменя», которые русские просто «любили сеять» (с. 996), и даже такое отмеченное им явление: «Также если немецкая свинина или курятина на лондонском рын-

ке в конце XIX — начале XX в. славилась своим внешним товарным видом, то русская была безобразная на вид, но откормленная на натуральном зерне» (с. 99б). Думается, дальнейшие комментарии излишни.

Нет сомнений, что автор рецензируемой книги — человек равнодушный к проблемам современной России и увлеченный ее историей, вложивший в свою работу много времени и сил. Однако его труд в целом несет на себе печать дилетантизма. Книга имеет не исследовательский и не обобщающий, а именно компилятивный характер. Поскольку в ней добросовестно воспроизводятся материалы источников, она может использоваться в качестве своеобразного исторического справочника, может быть, даже энциклопедии, но вряд ли более того.

И. А. Кузнецов
[Рецензия
на книгу
Рогатко С. А.
История продовольствия
России...]

Rogatko S. A. History of Russian Food from Ancient Times to 1917: A Historical-Economic Approach to the Agro-Industrial Development of the Russian Empire

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-140-147

«... Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»¹

Замятин Д. Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014. — 592 с. ISBN 978-5-93762-108-5.

Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с. ISBN 978-5-389-10490-7.

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165

В том-то и состоит ценность географии, что благодаря ей действительность предстает перед нами во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но лишь для того чтобы еще лучше понять, насколько тесно они взаимосвязаны.

Ф. Бродель. Что такое Франция?

Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе... всю ее философию, который проявляется во все эпохи общественной жизни... который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический.

П. Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего

У географического фактора в социальных науках весьма неоднозначный статус. С одной стороны, ни один здравомыслящий человек не будет отрицать влияние географического фактора на человеческие возможности в сфере хозяйственной деятельности и общего

1. Каплан Р. (2015). Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. М. С. 365.

жизнеустройства². Однако существуют примеры того, как титаническими усилиями можно преодолеть биолого-географические ограничения, — «самый северный чай в мире» выращивают в Большом Сочи благодаря тому, что столетие назад Иуда Антонович Кошман вопреки общему убеждению в своем чудачестве смог создать чайную плантацию в нынешнем селе Солохаул. С другой стороны, в истории социальных наук есть особые страницы, ознаменовавшиеся гиперболизацией роли географического фактора в развитии общественных систем. Эти концепции до сих пор квалифицируются как недопустимая монооптика для анализа многофакторной и полипричинной социальности, «проникшая в толщу и северной, и западной традиций мышления... и до сих пор готовая выйти на интеллектуальный поединок с любым POSSИБИЛИСТСКИМ или образным пониманием пространства, лелея мечту окончательно отправить этих когнитивных „выкидышей“ на свалку географии»³.

Книга Д. Н. Замятина «Постгеография. Капитал(изм) географических образов» представляет собой терминологически насыщенное повествование о специфическом междисциплинарном феномене и наследнике прежнего географического детерминизма — постгеографии как «кардинальном пересмотре роли и значения пространственных представлений в жизни человеческих сообществ на локальном, региональном и глобальном уровнях» (с. 4). Книга — объемное по библиографическим отсылкам и содержательному наполнению полотно, требующее от читателя почти невозможной осведомленности в самых разных предметных областях, включая художественную литературу (формат авторских упоминаний литературных произведений предполагает, что читатель их прекрасно знает и легко воспроизведет в памяти предполагаемые контексты и сюжеты). Читателю предлагается очень сложное изложение очень сложного контекста современного восприятия географических вопросов, задачу которого автор видит в «осмыслении онтологического переворота в восприятии и воображении земного пространства... Несмотря на то, что знаково-символическое конструирование культурных ландшафтов стало предметом географических (...и антропологических, филологических, социологических, философских, психологических) исследований уже довольно давно... по крайней мере с 1950–1970-х годов, географическое пространство... до сих пор не рассматривается в онтологической и одновременно антропологической перспективе... Постгеография призвана... нащупать ...мыслительные пролегомены, посредством которых географическое

И. В. Троцук
«...Поиски лучшего
мира должны
опираться
на доскональное
знание
географии...»

2. См., например: Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы (2009) / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011). М.: ИЭ РАН.

3. Замятин Д. Н. (2014). Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб. С. 33.

воображение может быть „легализовано“ или узаконено в качестве онтологического предположения» (с. 5–6).

Слово «капитализм» автор использует в названии, потому что «географические образы, как и собственно капитал в его марксовской трактовке, обладают потенциальной способностью к расширенному и порой неконтролируемому самовоспроизводству» (с. 6). Речь идет о современной гуманитарно-научной парадигме капитализма, которая конструируется в постмарксистских концепциях и трактует пространство прежде всего как «товар», то есть благодаря ему можно получать не только финансовую, но и социальную, культурную и символическую «прибыль» (пространственные репрезентации выступают соответственно как социальный, культурный и символический капитал, не говоря уже об экономическом и политическом).

Книга сложна для восприятия в силу отчетливого философско-культурологического крена, и, видимо, понимая эту особенность своего текста, автор пытается облегчить задачу читателя: во-первых, во введении все сюжетные линии внушительной по объему монографии прописаны тезисно и понятно. Так, расширение традиционных географических дискурсов и введение термина «постгеография» объясняются не общими веяниями нынешней «эпохи с многочисленными приставками „пост“ (постструктурализм, постмодернизм, постистория и т. д.)» и не бессилием классических географических дискурсов XIX–XX веков (они все так же функциональны), а их «ограниченностью, как бы стесненностью и ущемленностью в условиях интенсивного распада модерна» (с. 7). Постгеография предполагает «мышление пространством», которое «есть само по себе географический образ, и проблема лишь в его выражении и презентации» без гипертрофии и без «онтологической негации» (с. 8–9). Сама жизнь мыслится как «пространственный аутопойсис»: «географические образы являются обобщенными специфическими репрезентациями земного пространства, которые можно в свою очередь интерпретировать в различных системах отсчета, картинах мира и онтологиях» (с. 12), причем эти образы налагаются, взаимодействуют, трансформируются, немислимы друг без друга и составляют единицы «постоянно растущей и расширяющейся географической библиотеки» (с. 14).

Автор выделяет три исторические (западные) эпохи с устойчивыми дискурсами пространственности, которые тесно связаны с дискурсами телесности: античность и средневековье — вся пространственность как бы заключена в плотной телесности; Возрождение и Просвещение — эпоха дистанцированной пространственности (все должно быть увидено как бы издалека); зрелый модерн — эпоха, превращающая любой объект, включая тело, в своеобразный географический «макет». Принципиальное отличие постгеографии показано на примере городского пространства, которое превратилось в постгородское в условиях постмодерна

и глобализации: сегодня это «сеть взаимно отрицающих друг друга, взаимно не видящих, „прозрачных“, „слепых“ мест, понимаемых метагеографически и метафизически... при обилии всепоглощающей визуальной сценарности», и «постурбанизм — тотальное отсутствие границ» (с. 25). Нынешняя «тотальная географизация пространства лишает его первоначальной сакральности, которая имеет в традиционных обществах безусловный онтологический статус» в топическом смысле (языческий политеизм привязан к природным или культурным локусам), утопическом (религии откровения пренебрегают местом) или спационалистском (в буддизме любое место стараниями верующего может стать священным) (с. 28–30), и заменяет ее «интенсивной медиализацией» — «медиативные пространства „предлагают себя“ в качестве наиболее удобных и комфортных „заместителей“ любых изначальных... репрезентаций мест и территорий... и способны... проживаться как онтологические, т. е. как незаменимые, необходимые и органически присущие» (с. 31).

Во-вторых, книга имеет четкую структуру: каждая из трех частей разбита на разделы и подпункты, курсивом в тексте выделены ключевые понятия, представлены их развернутые определения с производными понятиями, в хронологическом порядке, с обозначением трансформаций содержания, причин подобных изменений и ученых, зафиксировавших таковые в научном дискурсе. Впрочем, тем самым автор и усложняет задачу читателя, потому что вводит собственные понятия и/или уточняет и дополняет вполне традиционные, конструируя гроздья рядоположенных понятий, например используя для этого приставку «мета» с неоднозначным статусом в социально-гуманитарном знании (метагеография, метагеополитика, метапространство — «поле, где соппространственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений» — с. 174 или «представление мира в виде глобальных геополитических образов» — с. 206).

Автор очень последовательно выстраивает свою постгеографическую теорию. В первой части книги рассмотрены понятия «пространство/образ» и основные объективные и концептуальные вехи на пути перехода от географии к постгеографии. Традиционную географию автор определяет как позитивистскую теорию и практику, ориентированную на освоение обществом самого себя, а не только конкретных мест и ландшафтов, — освоение бесконечное и незавершенное в силу способности человека и общностей к территориальным адаптациям, а также спонтанно-неостановимое — по модели распушенной часовой пружины. Объективные процессы (например, Великие географические открытия) и концептуальные модели (скажем, осуществленная М. Фуко экспансия пространственных метафор) привели к тому, что «образ единого прежде географического пространства раздробился... на множество... „служебных“ образов, которые и формируют мозаику пространственного опыта конкретного человека» (с. 53). Благодаря

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

трудам К. Риттера и А. Геттнера появился «новый географический язык, который отличался не столько обилием новых научных терминов, сколько принципиально иным отношением к описанию собственного объекта — географического пространства. Так, введение понятий рельефа и ландшафта было, по сути, свидетельством превращения географии из науки, близоруко „ощупывавшей“ интересовавшие ее объекты (география „близости“), в науку дистанционную, которая уверенно фиксировала и сам объект своего интереса, и его структуру благодаря использованию пространственного принципа (география „дали“... как серия последовательных геоисторических образов Франции у Ф. Броделя)» (с. 59). Наиболее интенсивные модификации характерны для географических образов применительно к культурным ландшафтам, яркий пример чему — макрогеографические образы, замещающие или поглощающие реальные пространства⁴. Наиболее простые, четкие и выпуклые географические образы используются в политике — это конструкции, которые могут формировать сложную (центр и периферия), разветвленную (территории двойного подчинения, фронтальные империи) и иерархизированную (буферные и промежуточные зоны между соперничающими государствами) геополитическую картину мира.

Современную географию автор называет гуманитарной, потому что она «изучает различные способы представления и интерпретации земных пространств; ее базовые понятия... — культурный (этнокультурный) ландшафт, географический образ, региональную (пространственную) идентичность, пространственный или локальный миф (региональную мифологию)» (с. 79). В качестве ее важного раздела [хотя необходимость введения соответствующей терминологии не очевидна] автор называет имагинальную географию, фокусирующуюся на моделировании географических образов, ее основной метод — «образно-географическое картографирование» посредством понятий «гений места», «поэтика пространства» и др. Под географическим образом понимается «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» (с. 84).

Становление современной постгеографии для автора — длительный эволюционный процесс, запущенный в эпоху Просвещения теорией географического детерминизма в трудах Ш.-Л. Монтескье, продолженный в работах Н. Данилевского, О. Шпенглера и Дж. Тойнби о роли культурно-географического пространства для развития (локальных) цивилизаций и приведший к формированию трех концептуальных моделей: географического детерминизма —

4. Так образ пространства России «сконструирован» преимущественно литературными и философскими текстами с яркими эмоциональными оттенками, например *Радищев А. Н.* (1975). Путешествие из Петербурга в Москву. М.

«ищет строгую причинную связь между географическими условиями и закономерностями развития конкретной цивилизации»; географического POSSIBILIZMA — «утверждает вероятностную связь между веером природно-географических ограничений и возможностями и способами географической адаптации определенной цивилизации в их динамике»; геоспациализма — «локальная цивилизация и географическая среда представляются неразрывными частями, элементами цивилизационно-пространственной целостности (историко-географического образа)» (с. 103).

Еще одно базовое для автора понятие — геоника, она «рассматривает и изучает пространство как образ и транзакцию: на первой стадии пространство трактуется достаточно узко — как определенная экономическая транзакция в виде специализированных географических образов; на второй стадии... уже шире — как фундаментальные транзакции в большинстве сфер человеческой деятельности» (с. 118). Образы пространства могут влиять на принятие решений в экономике, поэтому возможны специфические транзакционные издержки в связи с восприятием, формированием и развитием образов пространства (например, образы Сибири и Дальнего Востока важны для социальных транзакций российских властных групп). Географическими образами в общественном мнении можно управлять, находя оптимальные траектории развития уже доминирующих образов, идентифицируя неявные образы и вводя их в официальный дискурс (так, в России традиционно силен дискурс об огромности, неисчерпаемости и богатстве пространств, который позиционирует эти особенности как важное инвестиционное преимущество), а также конструируя новые образы.

Поскольку территория для автора — «ментальный конструкт» и одновременно чья-то «принадлежность» (не столько юридическая, сколько феноменологическая), возможны разные подходы (дискурсы) в изучении территориальной идентичности (с. 147): плюралистический — основан на понятии множественности территорий, в отношении которых люди могут самоопределяться; уникалистский, или феноменологический, — рассматривает идентичность «здесь-и-сейчас» как мифологически и нарративно поддерживаемую и «объясняемую»; апофатический, или онтологический, — оценивает возможность и наличие идентичности как таковой. В трактовках территориальной идентичности важны и идеологические подходы к понятию пространства (с. 154–155). Современный марксизм понимает его как важнейший элемент капиталистического производства и устойчивости капиталистической системы, и даже в постмарксистской теории П. Бурдьё, несмотря на усиление символических аспектов пространства, в нем видится эквивалент метафизического тела, к которому применимо насилие (классовая борьба продолжается в сетевых и виртуальных пространствах). Постмодернистский дискурс неоднороден, потому что решает несколько задач — дистанцирования от модернистской трактовки пространства и идео-

И. В. Троцук
«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

логического обоснования процессов глобализации и регионализации (глокализации), поэтому территориальная идентичность оказывается «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, организованных в некую мозаику в конкретный момент времени.

В последнем случае понятны причины гетеротопии — «своего рода „шизофрени“ геокультурного и геосоциального пространства» (понятие заимствовано М. Фуко из биологии), «репрезентируемого различными образами мест, причем... они могут быть несовместимы или слабо совместимы друг с другом... одно и то же пространство может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т. д.)» (с. 157). Сегодня происходит переход к геоспациалистскому проекту — «образному империализму, сознательной идеологической концентрации и систематическому идеологическому комбинированию наиболее мощных в конкретной социокультурной ситуации политических, экономических, географических образов для их целенаправленной и постоянно воспроизводимой... в СМИ репрезентации вовне — на те или иные социокультурные общности и/или сообщества» (с. 169).

Во второй части книги показано, как постгеографические курсы используются в геополитических целях, для геополитических «игр с пространством» вследствие «невозможности... формирования единого географического образа мирового развития... и создания сетевой системы плотно увязанных между собой географических образов мирового развития различного масштаба, в виде специфических образных „матрешек“» (с. 180). Другое основание геополитических дискурсивных игр состоит в том, что постмодерн радикально изменил отношение к земному пространству: эпоха модерна «эффективно эксплуатировала географические образы, „заряженные“ на бесконечное расширение и освоение мира (понятие „Запад“ стало его естественным следствием), проект постмодерна предлагает и экстенсивное, и интенсивное понимание географических образов» (с. 187). В последнем случае географическое пространство обретает семиотический характер, его образы — визуальный, фреймовый и сценарный (можно «тасовать» их, как колоду карт), «мир представляется как реализация определенных схем интерпретации, и границы интерпретации являются одновременно и границами воспринимаемого мира» (с. 193). Политические географические образы часто не совпадают с государственными границами (впрочем, и в классической геополитике границы считались податливым инструментом концептуальных построений), потому что в моделировании политических пространств используются процедуры «подъема» (макровзгляд с элементами мифологизации) и «спуска» (автономизация географических траекторий исторического разви-

тия), например Россия выступает как «среднезападная страна» или как «мировой остров» (с. 203–204)⁵.

Соответственно, географическими образами можно манипулировать, чтобы сконструировать особым образом политико-, культурно- и экономически структурированное географическое пространство как эквивалент реального. Основным ресурс для подобных манипуляций предоставляют тексты (документальные, художественные, живописные и графические), которые используются в конкретных геополитических стратегиях. Внутри каждой из них можно выделить несколько уровней (с. 240–242): 1) «прямое продуцирование специфических геополитических образов в рамках письменных (художественных) стратегий» (артикуляция и интерпретация элементов географической карты); 2) «неявные языковые стратегии, связанные с переосмыслением их геополитических, геоидеологических и геокультурных контекстов» (построение концептов, автономных от прямых интерпретаций географической карты); 3) «изменение режимов функционирования самого языка, конфигураций языкового поля, приводящее к смене механизмов формирования геополитических образов» (в специфической языковой среде географические названия выступают как маркеры, коды идеологического или мифологического насыщения геополитических образов). В качестве особого дискурсивного феномена во второй части книги предстает столица — «образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом... государственности... и фундаментальной традицией власти в утверждении пространства... как аутентичной собственности (столичные репрезентации начиная с древности связаны как правило с ритуалами сакрализации властного пространства как центра)» (с. 248).

В третьей части книги и культура выступает как постгеографическая конструкция из разных типов локальных «пространств» (страны, города, архитектуры, мифа, паломничества и др.). Здесь автор предпочитает понятие «геокультурный образ» как обозначение «системы наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающее особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, т. е. к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа» (с. 303–304). Аналогично «Освенцим является ярким образом различных ментальных географий: европейской, еврейской, мировой, западной, восточноевропейской, польской, немецкой и т. д. ... без них глобальный ландшафт дрейфует в пространствах челове-

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего
мира должны
опираться
на доскональное
знание
географии...»

5. По аналогии с: *Цымбурский В. Л.* (2007). Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.

ской памяти» (с. 319). Распространять географические образы могут не только геокультуры, но и крупные религии, а также империи (или государства с подобными амбициями).

Несмотря на разнообразие объектов географического моделирования, наиболее перспективным его направлением автор считает моделирование образа страны, потому что здесь географическое пространство максимально структурировано в рамках определенной исторической эпохи, как матрешка, внутри которой стержневой образ спрятан внутри нескольких паковок». Так, в случае Германии стержнем образа страны выступает сочетание немецкой философии, германского милитаризма, культурно-исторической обособленности немецких земель и центрального географического положения в Европе (с. 328). Другой фокус авторского интереса — локальные мифологии, которые в европейском модерне конца XVIII — начала XIX века способствовали развитию национального воображения и формированию национальной идентичности, а сегодня поддерживают «весь комплекс цивилизационных „установок“ и практик, воспроизводимых всеми возможными... средствами» (с. 402). Географичность локальных мифов объясняется тем, что в разворачивании своих сюжетов они неизменно опираются на конкретные топонимы и реалии (независимо от степени их «реальности»), и, наоборот, «территории, места не существует без поддерживающего и „объясняющего“ его существование мифа или... системы мифов... Географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона» (с. 407). «Горизонтальные» локальные мифы тяготеют к жанру социальных утопий, «вертикальные» обращены, как правило, к религиозному или иному типу сознания, воображающему некие скрытые пространства таинственного, страшного и откровенного (например, миф русской усадьбы с проклятием, подземным кладом и т. д.).

Для оценки (и проектирования) роли локальных мифологий в солидаризации и сплоченности (или, наоборот, в расколе и атомизации) региональных сообществ автор предлагает модель из нескольких блоков (с. 421–428): 1) исследование мифологических ресурсов территории/сообщества (прежде всего местного фольклора); 2) описание структур локальных мифов и их упорядочение по происхождению, темам, сюжетам и степени распространенности; 3) идентификация характера (сакральный/профанный) мифов; 4) топографическая «привязка» мифов; 5) оценка значимости выявленных локальных мифов в становлении региональных идентичностей; 6) описание взаимодействия мифов с культурными ландшафтами, характеристика локально-мифологической визуализации и «текстуализации» территории; 7) обобщающая оценка существующих локальных мифов и возможностей конструирования новых.

В заключительной части книги представлены дискурсивные стратегии метагеографического конструирования России и фор-

мирования пространственной и цивилизационной идентичности, то есть демонстрируются практические возможности имагинальной географии. По мнению автора, со второй половины XIX века «российская цивилизация вырабатывает... специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не являются простым продолжением и расширением европейского воображения (коим устойчиво „питалась“ и воспроизводилась Россия весь XVIII век), а с другой стороны, фиксируют постоянную ситуацию ментального „оконтуривания“ условно пустых пространств, предполагаемых в будущем к освоению» (с. 454) и маркировке цивилизационной идентичности. В качестве подтверждения автор обращается к текстам П. Я. Чаадаева, презентующим Россию как страну, «ушибленную пространством» и цивилизационно зависимую от Европы.

Рядом с метагеографическим образом России автор ставит метагеографическую идею Евразии, сложившуюся «в геополитических штудиях первой половины XX века, — это идея „мирового острова“ или острова-материка... внутри него появляются образы отдельных островов, материков, иногда сцепляющихся друг с другом опять-таки в острова-материка (например, Китай, Индия, Европа, Россия)» (с. 466–467). Евразия — образ, символ и проект российской цивилизации, и термин «геократия» автор вводит для обозначения совокупности «способов и дискурсов осмысления, символизации и воображения конкретного географического пространства, ставшего имманентным для аутентичных репрезентаций и интерпретаций определенной цивилизации» (с. 526). Пространство есть некая власть, если его соответствующим образом географически интерпретировать. Поддерживают цивилизации-образы модерна и постмодерна локальные мифы, обеспечивающие воспроизводство и расширение нарративов цивилизационной идентичности (например, в России это миф о граде Китеже, мифы Урала и Русского Севера и т. д.).

Помимо проработки концептуальных и операциональных определений пространства и презентации основных линий теоретических дискуссий о нем в хронологическом ключе автор предлагает читателю примеры того, как разрабатываемый им подход позволяет обнаруживать важные закономерности в современной геополитике и постгеографии. Так, возможности образно-географической карты как метода исследования он показывает на примере города Касимова в Рязанской области; механизмы формирования компактных политико-географических образов в геополитической картине мира представлены на примере дискуссий в ходе Потсдамской мирной конференции 1945 года, прежде всего по поводу Германии; возможности моделирования геополитических ситуаций и объектов продемонстрированы на примере «хазарской границы» в Средней Азии XIX века — «как текучего, неустойчивого, подвижного рубежа... как своеобразной предграницы или протограницы... где рождаются, создаются, возникают максимально неустойчивые и ши-

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

рокие географические образы» (с. 298–299); последовательность шагов по идентификации и моделированию географического образа города прописана на примере карт Нижнего Новгорода и Ельца и т. д.

Однако географические сюжеты сегодня обретают новое звучание и в менее философско-нагруженном формате, как, например, в публицистической и геополитической (Р. Каплан представлен в аннотации как «публицист и геополитик») книге «Месть географии». Аннотация и эпиграф позиционируют автора как, во-первых, человека с географико-геополитически центрированным мировоззрением, поскольку он полагает, что «зная географию, можно ясно увидеть те границы, переступать которые не следует, — достаточно просто подойти к карте и внимательно посмотреть на нее» (достаточно редкий навык, судя по решениям политических лидеров и поступкам любопытствующих обывателей); во-вторых, как трезвомыслящего пессимиста, раз он предварил свой текст высказыванием М. Юрсенар о том, что человеческая история — это «необъятная масса зла и поражений, равнодушия и ошибок, неизбежных новых падений, новых катастроф и торжества хаоса», которая изредка прореживается периодами порядка, процветания и прогресса. И хотя содержание книги формируют три части — «Провидцы», «Карта начала XXI века» и «Судьба Америки», в центре повествования находятся обозначенные в прологе «Границы» — географические, исторические, религиозные и прочие демаркационные линии в научном и политическом дискурсе, территориальном и социальном пространстве, конституирующие политическую историю и нашу повседневную жизнь.

На все эти границы автор смотрит с двух перспектив: «сверху» — с макропозиций геополитической истории и «снизу» — как человек, «имевший возможность не спеша путешествовать по странам и континентам» (с. 9) в качестве международного журналиста. Вторая «оптика» (опыт включенного наблюдения) не только вносит в повествование яркость реалистичных зарисовок, но и удерживает автора от идеологизированных оценок, в набор которых текст мог бы превратиться без подобного отрезвляющего компонента, учитывая проамериканский взгляд автора на прошлое и настоящее и склонность к по-журналистски резким оценкам и метафорам, не характерным для научно-публицистического дискурса (на принадлежность к которому книга явно претендует), типа «на равнине реакционный режим Николае Чаушеску впился в глотку местному населению» (с. 10). Дополнительным фактором, удерживающим автора от слишком идеологизированных смещений, выступает его антропологический интерес, в частности, к работам Дж. Скотта⁶.

Пафос предваряющего книгу пролога, видимо, можно выразить так: нельзя недооценивать роль географии как самостоятельного

6. *Scott J.C.* (2009). *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven.

(гео)политического актора, который и сегодня продолжает преподавать человечеству уроки, когда оно пытается создавать искусственные и нелепые границы. У читателя может возникнуть впечатление, что автор излишне географически детерминистичен (хотя речь идет о социокультурной географии), когда, рассуждая о падении европейских диктатур во второй половине XX века, он отмечает, «насколько мимолетно настоящее, каким бы вечным оно ни казалось, единственное, что остается всегда неизменным, — расположение народов на карте мира... Подобно тому как была объединена Германия, когда-нибудь объединится и Корея... Вновь на определенном этапе доминантными окажутся культура и география. Искусственные границы, которые не совпадают с границами естественными, как правило, чрезвычайно уязвимы» (с. 14–15) [можно подвергнуть автора критике за размытость понятий искусственности и естественности в данном высказывании и в целом по тексту]. Однако автор постоянно подчеркивает роль личности и групп в истории (прежде всего местных правящих кругов) и поражение географии из-за влияния коммуникационных технологий, свидетельство чему — последние политические кризисы на Ближнем Востоке, хотя протесты в странах арабского мира развивались по-разному по причине влияния истории и географии, то есть «чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок» (с. 19) [речь, правда, идет преимущественно о принятии США решений о разных типах вмешательства в жизнь других государств].

Автор стремится опровергнуть нынешнюю теорию «плоского мира» (глобализирующегося и унифицирующегося) и познакомить читателя с «мыслителями (провидцами), которые выступают категорически против тезиса, что география больше не имеет никакого значения» (с. 16). В первой части книги автор «излагает основные положения их теорий, опустившись в них на максимальную глубину, во второй части применяет их мудрость на практике» (с. 16) [сложно сказать, характерны ли столь странные конструкции для стиля автора или же это особенности перевода]. Отправным пунктом размышлений автора в первой части книги выступает одна из последних «вспышек идеализма» в США, под которой он понимает высказанное Ф. Фукуямой мнение, что «успешность капиталистических стран с либерально-демократическим режимом положила конец спорам о том, какая из форм правления больше подходит для человечества», причем перекройка мира по американскому образцу в 1990-е годы не вызвала бурных протестов (с. 24). Но очень быстро «история и география охладил горячие головы... от легких разглагольствований о глобальном единстве, мировая элита была вынуждена перейти к тяжелым дискуссиям о невероятно запутанной истории межэтнических отношений на местах» (с. 33). «В 1990-х годах этнические и религиозные противостояния в отдаленных уголках планеты понимались как препятствия, которые „хорошие парни“ должны были преодолеть... Но уже в следующее

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

десятилетие такие противостояния стали рассматривать как факторы, которые могли — и должны были — предостеречь нас [США] от попыток военного вмешательства» (с. 41).

Первая часть книги посвящена концепциям «реалистов», которые «утверждали, что нельзя недооценивать роль географии, истории и культуры, их влияние на возможность тех или иных действий в любом отдельно взятом месте» (с. 44). Хотя, по мнению автора, «настоящий реализм представляет собой в большей мере искусство, нежели науку», именно он необходим для улучшения мира, потому что «принимает человеческий материал таким, каков он есть... ссылается на исторический прецедент, а не на абстрактные принципы», то есть «чтобы попытаться предвидеть будущее Ирака после уничтожения тоталитарного режима, реалист бы посмотрел на историю Ирака, объясняемую через карты и конфигурацию этнических общин, а не на моральные заповеди западной демократии» (с. 45). Историю реализма автор ведет с «лишенной иллюзий в рассуждении о человеческой природе» работы Фукидида «О Пелопоннесской войне», современный реализм — с работ Г. Моргантау, отрицавшего эквивалентность демократии и моральности, подчеркивавшего, что «государство должно быть гораздо „более лукавым“, чем отдельная личность» (с. 46) и объявившего геополитику псевдонаукой за возведение значения географии в абсолют (с. 83). Все это делает реализм крайне неудобным для политики, потому что для него порядок важнее свободы, он «опирается на признание самой... откровенной и самой детерминистической из возможных истин — географической правды... несмотря на искажения в картографии» (с. 49) (карты часто субъективны, могут быть «дискурсом власти», скажем латентного империализма, то есть опасным геополитическим инструментом, но без них невозможна мировая политика). Следует подчеркнуть, что географию автор мыслит предельно широко — как «фон для человеческой истории»: она связывает культуру с природными факторами, которые ограничивают действия человека физическими параметрами географии, но эти границы размыты, что дает свободу для маневра. География выступает как ограничитель и подстрекатель действий государства, поэтому, например, историю России автор связывает с ее извечными «союзниками» — просторами, суровыми климатическими условиями и временем.

Автор уточняет, что на долгое время географию не покорили, а забыли и предупреждает, что ренессанс географического дискурса должен вписаться «в тонкую грань между признанием географии в качестве важнейшего фактора исторического развития и опасностью преувеличения ее значения». Эту грань конституирует «вероятностный детерминизм» (в терминологии Р. Арона), «который признает очевидные различия между группами людей и физическими особенностями местности, где они проживают, но не понимает их слишком упрощенно, оставляя множество вероятностей откры-

тыми» (с. 59). Истоки этого типа детерминизма автор усматривает в работах Геродота, поскольку для его мировоззрения характерно признание определяющего влияния на социальную и политическую историю одновременно и географической реальности, и одиозных порывов человека.

Фундамент «правильного» географического реализма автор выстраивает на работах У. Мак-Нила (полемизирует с идеями О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона и определяет цивилизацию как «во многом мужественную реакцию на естественное окружение» (с. 67), М. Ходжсона (поместил ислам в географическом и культурном плане в контекст более крупных течений мировой истории, считал европоцентрическое видение и картографирование мира неверным), Р. Штраус-Хупе («реалист до мозга костей», убедивший американцев воспринимать геополитику всерьез), Х. Маккиндера (утверждал, что «человек, а не природа дает начало, но природа в большинстве случаев оказывается сдерживающей силой» (с. 85), поскольку «географические величины легче поддаются измерению и более постоянны, нежели человеческие» (с. 90), поэтому «природу и географию можно отодвинуть на второй план, но только уважая их, изучая должным образом» (с. 92) и др. [в завершающей главе книги в список ученых, совершивших переворот в исторической науке благодаря акценту на географии, демографии, материальной культуре и окружающей среде, внесен Ф. Бродель и в целом школа «Анналов»]. Кстати, автор убежден, что придуманная немцами геополитика во многом опиралась на искажение идей Маккиндера и «привела к губительным последствиям для Германии, дискредитировав географию и геополитику для целых поколений немцев после Второй мировой войны» (с. 102). Взлет и падение немецкой геополитической школы объясняются неверным истолкованием трудов многих ученых, в частности Ф. Ратцеля, хотя и его автор упрекает в «выспренности и пустословии... которые позволили поколению нацистских убийц использовать его идеи для оправдания своих деяний» (с. 103).

Нет смысла пытаться тезисно изложить содержание первой части книги, насыщенной известными именами, цитатами и главное — яркими историческими иллюстрациями идей автора, но необходимо предупредить читателя, что текст предельно «американизирован» — практически любая ситуация препарируется в нем с позиций американских интересов и (возможного) вовлечения в нее США в качестве «гегемона, который обеспечивает стабильность и мир». Подход автора нередко смущает не столько резкостью оценок и чрезмерной публицистичностью (к чему читатель готов, зная о профессиональной деятельности автора-журналиста), сколько откровенным «империализмом» в оценках роли США в прошлом, настоящем и будущем современного мира. Впрочем, эксцессы проамериканизма в книге не часты, автор действительно стремится разобраться в истоках многих нынешних проблем. Так, социально-политическую

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

нестабильность в Евразии он связывает со сложным переплетением целого ряда факторов: роста городского населения вследствие бурной урбанизации, колебания мировых цен на продовольствие и энергоносители, нарастания охвата и силы воздействия средств массовой информации и обезличенного чувства толпы, в которой человек ощущает себя одиноким и пытается избавиться от этого чувства, примыкая к националистическим и религиозным течениям радикального толка, которые «перекраивают традиционную географию» (с. 144) и создают «региональные военизированные формирования негосударственного уровня... способные доставить множество хлопот любой сверхдержаве» (с. 147), поскольку ищут власти, но избегают ответственности управления, вооружаются и лишают государство монополии на применение силы.

Конкретные примеры влияния социальной географии на жизнь в разных районах земного шара автор рассматривает во второй части книги, причем по событиям недавнего прошлого и начала XXI века. Каждая глава здесь посвящена своему географическому региону — Европе, России, Китаю, Индии, Ирану и территориям бывшей Османской империи, но акцент сделан не на внутринациональной ситуации, а на истоках нынешних взаимоотношений стран и географических предпосылках для их стабилизации или, наоборот, ухудшения в будущем. Так, автор отмечает благоприятствующее динамичному и диверсифицированному развитию географическое положение Европы, утверждает, что на самом деле существует несколько Европ, периодически конфликтующих по причине экономического неравенства, истоки которого коренятся в истории и географии региона, что не отменяет влияния и человеческого фактора.

Автор рассматривает ситуацию внутри отдельных стран и разные сценарии будущего Европы, позитивно оценивает возможные действия России на геополитической арене («несомненно, русские не станут применять наземные войска, чтобы вновь оккупировать Восточную Европу ради восстановления буферной зоны, но... будут оказывать политическое и экономическое давление на соседей (частично пользуясь их зависимостью от российских энергоресурсов)» — с. 170) и делает жизнеутверждающий для российского читателя вывод, что «география и история показывают, что Россию никогда нельзя сбрасывать со счетов. Возрождение России после развала СССР — всего лишь часть исторического процесса, уходящего корнями в глубокую древность» (с. 178). Русские в книге — «народ, который построил империю в жутких условиях континентального ландшафта и климата» (с. 184), но Кавказ «подпортил» имидж Российской империи, хотя такова «судьба любой континентальной державы, судьба государства-завоевателя» (с. 185). Автор критикует нынешнее увлечение российской политической элиты идеями евразийства как апелляцию только и исключительно к географии без выдуманной объединяющей идеологии, но «география не объясняет все на свете, да и не найти в ней универсального ре-

шения всех проблем, она лишь фон, на котором разворачивается битва идеологий» (с. 193).

Автор предлагает читателю взгляд на географическую карту мира сквозь призму китайской истории, подчеркивая, что выгодность географического положения Китая для экономического развития и «уверенности китайцев в своих силах» столь самоочевидна, что часто незаслуженно игнорируется, как и влияние «экологических» различий внутри страны на ее социокультурную и политическую дифференциацию. Для автора Китай — пример «сверхреалистической державы», постоянно и системно предпринимающей шаги по обеспечению своего роста, подчиняющей всю свою внешнеполитическую деятельность достижению фундаментальных национальных интересов — «экономического выживания и развития» (с. 212). «Китай использует все формы влияния — политическое, дипломатическое, экономическое, торговое, военное и даже демографическое, чтобы легально выйти за пределы существующих границ на море и на суше, восстановить границы времен империи на пике ее расцвета» (с. 237), при этом старательно избегая конфронтации с ближними и дальними соседями. Однако «укрепление китайской экономической мощи, все более сопровождаемой ростом военного могущества... усилили напряженность в американо-китайских отношениях... „Гегемон Западного полушария приложит все усилия, дабы не позволить Китаю сделать региональным гегемоном большей части полушария Восточного“» (с. 244).

Завершают вторую часть книги рассуждения автора о географической детерминации исторических судеб индийской государственности, в которых подчеркиваются различия китайского и индийского обществ с политико-географических позиций: Индия «не укладывается в границы субконтинента» и потому находится в сложных взаимоотношениях с Пакистаном, Бангладеш и отчасти Непалом, для нее характерна географическая разорванность севера и юга (отсюда многие религиозные и прочие устойчивые конфликты) и влияние британского бюрократического аппарата на прошлое и настоящее (в колониальном прошлом для независимого настоящего кроется такой «плюс», как наследие прочной бюрократической традиции). В свою очередь, Индия и соседние государства с искусственными и размытыми географическими границами противопоставляются Ирану как государству, в котором «нет ничего искусственно созданного» и где высок уровень властной институционализации.

Заключительная часть книги по объему незначительно превышает открывающий ее пролог и посвящена судьбе Америки: автор идеалистически-апологетически и исключительно «американистически» оценивает недавнее прошлое страны («ни в Ираке, ни в Афганистане США не допустили принципиальной ошибки...»); «ничего столь катастрофического не произошло после вторжения Америки в Ирак — наше военное и экономическое положение

И. В. Троцук

«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»

в мире... прочно и стабильно, нет никаких признаков ослабления этих позиций» — с. 346–347) и дает интересные прогнозы о ее демографическом и геополитическом будущем. «Америка в течение XXI века станет скорее цивилизацией полинезийского типа, ориентированной с севера на юг от Канады до Мексики, чем островом, населенным светлокожими людьми, простирающимся с востока на запад в умеренной зоне от Атлантического до Тихого океана. Для этого многочасового сообщества будут характерны быстро растущие города-государства с пригородами, которые с течением времени все больше будут похожи друг на друга... Каждый из них будет поддерживать и развивать свои экономические отношения с городами и торговыми сетями по всему миру... США суждено стать основной беспопыленной зоной деловых операций в мире, излюбленным местом проживания мировой элиты... Она будет использовать иммиграционные законы, чтобы присвоить лучшие и умнейшие человеческие активы мира... Национализм сам по себе станет не таким концентрированным, но все же достаточным, чтобы сохранить уникальную индивидуальность Америки и ее военную мощь» (с. 359). Что касается мира в целом, то он видится автору в будущем «как подобие жизнеустройства в Османской империи — „сеть географически переплетенных общин“, по словам А. Тойнби, а не „локутного одеяла, сшитого из... государств, изолированных в пределах своих границ“. Любые отношения будут сказываться на других как никогда ранее» (с. 364).

Таким образом, первая из рецензируемых работ сложна для восприятия даже для искушенного в социально-гуманитарных дискурсивных вариациях читателя, поскольку автор не только эрудирован и ожидает того же от своей аудитории, но и конструирует неоднозначный понятийно-категориальный аппарат (неоднозначный в силу избытка неологизмов и «терминологических игр»). Вторая книга, несмотря на схожий идеологический посыл (его можно выразить лозунгом «назад к (гуманитарной) географии!»), аналогичную расширительную трактовку «географии», ту же склонность к резким оценочным суждениям (например, у Замятина нынешние политологические дискурсы «несут „каинovu печать“ американского происхождения», а у Каплана в Центральной Европе «пустило корни робкое и очень жалкое подобие европейской культуры») и явно выраженный «центризм» (только у Замятина — россияцентризм, а у Каплана — америкацентризм), совершенно иначе стилистически и содержательно выстроена, поэтому легче читается, основные из цитируемых работ здесь реферативно представлены с воспроизведением наиболее значимых цитат, дистанция между автором и повествованием сведена к минимуму (нет попытки построения объективированно-дистанцированного текста, автор позиционирует себя как часть государства, ответственного за серьезные геополитические решения). По сути, перед нами две вариации макровзгляда на роль географии — философски-дистанцированная

и геополитически-публицистическая, каждая из которых важна для понимания прошлого и будущего нашего мира в географически-поссебилистском ключе. Печальные последствия игнорирования подобного типа географического детерминизма и живописуются во второй книге как «месть географии».

“...The search for a better world must be based on a thorough knowledge of geography”

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 101000, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165

И. В. Троцук
«...Поиски лучшего
мира должны
опираться
на doskonaльное
знание
географии...»

20 лет Закону «О сельскохозяйственной кооперации»

А. А. Куракин

Куракин Александр Александрович, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-166-169

8 декабря 2015 г. в здании Минсельхоза состоялась юбилейная конференция, посвященная 20-летию Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». Организаторами конференции выступили две всероссийские саморегулируемые организации ревизионных союзов — «Чаянов» и «Агроконтроль».

Состав участников был весьма представительным. Роль ведущего взял на себя заместитель министра сельского хозяйства А. В. Петриков, главным действующим лицом оказался президент «Чаянова», вдохновитель и идеолог Закона «О сельскохозяйственной кооперации» В. Ф. Вершинин. Заметную роль сыграл и президент «Агроконтроля» А. В. Морозов. В президиуме заседали Ю. Шаффланд — эксперт «Германо-Российского аграрно-политического диалога», консультировавший разработчиков Закона «О сельскохозяйственной кооперации» в 1995 году, а также представитель Банка России С. Л. Федоров, которому пришлось выслушивать многочисленные критические замечания аграрников. Среди выступавших были депутаты Госдумы, председатели сельскохозяйственных кооперативов, представители региональных ревизионных союзов и минсельхозов и академического сообщества.

На первый взгляд ожидать чего-то интересного от подобных юбилейных мероприятий было бы наивно: свадебные генералы, хвалебные речи, поздравления и пожелания. Однако на конференции явственно обозначились два полемических сюжета: по поводу унификации кооперативного законодательства и разногласий между Банком России и Минсельхозом. Несмотря на юбилейный повод, выступления касались дня сегодняшнего и планов на будущее. Практическая направленность обсуждений нашла отражение и в резолюции конференции, где содержатся конкретные предложения Госдуме и правительству.

Рассмотрим подробнее эти содержательные моменты конференции. Начнем с полемики. Красной нитью через многие выступления проходил вопрос о том, нужен ли нам единый закон о кооперации, который бы охватывал все виды кооперации во всех отраслях экономики. Много сторонников такой унификации оказалось среди представителей академического сообщества. Главный их аргумент состоит в том, что кооперативы имеют единую природу, которая и должна быть отражена законодательно. Они считают неправильной нынешнюю ситуацию, когда помимо Закона «О сельскохозяйственной кооперации» существуют еще законы «О потребительской кооперации», «О кредитной кооперации», «О производственных кооперативах». Такая законодательная мозаика не позволяет развиваться единому мощному кооперативному движению.

Открытым противником такой унификации выступил А. В. Морозов. В своем докладе он назвал ее угрозой для сельскохозяйственной кооперации. Одной из главных заслуг Закона «О сельскохозяйственной кооперации» он считает осознание сельскохозяйственными кооперативами своей идентичности. По его словам, закон создал своего рода «отдельный биоценоз», который долгое время никто извне не трогал. Морозов считает, что сельскохозяйственная кооперация обладает своей спецификой и ее не стоит смешивать с кооперативами из других отраслей. В ситуации с еще слабой и уязвимой кооперацией множественность законов о кооперации скорее способствует, нежели препятствует ее развитию. Напротив, нивелирование на законодательном уровне специфики сельскохозяйственной кооперации поставит последнюю на грань выживания. В качестве примера «уравниловки» докладчик привел лишение потребительских кооперативов (в том числе сельскохозяйственных) права распределять прибыль среди своих членов, ставя, таким образом, знак равенства между кооперативами и иными некоммерческими организациями.

Другим направлением критики сторонников единого закона о кооперации оказалось разделение сельскохозяйственных кооперативов на производственные (СПК) и потребительские (СПоК). Согласно закону СПК являются коммерческими организациями, а СПоК — некоммерческими, что не отражает их реальной экономической деятельности.

Противником унификации СПК и СПоК был и сам автор закона В. Ф. Вершинин. В своем выступлении, посвященном истории принятия Закона «О сельскохозяйственной кооперации», он отдельно этого вопроса не касался, но довольно подробно изложил в статьях «Рождение закона» и «Прибыльные химеры», включенных в сборник «Сельскохозяйственная кооперация. Рождение закона», который раздавали на конференции¹. Так, в статье «Рождение

1. В этот сборник были включены статьи Вершинина о сельскохозяйственной кооперации, а также стенограмма обсуждения законопроекта «О сель-

закона» Вершинин пишет, что, избравшись в 1993 году в Госдуму по списку Аграрной партии России, он сразу обнаружил, что у его законопроекта есть конкурент, разработанный под руководством Е. В. Серовой. Главное, что не устраивало в этом законопроекте, — отсутствие понятий «производственный кооператив» и «колхоз». По мнению Вершинина, законопроект был призван исключить появление на селе организаций, хоть чем-либо напоминавших колхозы, то есть производственные горизонтальные кооперативы. Достичь этого можно было, просто-напросто исключив их из числа разрешенных организационно-правовых форм. Таким образом, вопрос о диверсификации кооперативов на производственные и потребительские, по сути, сводился к тому, можно ли колхозам дать право сохранить свой статус. Не вдаваясь в перипетии дебатов тех лет (их лучше прочитать в изложении самого Вершинина), отметим, что его разногласия с рядом ученых-аграрников наметились уже тогда. Среди своих идейных противников Вершинин называет Е. В. Серову, А. М. Емельянова, И. Н. Буздалова, Э. Н. Крылатых, активно против законопроекта выступал и В. Ф. Башмачников. Вершинин вступает в жесткую публичную полемику с Буздаловым, который подверг критике Закон «О сельскохозяйственной кооперации» за то, что последний, по его мнению, легализовал лжекооперативы в виде СПК, а также определил СПоК как некоммерческие организации, сделав их экономически безнадежными². В этой критике, по сути, также просматривается стремление к единому закону о кооперации. Ответ Вершинина получился весьма резким³: советские колхозы, по его мнению, несмотря на насильственный характер их возникновения, являлись настоящими кооперативами, нынешние СПК — абсолютно добровольные и не имеют ничего общего с насильственным обобществлением периода коллективизации. Что касается бесприбыльности СПоК, то это мировая кооперативная практика и ничего экстраординарного или устаревшего закон здесь не предлагает, поэтому разделение сельскохозяйственных кооперативов на коммерческие и некоммерческие вполне естественно. Альтернативой может быть либо упразднение СПК, либо определение СПоК как коммерческих (ориентированных на прибыль) организаций. Ни первое, ни второе, по Вершинину, не является приемлемым.

Что касается разногласий между банкирами и аграриями, то их причиной стала передача кредитных сельскохозяйственных кооперативов под контроль Банка России. Аграрии опасаются, что кре-

скохозяйственной кооперации» в Госдуме 15 июня 1994 года.

2. *Буздалов И.Н.* (2007). Кооператив без прибыли — химера // Вестник кооперации. № 2.

3. *Вершинин В.Ф.* (2015). Сельскохозяйственная кооперация. Рождение закона. М. Впервые опубликовано: *Вершинин В. Ф.* (2008). Прибыльные химеры // Вестник кооперации. № 1-2.

дитные кооперативы не выдержат предъявляемых Банком России требований к финансовым организациям (опять вопрос об унификации) и начнут массово закрываться. На III Всероссийском съезде сельских кооперативов, который прошел в августе 2015 года, этот вопрос вызвал бурю эмоций и негодования со стороны кооператоров, так что представителю Банка России было довольно неуютно. Теперь же докладчику из Банка России пришлось выслушивать критику как «снизу», так и от Минсельхоза.

Принятие резолюции конференции не стало пустой формальностью. Она констатирует исключительную важность Закона «О сельскохозяйственной кооперации», причем именно в нынешнем компромиссном варианте, сочетающем горизонтальную и вертикальную кооперацию⁴. Признается необходимость сохранения концептуальной сущности данного закона, который отделяет сельскохозяйственную кооперацию от иных видов кооперации. В этом смысле, в споре между сторонниками унификации и дифференциации кооперативного законодательства, резолюция отражает позицию последних. В то же время признается необходимость в законодательных изменениях. Так, в резолюции указана необходимость добавления в Гражданский кодекс России разделов по кооперативам, где они бы определялись как особая категория «юридического лица без подразделения их на коммерческие и некоммерческие организации». Вносится предложение сохранить порядок распределения прибыли среди членов потребительских кооперативов. Наконец, красной нитью через всю часть «прошений» к власти проходит тезис о необходимости широких обсуждений всех законодательных инициатив и госпрограмм с обязательным участием аграриев и кооператоров. Иными словами, прежде чем повелевать, неплохо было бы поговорить с «подданными».

20 years of the Law “On Agricultural Cooperation”

Alexander Kurakin, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, 101000, Moscow, Myasnitskaya, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-166-169

4. Сам Вершинин подчеркивает, что закон был результатом компромисса между позициями правых и левых партий в Госдуме тех лет.

XIV Международная научно-практическая конференция «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв.» (15–18 августа 2016 года)

Е. С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-170-172

Старинный северный город Каргополь стал местом проведения российских и международных конференций, посвященных истории и культуре Русского Севера. Собравшаяся здесь уже в четырнадцатый раз конференция оказалась самой многочисленной за все прошедшие годы по количеству участников — 83 докладчика из ведущих университетских и академических центров (от Москвы и Санкт-Петербурга до Архангельска и Южно-Сахалинска), включая международных участников из США, Англии, Франции, Швеции, представила широкий спектр междисциплинарных докладов, посвященных истории северных территорий России в сравнении с территориями ее северных соседей.

В первый день работы конференции с приветственным словом к участникам обратились министр культуры Архангельской области Вероника Яничек и глава МО «Каргопольский муниципальный район» Андрей Егоров. На первом пленарном заседании были заслушаны доклады о малых городах России, в особенности северных, их роли в сохранении и развитии культуры. Еще одна группа докладов была связана с анализом исторического взаимодействия российского населения на Севере с другими европейскими народами. Наконец, в третьем блоке докладов рассматривалась собственно история города Каргополя и его значение в истории России.

Второй день работы конференции открыл доклад доктора исторических наук, профессора Института всеобщей истории РАН А. Ю. Петрова «Значение уроженца Каргополя А. А. Баранова в истории Русской Америки». Теме Русской Америки и роли Баранова в ее управлении было посвящено целое пленарное заседание. Особо следует отметить доклад сотрудника Государственного исторического парка Форт Росс, штат Аляска, Робин Джой Веллман (США), а также доклады сотрудников музея Г. И. Шелехова (г. Шелехов, Иркутская обл.), Тотемского музейного объединения (г. Тотьма, Вологодская обл.) представивших уникальные историче-

ские сведения о Баранове как о «главном менеджере» русской Аляски начала XIX века, об истории повседневности российско-американской жизни на полуострове Аляска.

На секционном заседании «Каргопольская земля и Русский Север: историческое наследие» было представлено 24 доклада. Большинство из них глубоко затронули тему средневекового освоения и развития российских северных земель на примерах границ Белозерского княжества XV–XVI веков, вкладов в Кирилло-Новоезерский монастырь, а также культурного и экономического значения Соловецкого монастыря. И конечно, на секции были широко представлены доклады, связанные с культурой, строительством, торговлей и промыслами Каргополя в XVII–XIX веках.

Чрезвычайно содержательными оказались выступления, посвященные народному образованию, например доклад Е. А. Калининой (г. Петрозаводск) об учительской корпорации Каргопольского уезда XIX века, драматическая история преподавателя Каргопольского педагогического техникума П. Я. Чубарова в изложении краеведа В. А. Сметанина (г. Архангельск). Также, пожалуй, надо выделить доклады В. В. Ефимовой (г. Петрозаводск) о каргопольском городничем Пишке, М. И. Мильчика (г. Санкт-Петербург) о строительстве деревянного трапезного храма в Спасо-Преображенском монастыре Каргополя, каргопольского краеведа О. Б. Пригодина о благотворительной деятельности каргопольского купечества. Во всех этих докладах в научный оборот были введены новые ценные исторические сведения, предпринята попытка их оригинальных аналитических обобщений.

На секции «Каргопольская земля и Русский Север: культурное наследие» большой интерес вызвали доклады А. Б. Бодэ (г. Москва) «Проблемы реставрации памятников деревянного зодчества», Б. Д. Москина (г. Петрозаводск) «Традиция Венчания иконостааса образом Спаса Нерукотворного и изображения на медальонах ранних „небес“ Заонежья», Е. В. Ворожцовой (г. Южно-Сахалинск) «Произведения народного искусства Каргополя в фондах Сахалинского областного художественного музея».

Особое звучание в докладах А. В. Пигина (г. Санкт-Петербург), В. П. Кузнецовой (г. Петрозаводск), Н. Е. Плаксиной, О. В. Орловой (г. Сыктывкар) получила проблематика старообрядческой культуры на Русском Севере.

Итоги конференции, подведенные в последний день ее работы в выступлении ученого секретаря Каргопольского государственного музея Н. И. Тормосовой, воплотились прежде всего в междисциплинарных докладах и дискуссиях, посвященных длительной истории сельско-городского развития российских и зарубежных северных территорий. История эта, безусловно, будет полезна для разработки и принятия решений в области муниципального и регионального развития современного Русского Севера. По результатам работы конференции запланировано издание научного сборника статей в 2017 году.

Е. С. Никулина
XIV Международная научно-практическая конференция «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв.»

**XIV International Scientific-Practical Conference
“Kargopol and the Russian North in the History and
Culture of Russia (X–XXI)” (August 15–18, 2016)**

Ekaterina Nikulina, Researcher, Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-170-172

«Поставьте памятник деревне...»

С. И. Толстов, О. В. Усольцева

Толстов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, муниципальное казенное предприятие Томского района «Технополигон», директор. 634507, Томская область, Томский район, пос. Зональная станция, ул. Полевая, 23/1. E-mail: shpakras@mail.ru.

Усольцева Ольга Васильевна, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Гуманитарный лицей г. Томска, тьютор. 634041, г. Томск, пр-т Ленина, 53. E-mail: usoltseva-o-v@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-173-180

Рассуждая о состоянии современной российской деревни и ее перспективах, важно сконцентрировать внимание на двух ключевых аспектах. Во-первых, деревня, на протяжении последних двадцати лет предоставленная сама себе и не создавшая за это время устойчивых институтов развития, властью сейчас опять стала мыслиться в качестве актуального объекта управления: активно разрабатываются мероприятия по управлению сельскими территориями, культурному, экономическому и социальному развитию деревень, выводу сельских жителей из того маргинализованного состояния, в котором они, прировнившись к условиям жизни в последние десятилетия на селе, пребывают. Внешнее по отношению к селу управленческое воздействие действительно необходимо. Но какова будет его задача: развить или погубить, обанкротить или оздоровить? Второй ключевой момент заключается в отношении нашего общества к этому не только экономически, но и мировоззренчески важному вопросу. Горожане все больше воспринимают деревню как место для восстановления здорового образа жизни, гармоничного физического и нравственно-го развития, и поэтому негативный сценарий развития деревни обществом принят не будет. Можно констатировать, что складывается позитивный деревенский дискурс. Более того, имеет место идеализация традиционного образа жизни и превращение деревни в представлениях современников в национальное достояние.

Сегодня, когда рассматривать деревню как некую самостоятельную сельскохозяйственную экономическую величину уже невозможно, импульсом к приостановке процессов деревенской депопуляции и зарождению институтов развития сельских территорий может и должно стать вписывание их в объемлющие управляющие системы. Востребованными деревни будут в случае, если они научатся экономически конвертировать такие преимущества, как чистый воздух, сельский туризм, история малой родины предков. У деревни как инфраструктурной единицы открывается исторический шанс на возрождение в связи с тем, что вскрылись пагубные,

чреватые мутацией человека свойства города. Урбанизация на современном этапе явственно выказала свою ограниченность в расширенном демографическом воспроизводстве населения.

Причудливое сочетание всевозможных положительных и отрицательных факторов развития нашего общества, итогом которого стала вновь апелляция к базовым традиционным ценностям, к деревне как к среде для культивирования этих ценностей, само по себе еще ничего не значит. Для того чтобы сельский (а именно усадебно-ландшафтный в современных условиях) образ жизни с учетом всех достижений техногенной цивилизации вернул себе доминирующую роль в жизни России, нужна активизация акторов возрождающегося, скажем так, деревенского тренда.

В этой связи актуальными представляются многочисленные краеведческие инициативы как сельских жителей, так и людей, живущих теперь в городе, сделать интересными не только их авторам, но и всем, кто имеет или только еще мечтает иметь «домик в деревне». Краеведение села как неотъемлемая часть деревенского дискурса призвано формировать мировоззренческую мотивацию акторов обратного переформатирования общества. Наряду с введением в оборот репрезентативной и релевантной краеведческой информации требуется соответствующая задачам времени глубина теоретико-методологического осмысления проблем локальной истории, с тем чтобы их переформулировать в задачи и предсказуемо успешно решать. Открывая работу секции, ее инициатор и организатор кандидат исторических наук *С. И. Толстов* говорил о важности формирования профессионального исторического взгляда на деревню как институт развития. Историческое знание как инструмент возрождения деревни вбирает в себя усилия и профессиональных экономистов, и социологов, и краеведов-любителей, озабоченных судьбой своего рода и своей малой Родины. На сегодняшний день свою состоятельность выказал такой междисциплинарный интегральный научный взгляд на прошлое и настоящее деревни, как крестьяноведение.

В качестве площадки, на которой смогли встретиться ученые и краеведы, как нельзя кстати подошел формат традиционных для Томска, в этом году уже двадцать шестых Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, в рамках которых 18 мая 2016 года была проведена секция «Развитие сельских сообществ Сибири: история и современность». Секция собрала представителей научной, педагогической и культурной общественности из Москвы, Новосибирска и Томска, а также городов Асино и Северск Томской области.

В докладе кандидата экономических наук *А. М. Нижулина* (Москва), открывшем работу секции, охарактеризованы направления современных исследований сельской России: региональные сельско-городские исследования, в рамках которых осуществляется дифференциация сельских регионов; аграрно-экономические ис-

следования, изучающие хозяйственные уклады и аграрную политику; историко-культурные сельские исследования; социокультурные, социально-психологические исследования, исследования будущего сельской России, а также представлены новейшие междисциплинарные исследовательские подходы к сельской России.

Автор доклада отметил, что на современном этапе для возрождения села важны многочисленные историко-культурные изыскания, осуществляемые как профессионалами, так и людьми, изучающими историю своей семьи. Последнее однозначно мобилизует волю к жизни и человеческое достоинство населения. Никулин высказал мнение о необходимости идти по местным «историческим тропинкам», опираясь на местное наследие, местную память. Большую роль в таких исследованиях играют люди, одаренные способностью к рефлексии — своего оригинального видения того, что происходит в жизни.

В заключение автор доклада подчеркнул, что Россия по-прежнему является гигантским резерватом экологически чистого существования и поэтому вполне вероятно обернуть вспять обезлюдение сельских территорий. А для этого необходимо в одинаковой мере развивать производство на селе и сельский туризм, повышать привлекательность сельской местности.

Отмеченное участниками обсуждения возникшее в очередной раз желание власти поставить деревню под управление обусловило актуальность докладов, посвященных отдельным вопросам истории управления деревней, освещению исторического опыта, учет которого, безусловно, необходим как основа любой преобразовательной деятельности, тем более в отношении такого специфического объекта управления, как крестьянство. В докладе доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета *В. П. Зиновьева* рассматривались вопросы модернизации российской деревни. Отметив, что старый крестьянский мир был обречен при любом историческом раскладе и возродить его бессмысленно, Зиновьев выразил мнение о необходимости распознать свой, российский путь модернизации деревни и следовать ему. Суть его заключается в крестьянских традициях коллективизма, веками сосредоточенного в общине, а в XX веке позволившего адаптироваться в навязанных крестьянам колхозах. В этой связи постсоветские преобразования нашей деревни, а именно ликвидация коллективных и повсеместное создание по западному образцу фермерских хозяйств, с точки зрения исторического опыта очевидно неуместны. Исторически для крестьян гораздо более приемлема многоукладность, при которой каждый из них имеет возможность работать как в своем личном хозяйстве, так и в коллективном и которая дополняется кооперацией крестьянских хозяйств, существовавшей еще с дореволюционных времен. Этим традициям сельские жители привержены до сих пор. Это то важное, заключает автор, что власть опять не хочет понять в крестьянах. Но имен-

С. И. Толстов,
О. В. Усольцева
«Поставьте
памятник
деревне...»

но этот путь модернизации приемлем для нашей деревни. Автор отметил также необходимость отказаться от стремления всемерно директивно-адресно организовывать жизнь деревни и, наоборот, доверять крестьянскому самоуправлению и толковым лидерам из деревенской среды.

История деревни как средоточие праведного социального и духовного крестьянского опыта жизни людей в преемственности поколений, воспроизводимого с преумножением, важна для понимания и принятия на современном этапе как инструмент государственного строительства. О том, что особо актуальна история деревень применительно к современной политической ситуации в Сибири, речь шла в докладе кандидата исторических наук *С. И. Толстова* (г. Томск) «История деревни как приоритет управления». Массовое, непрекращающееся до сих пор исчезновение сельских населенных пунктов в Сибири, несмотря на то что государству удается инфраструктурно поддерживать управляемость сельскими территориями, ведет к возможному квалификации региона в контексте международного права как *terra nullius*. В этой связи на сибирские территории в управленческой практике недостаточно экстраполировать только типологическое упорядочение сельских территорий как развивающихся, реструктуризирующихся и депрессивных. Из геополитических соображений государство обязано стимулировать весь набор всевозможных действий общественной активности по выявлению институтов сельского развития. Государство по определению должно быть преимущественным инвестором в развитие человеческого капитала в Сибири. Уровень сложности закрепления в будущем Сибири в российской юрисдикции ставит на повестку дня вопрос о второй колонизации региона в ближайшей перспективе. В этом деле мере ответственности должна соответствовать мера понимания исторической обоснованности субъектности именно России. Если под управлением понимать прежде всего информационное воздействие на объект с целью перевода его из одного состояния в другое, то история заселения и хозяйственное освоение Сибири начиная с героических времен Ермака и заканчивая трагическими завершающими страницами колонизации огромных пространств спецпереселенцами советского периода вне всякого сомнения становится инструментом бесструктурного управления русским цивилизационным развитием Сибири.

Исторически сложившаяся максимальная сельская поселенческая сеть в Сибири безальтернативно в рамках современных пространственных управленческих стратегий может и должна быть максимально законсервирована, с тем чтобы в дальнейшем при благоприятной демографической и миграционной ситуации возрождать ту часть исчезнувших деревень, которая в послевоенный период сумела адаптироваться именно к колхозному строю, сохранив у крестьян чувство хозяина земли. По мнению Толстова, стро-

ить иллюзии относительно возможности обеспечить субъектную успешность вторичной колонизации Сибири лишь экономическими мерами категорически нельзя. Только закрепление мест прежних поселений историческими маркерами (как простейший вариант — историческая справка, а в идеале — полноценная крестьяноведческая история села, отраженная в музейных экспозициях и памятниках) будет пробуждать родовую память, обосновывать моральное право на местность, распаковывать преимущественную мотивацию потомков взять ответственность за сельскую территорию.

Одним словом, необходимым и достаточным условием необратимого доминирования России на огромных пространствах за Уралом должен быть (и можно констатировать, что это происходит) определенный исторический дискурс в диапазоне от профессионального исторического краеведения до банального здравого смысла в повседневном сознании людей.

В докладе *О. В. Усольцевой* «Теория и практика преобразования сельского расселения Томской области в 1960–1980-е гг.» освещено воздействие на деревню нового, возникшего в середине XX века фактора ее трансформации — государственной расселенческой политики. Описано, как в 1950–1951 годах, а затем с начала 1960-х годов в нашей стране суверенное право каждого человека выбирать место своего жительства превращалось в одно из средств повышения эффективности колхозного производства и таким образом становилось предметом ведения власти. Еще одной задачей, решить которую призвано было расселение жителей из так называемых неперспективных деревень в крупные, по замыслу хорошо обустроенные и хорошо снабжаемые села, была необходимость остановить миграцию сельского населения в города. Характеризуя в этой связи районные планировки, автор доклада отдельное внимание уделила освещению практики составления перечней неперспективных сельских населенных пунктов районов и акцентировала внимание на том, что их авторами было руководство административных районов, а проектные организации вносили лишь незначительные коррективы в представленные им с мест списки. Районные власти при этом, несомненно, решали свои задачи соперничества сельских территорий между собой. Отмечается, что этот сюжет перспективен для локальных исследований.

Многие докладчики констатировали зачастую непонимание властью крестьянской ментальности, свойственной сельским жителям и поныне, стремление подчинить развитие деревни чуждой ей логике, что, конечно, дискредитирует власть. Не случайно в обсуждении прозвучало почти сакраментальное: «Не надо управлять деревней, оставьте ее в покое».

Вопросам управления также был посвящен доклад *А. В. Живоглядова* (Томск) «Казачество Сибири как фактор развития сельских территорий: опыт прошлого и настоящего». Автор отметил выдающуюся роль российского казачества при заселении и освое-

*С. И. Толстов,
О. В. Усольцева*
«Поставьте
памятник
деревне...»

нии Сибири, в частности территории Томской области, и возможность опираться как на этот исторический опыт, так и на современное законодательство в выстраивании взаимодействия казачества с государственными органами, муниципалитетами и сельскими сообществами. В частности, в рамках Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» казацкие общества на местах могут и должны компенсировать вакуум управляемости населенными пунктами внутри сельских поселений. Само по себе казачество, обладая традициями и определенными преференциями, являет собой потенциальный, столь искомый сегодня институт развития сельской территории.

Доклад кандидата социологических наук *О. П. Фадеевой* (Новосибирск) «Устойчивость и изменения в жизни сельских сообществ Сибири на современном этапе», основанный на материалах полевых исследований автора, содержит характеристику взаимодействия местных властей и сельских жителей в условиях очередного витка «оптимизации» функций и централизации властных полномочий. Автор приходит к выводу, что осуществляемая «вертикальная оптимизация» ломает сложившуюся систему жизнеобеспечения и усиливает значимость «горизонтальных контактов» и самоорганизации сельских сообществ. При этом, несмотря на увеличивающееся разнообразие и конфликтность разных групп интересов, в сибирских селах сохраняются механизмы неформальной кооперации и солидарности.

Доклад священника *Андрея Самкова* (Томск) был посвящен роли Русской православной церкви в обеспечении устойчивого развития сельских сообществ Сибири в прошлом и настоящем. Автор прежде всего показал, что историческая роль Русской православной церкви в управлении сельскими территориями в прошлом делает преемственно обоснованной ее деятельность в возрождении русской деревни. Отрадно, что Русская православная церковь видит себя не только в сугубо миссионерской деятельности, но и готова посылно включиться в реализацию местных инициатив в стандартном и нестандартном решении стоящих перед государством и обществом задач на селе.

Специалист в области генеалогических исследований *В. Г. Волков* (Томск) констатировал свойственное нынешнему времени большое внимание населения страны к реконструкции семейной истории и составлению родословных. Автор подробно охарактеризовал источники, содержащие необходимую для генеалогических исследований информацию и места их хранения, а также подчеркнул, что в процессе таких исследований вскрываются межсемейные и межтерриториальные связи, что, в свою очередь, приводит к росту самоидентификации людей как жителей страны.

О том, что успешная в советские годы деревня Вороно-Пашня Асиновского района Томской области сегодня рыночные испытания

на прочность выдерживает с трудом, отметила *Н. И. Михайлина*, будучи родом из этой деревни. Констатируя исчерпанность внутренних деревенских ресурсов в выживании сельских населенных пунктов, она подчеркнула своеобразное возвращение долга малой родине сегодняшними горожанами. Формой социальной поддержки села должно стать изучение истории села, но главное — увековечивание ее посредством закрепления памятных мест и организации событийного туризма. К примеру, в родной деревне Михайлина принимала участие в установке поклонного креста в память всем защитникам Отечества и отдельно памятника односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне, организовала шествие «Бессмертного полка». Она также устраивает в селе праздники с привлечением профессиональных и самодеятельных творческих коллективов из районного и областного центров.

Главное, считает *Н. И. Михайлина*, состоит в том, чтобы возродить самосознание, достоинство селян, вооружив их как реальной историей, так и мифологическим прошлым разных лет. Отдельное внимание она уделила вопросу, с которым повсеместно сталкиваются заинтересованные сельские жители: определение и документальное обоснование даты основания сельского населенного пункта и необходимость в этой связи сотрудничать с историками и краеведами.

Опыт изучения истории одной деревни был продемонстрирован кандидатом исторических наук старшим научным сотрудником Томского областного краеведческого музея *Т. Ю. Назаренко*. В докладе «Возвращение к предкам. По материалам белорусской переселенческой деревни Милоновка» акцент был сделан на источники, которые могут быть использованы: традиционные — научная и публицистическая литература, делопроизводственные и прочие источники из архивов, фотоисточники, газетные материалы, фотографии и надписи с могил, устно-исторические источники (беседы с бывшими жителями деревни и их родственниками, в ходе которых реконструируются семейные истории), переписка в социальных сетях. Большое значение в деле воссоздания истории деревень докладчик видит в воспоминаниях и родословных изысканиях бывших деревенских жителей и их потомков. Для этого был создан сайт «Сибиряки вольные и невольные» (сибиряки.онлайн), задуманный как большое хранилище семейных историй, пополнять которое могут все желающие. Перспективным видится объединение этих изысканий и системной работы с архивными источниками — тем, что хорошо освоено профессиональными историками.

Подводя итог работы секции, *А. М. Никулин* констатировал, что в Томской области не только развивается историческое краеведение села, но и осуществляется практическое применение исторического знания в деле сохранения и возрождения села. *А. С. И. Толстов* выразил надежду, что факт проведения данной конференции как минимум блокирует негативный имидж сельских территорий

*С. И. Толстов,
О. В. Усольцева*
«Поставьте
памятник
деревне...»

и тем самым вносит посильный вклад в их реструктуризацию в направлении развития.

По окончании секции для ее участников было организовано посещение выставок «Сибиряки вольные и невольные» Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова и «В нарымской дальней стороне...» (из истории крестьянской ссылки начала 1930-х годов) Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД».

“Put a monument to the village...”

Sergei Tolstov, PhD (History), Head of the Municipal public enterprise of the Tomsk Region “Tehnopolygon”. 634507, Tomsk district, Zonalnaya Station Settlement, Polevaya St., 23/1. E-mail: shpakras@mail.ru.

Olga Usoltseva, Tutor of the Municipal autonomous educational institution Tomsk Lyceum of Humanities. 634041, Tomsk, Lenin Av., 53. E-mail: usoltseva-o-v@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-173-180

Крестьяноведение

2017. Том 2. № 1

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 10.03.2017. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1394
Тираж 300 экз.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

| **Издательский дом ДЕЛО** |